

Александр РУСОВ

НА ОСТРЬЕ

Александр
РУССОВ

На острие
(Избранное)

Орёл – 2019

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р 88

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Русов А.

Р 88 На острие. избранное – Орёл: Издательство «Картуш», 2019. – 224 с.

ISBN 978-5-9708-0718-7

Автор книги – писатель Интернационального союза писателей (Международного Союза писателей, поэтов, авторов-драматургов и журналистов), известный краевед, редактор краеведческого альманаха «Станица». Собрал в единое издание наиболее яркие мифы и легенды, передаваемые из поколения в поколение о народах, живших на степных просторах. Где жизнь была на острие между жизнью и смертью. Где особо ярко отражались черты характера людей, смелость, стойкость. Где шла постоянная борьба, появлялись и бесследно исчезали цивилизации, оставляя редкие артефакты. И только в устном народном творчестве сохранилась многогранная героическая жизнь народов степи. Описав наиболее яркие эпизоды жизни отдельных личностей, автор попытался донести читателям события прошлого.

ISBN 978-5-9708-0718-7

© А.Русов, 2019

Александр РУСОВ

На острие

(Избранное)

Книги

первая вторая

Книга Первая

Золотая колесница

Степь была местом обитания кочевников. Она являлась центром сезонных кочевий, где племена проводили большую часть времени в период летних и зимних перекочевков. Здесь же располагались гигантские некрополи, проводились поминальные обряды, устраивались празднества, совершались набеги на жителей протогородов Аркаима, Синташты, Аландска, Ака. Кочевники нападали в основном осенью, чтобы наряду с искусными изделиями захватить выращенный урожай и скот.

Род женщин-воинов, расположившихся на берегу озера, был родом грозных воительниц, которые за свой неукротимый нрав вошли в античную историю, по описанию Геродота, как амазонки.

Раннее утро. Ветер гонит седые волны ковыля по бескрайним степным просторам. Кое-где в воздухе поднимаются пучки семян ковыля и опускаются невдалеке на землю. Обычное начало летнего жаркого дня. Воины, охраняющие стены древнего протогорода Ака, пристально вглядываются в появившуюся на горизонте темную точку, стремительно приближающуюся к переправе через небольшой ручей. Через несколько мгновений вырисовывается силуэт колесницы с двумя воинами, не вызывающий беспокойства. Но неожиданно с вершины

холма, где расположены царские курганы савроматов, появляется группа амазонок и устремляется наперерез колеснице. Раздается тревожный сигнал. И жители протогорода закрывают главные ворота и в спешном порядке занимают свои места на крепостных стенах.

С городской стены было видно, как преследующие колесницу амазонки на полном скаку натянули тетиву луков и выпустили стрелы. Одна из них попала в шею возничего. Лицо его исказила предсмертная гримаса. Он выронил вожжи и, дернувшись всем телом, опрокинулся на дорогу. Колесница, потеряв управление, наскочила на камень. От удара колесо разлетелось на части. Второй воин вылетел на дорогу. Перепуганные кони понесли остатки колесницы в степь. Преследовательницы подхватили тело воина с дороги, перекинули его через седло и скрылись из вида.

Все жители были встревожены увиденным. Вождь рода Атт подал сигнал собраться всем жителям в центре на круглой площади.

А в это время амазонки с пленником приблизились к небольшому озеру, где находилось стойбище. При виде пленника раздались восхищенные возгласы. Всадницы спешили в центре круга, сбросив добычу на землю.

В центре толпы, окружившей пленника, выделялась высокая молодая женщина, на руках которой были бронзовые браслеты, на груди - богатое ожерелье со стеклянными и халцедоновыми бусами, на поясе висел короткий меч и круглое бронзовое зеркало, за плечами - берестяной колчан со стрелами, в руках - лук.

Вождь Атра подняла лук, натянула тетиву и выстрелила в пленника. Смерть наступила практически

мгновенно, так как стрела была покрыта ядом. Атра знала: воин ариев ни под какими пытками не расскажет, с какой целью в это утро ехала колесница из Аркаима в Ак.

Странное зрелище представляло окружение Атры: высокие стройные женщины, вооруженные мечами и луками, и покалеченные мужчины с перебитыми или вывернутыми в суставах руками и ногами. Новорожденным мальчикам наносились увечья с таким расчетом, чтобы они в дальнейшем не могли владеть оружием и захватить власть, а исполняли бы роль прислуги: пасли табуны, ставили стойбище, воспитывали детей, готовили еду. Родом управляли женщины - прекрасные наездницы, в совершенстве владевшие мечом, метко стрелявшие из лука, совершавшие набеги, наводящие ужас на жителей степи.

Атра привела свой род сюда, в окрестности протогорода Ака, не случайно. Она знала, что ежегодно в день летнего солнцестояния в Аркаиме проводятся обряды, посвященные богу Огня. И ежегодно к началу этих событий из протогорода Ака, славившегося в «стране городов» мастерами, изготавливающими уникальные изделия из золота, для проведения обрядов поклонения богу Огня в Аркаим отправлялись ритуальные предметы. Среди них были золотые колесницы и олени, украшенные золотом мечи, кольчуги, костяные доспехи, подвески, упряжь. Золотые изделия, перевозимые на повозках, сопровождалась вооруженными всадниками, а также специальным отрядом на колесницах, присылаемых из протогорода Аркаима.

Атра повернулась и направилась в белую юрту. Зайдя внутрь, она опустилась на подстилку из толстого войлока. Женщина задумалась. Сопоставив события, произошедшие

утром, с приближающимися праздниками в Аркаиме, она пришла к мысли, что колесница направлялась в протогород Ак для подготовки к отправке ритуальных изделий. Для того чтобы окончательно убедиться в этом, она позвала в шатер восемь юных девушек и направила их лазутчицами к Аку. А сама решила совершить обряд со жрицей рода Мули, женщиной огромного роста и физической силы, пользующейся непререкаемым авторитетом среди амазонок. Атра послала прислужницу за жрицей.

Полог юрты распахнулся, и в проеме, закрывая солнце, возникла могущественная жрица. Мули опустилась на колени рядом с Атрой, склонив голову в знак почитания верховной правительницы. Атра повелела узнать волю духов для совершения набега на Ак. Мули удалилась.

Придя к себе в шатер, Мули стала складывать в кожаный мешок каменный алтарь в виде небольшого столика на трех ножках, каждая из которой была увенчана головой барана. Затем туда положила охру, цветные гальки, раковины с красками, небольшие сосудики и большой кристалл горного хрусталя. Собрав все необходимое для совершения ритуала, Мули приказала трем прислужницам сопровождать её к месту проведения ритуалов рода Лошади – каменному утесу в виде головы человека на реке Кумак.

А в это время Атра, надела снаряжение, взяла символ власти – жезл с искусно вырезанной головой лошади в верхней части – и направилась к своему любимому коню. Легко вскочила в седло и увидела приближавшуюся жрицу в сопровождении прислужниц. Амазонки, пустив коней вскачь, направились к месту совершения обряда. По дороге

им попадались табунки дроф, сайгаков, тарпанов. А для проведения обряда необходимо было добыть молодую косулю, чтобы принести в жертву покровителям рода.

Всадницы приближались к реке Кумак. Вдруг зоркий взгляд Атры заметил в береговых зарослях небольшую группу косуль, пришедших на водопой. Амазонки стремительно помчались к зарослям. Вспугнутые косули понеслись вдоль берега. Атра, быстро настигнув одну из них, ударила её жезлом по голове. Оглушенное животное упало на землю, несколько раз дернулось в предсмертных судорогах и затихло.

Забрав добычу, группа всадниц подъехала к огромному каменному изваянию в виде человеческой головы и спешила. Мули достала кожаный мешок, извлекла порошок белой глины. Бормоча заклинания, она посыпала площадку у подножия утеса. Затем установила каменный алтарь. В это время три прислужницы насыпали небольшой холм из песка и, обложив его цветной галькой, установили на вершине кристалл горного хрусталя. Затем набрали сухих веток для костра и принесли жертвенное животное. Жрица достала мешочек с охрой и на алтаре растерла ее. Лица и руки всем натерла охрой.

Стемнело. На небе ярко загорелись звезды. В реке плескалась крупная рыба. В береговых зарослях раздавались шорохи ночных зверей. От реки тянуло прохладой. Мули подняла руки к ночному небу и обратилась к духам с просьбой о помощи, взяла в руки белые камни и, ударяя ими один об другой, высекла искры, зажгла жертвенный огонь. Выхватила из-за пояса огромный кривой нож из бронзы и резким движением перерезала

горло косули, подставила жертвенную чашу и до краев наполнила ее кровью животного, плеснула, проговаривая заклинания, часть крови на огонь, сделала несколько глотков и передала чашу Атре.

Запрокинув голову, повелительница осушила чашу. В это время жрица исполнила ритуальный танец и впала в транс. Придя в себя, она взяла одной рукой небольшой сосуд и, обратившись к Атре: «Смотри!», плеснула жидкость в огонь. Вспышка пламени озарила площадку.

Свет, отразившись от кристалла хрустала, установленного в центре ритуальной площадки, на несколько мгновений ослепил Атру. В это время молния ударила в каменную голову утеса, раздался раскат грома и обрушился ливень. Люди прижались к подножью утеса ...

Наступило утро. Оседлав коней, амазонки направились в обратный путь. Вернувшись в свою белую юрту, Атра пыталась понять волю духов. Ход ее мыслей прервал прислужник, доложивший о прибытии лазутчиц.

Одна из них, юная Алина, наблюдавшая за протогородом Аком, лежала на вершине небольшого холма. Сначала Алина наблюдала за небольшой степной гадюкой, которая заползла в кустарник чилиги, испугнув мышей-полевок, через некоторое время раздался их писк. Перевернувшись на спину, девушка увидела высоко в небе парящего степного орла. Орел резко спикировал на добычу и исчез из вида. Алина развязала кожаный мешочек, висевший на поясе, и достала бронзовое зеркало. Полюбовавшись изображением павлинов на тыльной стороне зеркала, она стала рассматривать свое лицо. Повернув зеркало в сторону Ака, девушка неожиданно была

ослеплена лучом света. Придя в себя от яркой вспышки, она вскочила на коня и помчалась рассказать о произошедшем.

Спешившись, Алина направилась в юрту Атры. Распахнула полог и увидела правительницу, сидящую в центре юрты, упала на колени и подползла к ней, остановилась у самых ног, дотронулась лицом до войлока. Раздался крик охотничьего сокола, сидевшего на шесте, и Атра уставилась немигающим взглядом на Алину. Та, путаясь, стала рассказывать, как неожиданно была ослеплена отблеском от зеркала, направленного на протогород. Мерно покачиваясь из стороны в сторону, Атра выслушала Алину и отпустила, приказав никому не говорить об увиденном. Атра подумала, что это знак, поданный духами. Необходимо немедленно напасть на Ак, где их ждет желанная добыча. Хлопнув в ладоши, она призвала прислужника и приказала собрать весь род амазонок на берегу озера.

В то же время жители протогорода, собравшись в центре на круглой площади, слушали вождя рода Атта. Событие, произошедшее утром, означало одно: род амазонок расположился где-то поблизости и собирается совершить набег на Ак. Жители были уже наслышаны о нападениях амазонок на Аландск, Аркаим, Синташту, которые ими неоднократно были ограблены и сожжены, а жители перебиты, за исключением маленьких девочек, которых амазонки брали в плен, чтобы вырастить новых воительниц. Из толпы были слышны выкрики, что виной грядущего нападения являются дары, приготовленные для отправки в Аркаим и что надо как можно быстрее от них избавиться, так как другой причины для нападения со стороны амазонок

нет. Зерно на полях еще не поспело, а скот только начал набирать вес на заливных лугах. Караваны, всегда проходившие на юг через Ак, придут только в конце июля.

Сил в городе на отражение нападения амазонок было недостаточно. Часть воинов была направлена в объединенное войско для сбора дани с огромной территории, контролируемой «страной городов». В протогороде находилось небольшое количество воинов, охранявших крепостные стены да мирное население. Атт объявил, что все жители, способные носить оружие, должны занять свои места на стенах протогорода и приготовиться к отражению нападения.

В это время в центр круга влетел всадник - один из пастухов табуна, пасшегося в районе озер. Он упал с лошади и потерял сознание. Толпа зашевелилась. Кто-то принес воды и вылил её на лицо пастуха. Лицо его было черным от загара. Он еле двигал губами. Его подняли и поднесли к вождю. Тяжело ворочая языком, он сообщил, что когда он вместе с другими пастухами гнал косяк лошадей к озерам, то они увидели страшную картину: на берегах расположилось огромное стойбище амазонок. Пастухи с трудом повернули косяк лошадей в сторону реки Кумак, а Айткли поскакал предупредить жителей протогорода. Атт ломал голову, почему так стремительно развиваются события. Ещё днем, осматривая готовую золотую колесницу, он не мог и подумать, что луч солнца, отразившись от вогнутой поверхности украшения колесницы, отразится в осколке финикийского стекла в

крепостной стене, а солнечный зайчик попадет в бронзовое зеркало амазонки Алины, что и ускорит развитие событий.

В ожидании будущего сражения Атт собрал совещание старейшин рода. Необходимо было решить, как защитить Ак и отправить ритуальные изделия в Аркаим. Старый Акто сказал, что нужно пустить больше воды в ров, окружающий Ак, а поверху вбить сухие колья, обмазанные жиром, и в случае нападения их поджечь. Предложение Акто поддержали все, так как амазонки не смогли бы на своих лошадях перескочить через горящий частокол, а те, кому бы это удалось, оказались в глубоком рву, наполненном водой, под обстрелом.

Отправка драгоценных изделий вызвала много споров. Ер и Ик предлагали все оставить в протогороде. Акс и Кам настаивали разобрать золотую колесницу, а также другие изделия, погрузить их на повозку, спуститься с небольшим отрядом по руслу мелкой речки Баузда до реки Кумак, а потом вдоль русла реки Мусагатка выехать на дорогу, ведущую в Аркаим, где они будут встречены боевыми колесницами из Аркаима. Согласившись с предложением Акса и Кама, жители закрепили двух золотых оленей на колесницах, а золотую колесницу разобрали и вместе с другими дарами положили в повозку. Небольшой отряд в сопровождении воинов выехал через южные ворота по руслу Баузды. Ворота бесшумно закрылись.

Жители стали подниматься на крепостные стены, раскладывая дротики, шары для метания, выбирая удобную позицию для обстрела. В протогороде чувствовалось напряжение. В каждую минуту могли полететь отравленные стрелы и начаться штурм.

Атт сидел в своем доме. Он думал, что выполнил главную волю предков – отправил в Аркаим дары для проведения ритуалов, посвященных богу Огня, проводимых ежегодно в день летнего солнцестояния, и что золотая колесница и золотые олени наряду с другими ритуальными предметами произведут глубокое впечатление на всех собравшихся и укрепят веру в силу бога Огня – покровителя ариев.

А в это время отряд продвигался по мелкому песчаному руслу реки Баузда. Вода смывала с песка отпечатки копыт, следы повозки и колесниц. Арии проживали в местности, где в большом количестве встречались выходы золотых пород по берегам реки Кумак, а также небольших речушек, разбросанных между холмами. Не исключением являлась и речка Баузда, где в местах выходов кварцевого песка встречались самородки величиной с лошадиную голову.

Белый песок слегка проваливался под копытами коней. Но вот случилось неожиданное. Тяжело груженную повозку и одну из колесниц песок начал засасывать, и они стали быстро погружаться под воду. Отряд остановился. Все попытки сначала выдернуть повозку и колесницу, а потом уже хотя бы достать груз, оказались тщетными. Удалось только освободить лошадей. Оставаться дольше на этом месте было нельзя. Песок мог затянуть и другие колесницы, и в любой момент могли появиться амазонки. Отряд продолжил путь по направлению к реке Кумак.

В лагере амазонок царило оживление. Сотни всадниц в боевых доспехах на лошадях готовились к предстоящему

набегу. Они не впервые нападали и хорошо знали тактику осады укрепленных протогородов.

Когда многочисленное войско окружило небольшой протогород Ак, Атра обдумывала, как с наименьшими потерями захватить селение, тем более, что жителям отступить было некуда. Еще за несколько дней до набега все дороги были перекрыты. Так что добыча, которую нужно было забрать, используя хитрость и коварство, на которые были способны амазонки, была в руках.

После захода солнца огромная конная лавина с гиканьем устремилась на вал, защищавший Ак. Но неожиданно частокол из кольев вспыхнул ярким пламенем, что стало непреодолимой преградой. Те, кому удалось перескочить через него, попали в глубокий ров с водой, подверглись обстрелу со стен протогорода. Со всех сторон неслись вопли ужаса, раздавалось предсмертное ржание коней.

Протогород во мраке ночи представлял фантастическую картину. Окруженные со всех сторон горящим частоколом и рвом, наполненным водой, его высокие стены, обложенные камнем, и круглая форма представляли собой пылающее кольцо. Взять протогород штурмом практически было невозможно. Даже имея превосходящие силы, Атра растерялась. Она прекрасно понимала: если завтра утром на восходе солнца золотая колесница и дары не придут в Аркаим, то здесь будут знаменитые колесницы ариев, которые разобьют ее войско. В запасе у нее оставалась ночь...

Стрелы со свистом рассекали ночную темноту, еще больше наводя страх. И вдруг одна из стрел на излете

ударила в шрам на лице Атры, полученный ей еще в детстве при штурме Аландска. Горящая стрела с привязанным куском шерсти, пропитанной жиром, попала ей в лицо, обожгла волосы и брови и оставила большой рубец, что значительно обезобразило лицо. В голову Атры пришла мысль. Она срочно подозвала прислужников, приказала им скакать на стойбище, пригнать две сотни баранов и привезти огромные бронзовые котлы. Своим приближенным Ай и Оке она велела быстро зарезать баранов, снять с них шкуры, в котлы бросить сало и вытопить жир, а шерсть намотать на острие наконечников стрел и обмакнуть в жир. Когда будет приготовлено несколько тысяч стрел, одновременно поджечь их и выстрелить ими в центр протогорода с разных сторон. Дома ариев имеют общие стены, а торцевые примыкают к крепостной стене. Потолок сделан из дерева, и кроме того, на нем лежат деревянные заготовки для колесниц, щитов, луков и других изделий, которые моментально вспыхнут. Огонь быстро перекинется с одного строения на другое, и водой из колодцев жители не смогут залить огонь. Пожар охватит весь протогород, мгновенно превратив его в обгоревшие руины.

После того, как были заготовлены специальные стрелы и амазонки рассредоточились вокруг стен протогорода, по команде Атры они выстрелили, и тысячи горящих стрел упали на дома ариев. Пламя моментально охватило все постройки, и Ак превратился в огромный костер, огороженный стенами. Жители устремились к воротам и распахнули их. На них обрушился град ядовитых стрел. Горы трупов покрыли остатки моста через ров. Люди

бросались в воду и тут же гибли. Некоторым удалось забраться на ров, но амазонки тут же своими мечами отрубали им головы. Вода в реке стала красной от крови.

Атре привели пленного, который пытался что-то объяснить, падал на колени, целовал стремя. В это время с Аком было все закончено: красные обгоревшие стены, тлеющие угли, мертвые жители, славившиеся своим мастерством изготовления изделий из золота. После тщательного осмотра руин золотой колесницы не было обнаружено. Атра дала команду всадникам выстроиться в линию и искать следы возможных беглецов. Но, прочесав местность до реки Мусагатка, нигде не было обнаружено ни одного конного следа. На востоке вставало солнце. Атра была вне себя от бешенства. Она хлестала плетью своих приближенных, развернула войско в сторону Аркаима и помчалась по главной дороге.

Когда солнце осветило степь, звенящую от пения жаворонков, Атра вдали увидела едва заметные черные точки,двигающиеся в сторону Аркаима. Она еще не знала, что в предрассветных сумерках колесницы ариев прорвались через засаду амазонок. Колесницы, не управляемые возничими, почуввав свободу, понесли в сторону Аркаима. А на низкорослых степных лошадях у амазонок не было шансов догнать их. Атра по инерции продолжила погоню за удаляющимися колесницами, которые вскоре исчезли за горизонтом. А через некоторое время произошло что-то невероятное: вершина пологого холма вдруг озарилась бликами отраженных солнечных лучей. В долину навстречу амазонкам двигалась, переливаясь под солнечным светом, ровная линия колесниц

ариев, посланных встречать ритуальные дары из Ака. Это настолько поразило амазонок, что некоторые продолжали скакать навстречу своей гибели. Лучники на полном ходу посылали огромные стрелы, которые пробивали насквозь амазонок. Лавина несла смерть на околдованных чудом воительниц.

Атра пришла в себя, когда одна из стрел пронзила ей ногу. Женщина слышала о непобедимых колесницах ариев, но не могла себе даже представить то, что она увидела на этом поле, покрытом трупами амазонок. Повернув коня, она вместе с Мули устремилась к берегу Мусагатки, где им насилу удалось переправиться на другой берег и во весь опор скакать в сторону стойбища. Войско ариев, убив несколько сотен амазонок, остановилось на берегу реки, напоив коней, направилось в протогород Ак. Найдя сожженный протогород и осмотрев пепелище, они отправились сообщить об этом жителям Аркаима.

С помощью Мули Атра с трудом слезла с коня, и двое прислужников занесли ее в юрту. В ее голове промелькнула мысль, что после встречи с духами на реке Кумак, когда Атра спросила у Мули растолковать знамение, жрица загадочно сказала: «Будет сражение! Победу одержат боги».

Вечером разразилась сильная гроза. Разряд молнии ударил в священную для амазонок скалу-голову. Раздался страшный грохот, голова отделилась от скалы, устремив свой взор на восток, откуда пришли амазонки.

Наутро Атре стало совсем плохо. Она металась в жару, нога покраснела, но мысль о потерянном золоте не покидала ее. На легких колесницах перевезти большое количество золота было нельзя, значит, золотую колесницу

разобрали и вывезли на повозке. Позвав Мули, она приказала собрать всех своих приближенных. В юрту стали входить и рассаживаться по кругу те, с кем она провела многие годы, терпела горечи поражений и радости побед.

В юрте была гнетущая тишина. Атра знала, что, если золото не будет найдено, ее ждет смерть от своих соплеменниц. Ей никто не простит гибели амазонок. Атра приказала всем амазонкам обыскать каждый кустик возле Ака и найти следы повозки. Как все степные жители, воительницы прекрасно разбирались в следах и могли без труда найти исчезнувшую повозку.

Отправив амазонок на поиски повозки с золотой колесницей, правительница потеряла сознание. Мули давно мечтала захватить власть, и вот наступил подходящий момент. Все складывалось как нельзя лучше. Атра нарушила традиции амазонок и напала на Ак летом, а не осенью, когда все кочевники нападают на небольшие укрепленные протогорода, превосходящими силами захватывают огромную добычу в виде скота, зерна, оружия и украшений и живут спокойно до очередного лета.

Мули всю жизнь приходилось притворяться покорной верховной воительнице и быть крайне жестокой в обращении с другими.

С детства несуразная фигура Мули вызывала насмешки сверстниц. Намного крупнее других, с грубыми чертами лица, полными щеками, огромным носом, большими ушами и маленькими злыми глазками, она вызывала не столько неприязнь, сколько страх. Она обладала феноменальными способностями: могла усыпить

или заставить любого выполнять различные движения, которые вызывали смех у остальных. Подруг у нее не было, и чем старше становилась Мули, тем сильнее росло отчуждение соплеменников. Она организовывала все ритуалы, приносила в жертву людей и животных. Со временем Мули привыкла к своему одиночеству, и даже ее юрта стояла на большом отдалении от остальных. Случайные посетители часто заставляли ее общающуюся с духами и бормочущую какие-то заклинания, когда она не обращала внимания на входящего в юрту, в которой горел костер с характерным неприятным запахом какого-то растения.

Но Мули была очень хитра, чтобы чем-то проявить свое желание захватить власть у законной наследницы Атры. А теперь этот миг настал. Она знала, что жизненный путь Атры заканчивается и независимо от результатов поисков. Она, Мули, сможет возглавить род.

Амазонки, спешившиеся с коней, обследовали каждый кустик, каждый холмик, ложбинку, попадавшуюся у них на пути. Они незаметно спустились к реке Кумак, повернули к руслу реки Мусагатка и наткнулись на следы двух колесниц и сопровождавших воинов. Но следов повозки так и не нашли. Добравшись до места, где отряд встретился с засадой амазонок, они ни с чем поскакали в стойбище.

Анра, руководившая поисками, направилась в шатер Атры. Атра лежала на белом войлоке, лицо её было бледным от потери крови, она уже несколько часов не приходила в сознание. Возле её головы сидела Мули и пыталась влить какую-то жидкость ей в рот. Губы Атры

разжались, тело обмякло, она перестала дышать. Земной путь ее закончился.

В юрту вползла Анра. Мули спросила, нашли ли повозку. Анра рассказала о поисках. Мули выслушала и отпустила Анру, решив провести ритуал погребения Атры сегодня, пока духи были на её стороне и амазонки не опомнились от произошедших событий. Собрав всех на берегу озера, она громким и отрывистым голосом, похожим на лай собаки, сказала, что сегодня вечером произойдет обряд погребения Атры. Она разделила прислужников на несколько групп: одна из них на ближайшем холме, в родовом некрополе рода Лошади на берегу реки Кумак начала рыть углубление в земле; другая отправилась за бревнами для установки сруба; дети стали собирать березовую кору, а самые крепкие мужчины - заготавливать дерн. В стойбище царило уныние, не было слышно разговоров, все молча, выполняли распоряжения Мули.

К вечеру прискакала одна из амазонок, которая проверяла, как идут работы по строительству погребального сооружения для Атры и сообщила Мули, что священный камень рода Лошади расколот неведомой силой, большая голова отторгнута от массива скалы. Мули решила использовать плохую весть в своих интересах. Бог Огня, покровитель ариев, наказал божество амазонок за их вероломство и того, кто его совершил. И только она сможет спасти род амазонок от гнева бога Огня ариев.

Весь род переместился на берег реки Кумак к месту погребения. На вершине холма возвышалось огромное сооружение из бревен, обложенных дерном. По сигналу Мули Атру, завернутую в белый войлок, вынесли из юрты,

положили на телегу запряженную белыми лошадьми и в сопровождении жрицы, возглавившей процессию, со стонами и стенаниями направились на вершину холма. У всех женщин были распущены волосы и расцарапаны лица.

Мули вошла в погребальный комплекс, зажгла светильник. Он озарил огромные бронзовые котлы, которые стояли на входе. Углубление в центре было посыпано белой глиной, покрыто травой и войлоком. Следом внесли Атру и уложили в центре. Рядом с ней положили короткий меч, лук со стрелами, пояс с медными украшениями и бронзовым зеркалом, костяную кольчугу, несколько кувшинов с пищей и большое количество украшений из золота: фигурки хищников, статуэтки жертвенных животных, амфору, обкладки, ожерелье и бронзовые украшения.

Мули подала сигнал, чтобы ввели людей, которых должны были принести в жертву. Сначала ввели молодую девушку. Двое прислужников набросили кожаный ремень на шею жертвы и стали тянуть в разные стороны. Мули, выхватив нож, несколько раз ударила ее в грудь и положила у ног Атры. Затем ввели двоих мужчин и, убив их таким же образом, положили у входа. Затем ближе к входу в полном снаряжении положили двух лошадей, которым Мули каменным навершием церемониального скипетра нанесла удары в голову над глазами и перерезала горло. Взяв в руки факел, она подожгла стены гробницы и вышла из усыпальницы. Прислужники закрыли вход.

В центре гробницы взметнулся язык пламени, осветив тусклым светом собравшихся амазонок. Мули высоко подняла церемониальный скипетр, показав этим, что власть перешла в ее руки. Все упали на колени. На время

наступила тишина, не было произнесено ни одного звука. Только лик полной луны закрыли набежавшие облака. Опустив левую руку вниз, жрица дала знак, что все могут приступить к поминальной трапезе. В огромных бронзовых котлах было сварено мясо, в кожаных бурдюках был напиток из лошадиного молока. Все стали есть вареное мясо, запивая кислым напитком. Поминальная трапеза закончилась с первыми лучами солнца. К полудню все юрты были погружены на повозки. Мули решила, что надо немедленно откочевать как можно дальше в степь, чтобы сохранить оставшихся соплеменниц.

В Аркаиме на день празднования бога Огня собралось огромное количество воинов и жрецов более чем из двадцати протогородов. Они были празднично одеты, на солнце сверкала сбруя лошадей и элементы оружия, отделанные золотыми и бронзовыми украшениями.

Аркаим не мог вместить всех желающих, и они расположились на склонах долины. Все ждали главного действия – восхода солнца и выезда на золотой колеснице главного жреца, изображавшего бога Огня. На дороге, ведущей в Аркаим, показались две колесницы, на которых были закреплены две фигуры золотых жертвенных оленей. Кони, никем не управляемые, неслись во весь опор к священному огню, горевшему в центре Аркаима. Церемония поклонения богу Огня происходила в нарушение установившихся традиций. Колесницы были остановлены у стен города. Лошади были в «мысле», с губ слетала пена, колесницы забрызганы кровью. Тогда великий вождь племени ариев направил еще сто колесниц в Ак. В одно мгновение колесницы построились в боевой порядок и

рысью понеслись по дороге. К обеду, когда усилилось волнение всех присутствующих, появились колесницы. Воины, участвовавшие в сражении с амазонками, поведали о печальной участи протогорода Ака, исчезновении колесницы. Жрецы, нарушив вековые традиции, провели ритуал поклонения без выезда золотой колесницы.

Великий вождь племени ариев решил обследовать окрестности Ака, догнать амазонок и вернуть золотую колесницу. На всем степном просторе не было равных войску ариев, имевших на вооружении колесницы и взимающих дань со всех племен, живущих в степи.

На следующий день войско выехало рано утром, вечером добралось до протогорода Ака. Войско, рассредоточившись на берегу Баузды, стало тщательно обыскивать обгоревшие развалины и местность вокруг протогорода. Поиски в течение двух дней не дали никаких результатов. И тогда, построившись в боевой порядок, они устремились вслед за исчезнувшими амазонками, считая, что колесница стала их добычей.

Выехав на берег реки Кумак, на одном из холмов воины увидели свежую гробницу, из которой поднимались струйки дыма. Когда они подъехали совсем близко, неожиданно огромное сооружение, выбросив вверх сноп искр, обрушилось и превратилось в небольшой холм. Кругом валялись остатки трапезы, брошенные в спешке ненужные вещи. Войско устремилось по следам убегающего противника. Переправившись через реку Кумак, они были уверены, что догонят амазонок. Но через несколько дней погони местность стала меняться: пропали источники с водой, все чаще стали попадаться пустынные и

полупустынные места, по которым колесницы продвигались с большим трудом. Амазонки на своих низкорослых степных лошадях удалялись с большим отрывом вглубь песков.

Великий вождь племени ариев, командующий войском, собрал вождей родов и объявил, что они прекращают преследование и возвращаются в Аркаим по той причине, что догнать в песках амазонок не удастся, а в это время протогорода могут оказаться под угрозой нападения других кочевых народов.

Через две недели войско прибыло в Аркаим. Великий вождь племени ариев собрал совет вождей родов. Уже несколько лет в степи буйствовала засуха, степная растительность выгорала, посевы давали с каждым годом все меньше и меньше зерна. Все труднее становилось содержать большое войско, которое контролировало огромные степные просторы. И в то же время все уязвимее становились поселения ариев. Кочевые племена совершали многочисленные набеги на протогорода, захватывали и сжигали их. Несмотря на то, что, как правило, они находились на берегах рек, были окружены крепостными стенами и рвами с водой, ввиду малочисленности их населения они не могли справиться с многократно превосходившим противником. На совете было принято решение найти и уничтожить все роды амазонок, кочевавших по заливным лугам реки Джайик и представлявших реальную угрозу для «страны протогородов».

Оторвавшись от погони, Мули продвигалась вглубь песков. Она достигла того, к чему стремилась всю жизнь, -

неограниченной власти над родом амазонок, но слишком дорогой ценой. Жалкие остатки от бывшего огромного рода амазонок находились в убогом состоянии. Большая часть была перебита ариями, а оставшиеся с трудом находили пропитание в этих засушливых местах. Куда ни кинь взор, везде пески с редкими кустиками верблюжьей колючки. И Мули принимает решение направиться к родовому кочевью Корсака, которое, как и род Лошади, входил в племя Волка. Кочевье было разбросано у гор Юли-боли по берегам Джайика, где были заливные луга, много степных рек и озер, сочная зеленая растительность, где ежегодно собирался совет племени, обсуждались предстоящие набеги на поселения ариев и другие племена, кочующие в степи.

Из-за бугра выскочила степная лисица. Мули сдернула с плеча лук, натянула тетиву и метким выстрелом попала зверьку в глаз. Подъехав к лежащему животному, приказала одной из помощниц подать ей добычу. Взяв зверька за хвост, одним движением ножа отрезала туловище, а хвост закрепила у себя на головном уборе. Ударив пятками в бока коня, она поскакала впереди своего небольшого войска.

С каждым днем все больше попадалось различной растительности, в которой прятались животные: сайгаки, лоси, косули, кабаны, тарпаны. По пути амазонки разбивали стойбище возле небольших рек и озер, которые давали возможность восстановить силы истощенным тяжелым переходом лошадям. Следы безысходности и уныния покидали лица сородичей. Добравшись до заливных лугов Джайика, Мули решила собрать совет рода, в который входили самые почетные и опытные амазонки, много знавшие и оказывавшие большое влияние на сородичей.

Вечером, когда на небе зажглись звезды, в больших котлах поставили варить мясо, молодежь устроила игрище вокруг костров. В юрте собрались приглашенные на совет.

В центре юрты горел небольшой костер. Мули восседала в углу на свернутом в несколько раз войлоке. Из-за отблесков пламени костра фигура ее казалась огромной, а грубые черты лица наводили ужас. Входящие ползком добирались до своих мест и рассаживались согласно старшинству. В правой руке Мули держала церемониальный скипетр. На тело были надеты кожаные доспехи, а к поясу прикреплен бронзовый кинжал, бронзовое зеркало, на шее – огромное ожерелье. Перед костром стоял жертвенник, наполненный кровью козули. Мули, раскачиваясь в такт движения языков пламени костра, общалась с духами рода Лошади. Бормотанье становилось все сильнее и сильнее, на губах выступила пена, глаза закатились. От мерных покачиваний и от подбрасываемых в костер растений, источавших сильный аромат, у присутствующих мутился разум. Видения, порождавшие сущностей и духов, вступающих в схватки между собой, были настолько явными, красочными и убедительными, словно люди перенеслись в иной мир.

Тишину и треск горящих веток костра нарушал голос Мули. Он доносился как будто издалека. Был тихим бормотанием, вплетавшимся в видения собравшихся. Словно не Мули, а сами духи её устами говорили о необходимости напасть на протогорода ариев и прогнать их со степных пастбищ. Внезапный порыв ветра распахнул полы юрты и разбросал горящие угли по юрте. Запахло паленой шерстью. Все стали приходить в себя. Мули

сказала, что она посылает гонцов во все рода племени Волка с целью уговорить их напасть на протогорода ариев. Обмакнув скипетр в жертвенник, она приложила его к губам каждой из присутствующих амазонок. Медленно выползали из юрты участники совета и разбредались между дымящихся костров. Гонцы должны были собрать через шесть лун воительниц двадцати родов Волка, здесь на стойбище, чтобы продолжить обсуждение.

Утренняя суэта началась рано с крика народившегося ребенка, лая собак, ржания жеребят, в которые вплетались гортанные крики хозяев юрт. День был жаркий, солнечный, но, несмотря на невыносимое пекло, привыкшие к жаре амазонки готовились к новому походу в составе войска племени Волка. Чинили упряжь, точили наконечники стрел, ножей, кинжалы, тренировались, выезжая в поле, объезжали молодых лошадей.

Мули с трудом поднялась, протерла глаза. Лицо было темно-багрового цвета, наполненное кровью. Сильно ломило в висках. Кряхтя и охая, Мули уселась на войлок. Она решила вновь и вновь обдумать, как привлечь к набегу на ариев другие рода амазонок. Как правило, набеги они совершали самостоятельно, и вот уже более тридцати лет племя Волка не совершало совместных сражений. Поверят ли ей, не имевшей опыта, недавно возглавившей род в таком важном деле. Ежедневно подъезжали из дальних кочевий великие воительницы, ставили шатры, ходили друг к другу в гости, хвалились захваченными в набегах драгоценностями, оружием, снаряжением. Гостей становилось все больше и больше, но Мули не скупилась на угощения: забивали лучших баранов и лошадей, иногда все

вместе устраивали охоту на диких животных. Как всегда, охотники растягивались цепью и гнали животных, попавших внутрь, к обрыву или берегу реки, а иногда в засаду. Мули, как и прежде, участвовала в охоте вместе со всеми.

В этот день Мули вырвалась вперед и уже практически догнала убегающую косулю, как из куста выскочило несколько волков прямо под ноги коню. Конь под Мули поднялся на дыбы, и она от неожиданности едва не вылетела из седла. Конь встал как вкопанный, его трясла мелкая дрожь и, несмотря на удары скипетром и ногами, он не сделал ни одного шага вперед, а продолжал пятиться назад, приседая на задние ноги. Пока Мули укрощала коня, охота успешно закончилась, были убиты два лося и несколько косуль. Все довольные, разгоряченные погоней, рассказывали о добытых трофеях. Быстро доскакали до стойбища, где уже дымились костры, стояли огромные бронзовые котлы, наполненные мясом.

К концу июля все двадцать вождей родов собрались на совет племени Волка. Совет возглавляла старейшая из них - Аринга, приехавшая последней и поставившая на самом видном месте огромную белую юрту, которая вмещала более ста человек.

Аринга встретила с Мули и что-то долго с ней обсуждала, резко жестикулируя. Аринга решила несколько дней отдохнуть с дороги, пообщаться с другими и через три дня в её юрте после захода солнца собрать всех на совет.

Аринга, назначив срок проведения совета, думала, с чем ей надо будет обратиться к собравшимся. Аринга никогда не принимала поспешных решений. У нее был

самый большой род, который увеличивался в численности из года в год, огромные стада лошадей, которым необходимы были всё более обширные пастбища. Она не знала, сколько ей лет, но с самых детских воспоминаний она никогда не слышала рассказов о таких засушливых годах, которые наступили. К середине лета трава выгорела полностью на всех степных просторах, скот приходилось держать только по берегам рек, озер и степных речушек, и этих мест становилось все меньше с каждым годом. Видно духи – покровители рода отвернулись от племени Волка. Такие невеселые мысли бродили в ее голове.

Подойдя к своей юрте, она увидела амазонку, лицо и вся одежда которой были покрыты пылью. Это одна из сотен лазутчиц, постоянно рыскающих по степи, чтобы знать все, что происходит вокруг: где находятся соседние племена, что происходит в протогородах ариев, куда направляются караваны с товарами. Девушка упала на колени, коснувшись губами земли возле ног Аринги. Аринга жестом показала ей, что она может войти в юрту. В огромной юрте, украшенной войлоком, цветными коврами, двумя десятками светильников, было довольно светло. Тени вошедших причудливо извивались на стенах, и в жуткой тишине это было подобие мира духов, исполняющих таинственный танец. Аринга прошла на возвышение, украшенное войлоком, и села. Девушка, войдя вслед за ней, опустилась на колени и подползла на расстояние вытянутой руки, замерла в ожидании, когда воительница изволит слушать её сообщение.

Арингу окутал запах конского пота, смешанный с запахом полыни. Она мысленно возвратилась в свою

юность, когда она, молодая девушка, перенесла жестокую процедуру удаления левой груди раскаленным железом, для того чтобы вся сила перешла в правую руку. Снова ощутила чудовищной остроты боль, опалившую ее, едва не помутившую рассудок. Вспомнила, как вскочила на коня и понеслась в степь.

Конь скакал, не разбирая дороги, через ручьи и поля, усыпанные красными и желтыми степными тюльпанами. Конь попал ногой в сурчиную нору, и Аринга, вылетев из седла, упала лицом в тюльпаны, между которыми пробивались нежные ростки степной полыни, и этот запах раздавленных, помятых ростков остался на всю жизнь как символ степи, молодости, силы, веры в себя.

Очнувшись, она толкнула в плечо лазутчицу, и та громким голосом сообщила, что из Аркаима вышло войско ариев и направляется непосредственно к этому месту. Через день можно будет увидеть боевые колесницы и конницу. Аринга, отпустив лазутчицу, не спала всю ночь. Опасность была очень велика, а времени крайне мало. Если утром всем родам племени снять стойбища и откочевать в пустынные и полупустынные земли, где они затеряются среди песков, то это означало, что скот останется без корма и уже осенью на ослабленных лошадях с изголодавшимися, слабыми людьми совершать набеги будет невозможно. Это значит, много погибнет людей и скота. Смогут ли амазонки в следующий год отвоевать эти заливные луга на реке Джайик, где пасутся их крупные табуны? Принять решение сразиться с войском ариев, впереди которого скачут колесницы, было равносильно смерти. Колесницы рассеют по степи войско амазонок, способное совершать набеги, захватывать

противника благодаря хитростям, обману и превосходящим силам, но в открытом бою они не способны противостоять хорошо обученному, имеющему огромный боевой опыт войску, постоянно сражающемуся на степных просторах с кочевниками. Приближался судьбоносный рассвет. Первый луч солнца проник в юрту через отверстие для выхода дыма и осветил все внутри розовым светом, как предвестник предстоящих событий.

Аринга поняла, что это её день. День, который вознесет славу об амазонках до небес или о них со временем забудут совсем. Аринга пригласила в юрту Мули и велела срочно собрать всех предводительниц родов. Многие еще спали. Нехотя встав, переваливаясь с ноги на ногу, поплелись в юрту к Аринге. Кто постарше сердито бурчал, что есть еще несколько дней до проведения совета и не стоило бы в такую рань поднимать таких уважаемых людей. Но идя в шатер к Аринге, каждая постепенно осознавала, что произошло что-то чрезвычайное, что заставило поднять их так рано.

Скоро все расселись на свои места, держа в руках скипетры своих родов. Все внимание было обращено на Арингу, которая была одета в боевые доспехи, в руке у неё был скипетр с изображением головы волка, искусно выточенный из базальта, а на голове шлем с изображением волка с открытой пастью. Взгляд её блуждал по лицам собравшихся в юрте. Каждую воительницу она знала много лет и потому примерно догадывалась, как поведет себя каждая в сложившейся ситуации. В юрте установилась мертвая тишина. Аринга подняла вверх скипетр и стала

говорить: «Завтра на рассвете здесь будет войско ариев. Нам необходимо вступить с ними в сражение и выиграть».

Слушая слова Аринги, воительницы ниже и ниже опускали головы. Они понимали, что наступает роковая развязка давней вражды ариев и амазонок, и для многих следующий день будет последним. Аринга сказала, что битва произойдет в долине за холмом. Мули неожиданно подняла скипетр и сказала, что на ровном поле колесницы ариев сомнут ряды амазонок, разнесут заграждения из повозок и что она предлагает то, что ей подсказали духи. Необходимо до вечера убить больше двухсот волков, содрать с них шкуры, надеть на прислужников и, разбросав перед ними в одну линию трупы волков, перекрыть путь колесницам. Остальным амазонкам разместиться за ними, каждой приготовить по тридцать стрел с наконечниками в форме ладони, которые специально приспособлены для стрельбы по лошадям. Попав в лошадь, стрела пробивает довольно большое плоское отверстие и выпадает из раны, животное продолжает бежать, кровь фонтаном бьет из раны, лошадь быстро слабеет и падает. Так как лошади, запряженные в колесницы, испугавшись запаха волков, будут поворачивать обратно, в это время начать стрельбу из луков. Мули говорила громко, с большим напряжением, капли пота капали с её огромного носа. Все молчали. Аринга три раза ударила древком скипетра о землю и сказала: «Пусть так и будет». Каждому роду надо было убить по десять волков и сделать то, что предложила Мули. Все стали подползать к ногам Аринги, опускать лицо на кожаный сапог и, пятась к выходу, покидать юрту.

Каждая старалась как можно быстрее доковылять до своего рода, потому что с годами от постоянной езды на лошади у них были деформированы позвоночники и ноги: по земле они ходили, как утки, переваливаясь с ноги на ногу. Быстро поскакали в разные стороны на резвых конях молодые амазонки выполнять распоряжения своих родовых вождей. Успешная охота амазонок позволила добыть двести волков. Прислужники сняли с них шкуры, привязали к ним кожаные ремни, так чтобы можно было их закрепить на спине. Необходимо было срочно почти в полной темноте притащить ободранные туши волков и разбросать их по всей долине в виде полумесяца, рога которого направлены в сторону приближающихся ариев. В это время работали кузнецы, точили острия копий, кинжалов, а жрицы покрывали ядом наконечники.

Перед предстоящим сражением необходимо было обратиться к духам, покровителям племени, и на вершине холма, внизу которого располагалось место будущей битвы, собрались жрицы всех двадцати родов под руководством немощной Арги, которая с трудом передвигаясь при помощи прислужников, добралась до вершины холма. Расселись вокруг костра по старшинству. Каждая жрица принесла с собой ритуальный столик, гадальные камни, раковины, краску, кости. Перед костром Мули зарезала десять косуль, и кровь в чашах была преподнесена жрицам. Затем вспыхнул огромный костер, который был виден на огромном расстоянии, и каждая жрица зажгла ароматические травы на своем алтаре, вознося благоволия в небо и бормоча заклинания. Жрицы постепенно погружались в транс. Бормотание их усиливалось, они все

сильнее раскачивались из стороны в сторону. В центре на площадке, освещенной пламенем костра, две жрицы исполняли танец войны, а в это время прислужники бросали в огонь пленных мужчин, захваченных во время набегов.

Время двигалось неумолимо быстро. Костер прогорел, и вдруг одна из танцовщиц издала волчий вой и упала на бок, и, вторя ее голосу, завyli сотни волков в долине реки Джайик и зарослях кустарников. Вой привел в ужас не только жриц, но и всех соплеменников. Арга, еле шевеля губами, сказала, что духи слышали просьбу амазонок. В это время амазонки всех родов развернули кругом повозки, которые были накрыты толстой кошмой и в длинных переходах являлись жилищами на колесах, а во время сражений надежно закрывали от стрел женщин и детей. Ближе к середине долины амазонки расположились на некотором расстоянии по всей линии разбросанных трупов волков и расставленных прислужников, одетых в волчьи шкуры. Самое большое количество амазонок сосредоточилось на выгнутых в сторону противника рогах полумесяца. Воздух звенел от комаров, нещадно кусающих всех, кто располагался в долине.

Утро было пасмурное, лучи солнца с трудом пробивались через клочья облаков. Высоко в небе парил степной орел, высматривая свою жертву среди густой травы. Кони мирно щипали траву. Несмотря на всю обыденность, чувствовалось напряжение, которое нарастало с каждой минутой.

С вершины холма, где находилась юрта Аринги, то и дело вскачь отправлялись всадники. Вот и сама Аринга вышла из шатра, легко вскочила на своего белого коня и

заняла положение в центре войска. Через несколько минут на противоположном холме долины показались ровная линия колесниц и огромное количество конных всадников, которые на крупных конях, резко отличавшихся от коней амазонок, закрыли весь холм и стали спускаться в долину. Колесницы увеличивали скорость и неслись лавиной на стоящих амазонок. Из травы выскочили несколько зайцев и в страхе заметались между двумя войсками. Но на них никто даже не обратил внимания.

Тучи сгустились, первые ряды колесничьих произвели выстрелы из своих огромных луков, и сотни стрел нашли свои жертвы. Стрелы пробивали насквозь амазонок, из их ран струйками текла темная кровь. Они падали под ноги лошадей, которые вставали на дыбы. Сотни амазонок убитыми и ранеными валялись по всему полю, раздавалось ржание лошадей, предсмертные крики убитых, стоны раненых. Но вот произошло невероятное: кони, несущие колесницы, как вкопанные встали на месте, раздался волчий вой, который издавали прислужники, им вторили волки, а запах волчьих трупов перепугал коней - они стали неуправляемыми. Кони вставали на дыбы, подставляя свои животы тысячам стрел амазонок. Часть повернула назад и, сбивая своих же всадников, понеслась в обратном направлении.

В середине долины творилось что-то невероятное: колесницы сминали ряды ариев, сталкиваясь между собой, от них отрывались колеса, из них выпадали возничие, и все это сверху, как стаями комаров, поражалось тысячами отравленных стрел и преследующими с двух сторон

амазонками. На огромном расстоянии были разбросаны колесницы, трупы ариев.

Такого поражения арии еще не знали. Жалкие остатки устремились к Аркаиму. Амазонки собирали трофеи, сгоняли лошадей к берегу реки, собирали убитых. Горе коснулось многих. Более трех тысяч амазонок погибло в сражении, многие были ранены. Все рода отправились на свои родовые кладбища, чтобы провести обряды захоронения.

Сражение перевернуло степную жизнь. Великие арии, хозяева степных просторов, являлись опорой стабильности. Ось, на которой вращалась жизнь степи, надломилась. Должны были произойти резкие перемены, коренным образом изменив жизнь всех народов, заселявших огромные просторы.

Тем временем Мули решила провести захоронение сородичей на месте битвы, так как путь до каменной головы был более десяти лун. На вершине холма по ее приказу сразу же начались земляные работы. Стали снимать верхний грунт, рыть углубление для убитых - ближайших помощниц Мули. Остальные сородичи решили захоронить своих родственников в близлежащих курганах. Так практиковалось издавна, когда в курганы к родственникам хоронили родичей. В стойбище кипела жизнь, делили трофеи: пленных ариев, лошадей, подвозили дрова для сруба на вершине кургана, готовили в последний путь убитых.

Вся эта суэта не давала Мули сосредоточиться на главном: как укрепить свои позиции. Ведь, несмотря на победу над ариями, её род потерял треть амазонок, а это

очень сильно ослабляло род. Количество амазонок сравнялось с количеством прислужников, это было очень опасно. Добыча же, полученная в результате совместной победы над ариями, была довольно небольшой, и ее на зимний период явно не хватит. Значит надо совершать новые набеги на ариев. Но в протогорода вернулись остатки разбитого войска, что значительно их усилило. Не оставляла в покое мысль об исчезнувшей золотой колеснице. Отдавая распоряжения на ходу, Мули злобно смотрела на мужчин, чувствуя в них реальную угрозу своему правлению.

Скоро на вершине холма выросло сооружение из бревен, которое соответствовало принятым традициям захоронения: оно поднималось на высоту больше шести самых высоких юрт. Мули с трудом поднялась на вершину холма. Тяжело дыша, она постояла, опершись рукой о деревянный сруб, вошла внутрь и осмотрела углубление для погребения трех своих боевых подруг. С ними прошла вся её жизнь в набегах и кочевьях, чей путь закончился славной победой, о которой будут слагать легенды и передавать из уст в уста. Их, прославивших племя Волка, будут почитать наравне с духами, покровителями рода. Их высокая усыпальница будет видна всем проезжающим кочевникам и проходящим караванам.

Мули была довольна работой прислужников и величиим сооружения, представшим перед её взором. Внизу стояли три телеги, запряженные белыми лошадьми, с повозками. По углам каждой телеги были закреплены бронзовые головы волков - символа племени. На телегах, завернутые в белый войлок, лежали амазонки, чей земной

путь закончился в битве. За телегами стояли прислужники с луками, стрелами, мечами, украшениями и тремя огромными бронзовыми котлами, которые будут поставлены при входе. Шестеро пленных ариев ждали своей участи: они будут принесены в жертву и захоронены вместе с лошадьми у входа в погребальное помещение.

Незаметно опустился вечер. Все родичи собрались возле погибших. Мули подала знак, и процессия двинулась на вершину холма. Женщины рвали на себе волосы, раздирали ногтями лица в кровь, стоял стон и плач над телами, обретшими веземной покой. Повозки остановились на вершине холма. Умерших внесли внутрь сооружения, которое поверх бревен было обложено дерном, и согласно приказаниям Мули расположили в центре, по краям зажгли факелы, разложили оружие, украшения, установили котлы и стали вводить по одному пленному, которых тут же ударом бронзового кинжала Мули убивала, а прислужники укладывали в ноги. Затем у входа были забиты лошади. Прислужники подожгли сруб. Мули в свете отблесков пламени вместе со служанками провела обряд проводов душ убитых к предкам. Все опустились к подножию холма, всю ночь ели мясо, пили кислое молоко, вспоминали и пересказывали эпизоды битвы. На рассвете погребальное сооружение обрушилось, подняв тысячи искр, которые, как фейерверк, разлетелись в разные стороны в предрассветных сумерках. Поднявшись, клубы дыма как будто скрывали души, поднимающиеся в небо. Утром весь род, под предводительством Мули откочевал на свои исконные земли на реке Кумак. Путь был длинный, одиннадцать лун всходило на небе, прежде чем удалось добраться до

привольных заливных лугов, щедрых разнотравьем и большим количеством разной дичи. Поставили стойбище недалеко от каменной головы. Мули не знала, где точно искать золотую колесницу и отправила всех амазонок по течению рек Баузда и Мусагатка до того места, где амазонки напали на отряд, везущий из протогорода Ака ритуальные изделия в Аркаим. Сама же отправилась к каменной голове совершить тайный ритуал предсказания судьбы. Взяла с собой только небольшой каменный жертвенник, цветные гальки, охру и ароматические травы для погружения в транс.

А в это время мужчины рода в отсутствие амазонок и Мули собрались на берегу реки Кумак и решили захватить власть. Более удобного момента они вряд ли дождутся. Сын Атры – Атир сказал, что многими племенами управляют мужчины и сейчас, когда в роду осталось равное количество амазонок и мужчин, они смогут захватить власть. Несмотря на то, что многие из них в результате увечий, нанесенных в детстве, не могут стрелять из лука, держать меч, они, под его руководством захватят власть хитростью. Каждый раз перед совершением набега Мули собирала все наконечники стрел и пропитывала их ядом, а потом раздавала их амазонкам. Атир предложил каждому мужчине похитить по одному наконечнику, пропитанному ядом. Когда же будет объявлено о набеге, то в середину седла каждой амазонки надо воткнуть острием вверх наконечник так, чтобы не было видно сверху. Но когда амазонка сядет в седло, то наконечник под тяжестью всадницы вонзится в тело и наступит моментальная смерть. Все долго спорили, но, в конце концов, согласились с Атиром. Все мужчины -

прислужники поспешили в стойбище, чтобы успеть до приезда Мули и амазонок. Мули, добравшись до каменной головы, была поражена увиденным. Голова, которая была единой со скалой, отделилась от нее на несколько шагов, что сильно насторожило Мули. Она не поняла, как это могло произойти и чем может обернуться. Но сила духов огромна, они могут все. В раздумьях Мули долго не могла разжечь жертвенный огонь. С трудом ей это удалось. Установив жертвенник и взяв цветные камни, она приступила к обряду, которому учила ее мать. Он проводится каждой жрицей всего один раз в жизни, когда наступает время узнать судьбу самой жрицы. Мули взяла одинаковое количество белых и черных камней, бросила пучок трав в огонь и загадала, будет ли набег под ее руководством последним для нее. Затем закрыла глаза, бросила горсть камней возле своих ног и стала, раскачиваясь, произносить нараспев слова, обращаясь к духам каменной головы.

От запаха трав, брошенных в костер, она постепенно переходила в другой мир. Мир сказочных образов и воспоминаний, где в ярких картинках она узнавала себя, умерших сородичей, покровителей рода и самих духов, которые, словно голубоватые струи дыма, меняли форму, увеличивались в объеме и исчезали в небе.

Неожиданно в голове Мули все закрутилось и померкло. Очнулась она, лежа головой к каменной голове с зажатой в руке галькой. Раскрыв ладонь, она увидела, что она черная, то есть судьба Мули будет решена в этом году при совершении набега. Она с трудом села, ей было плохо, земля плыла у нее из-под ног. Через некоторое время она с

трудом смогла встать, собрать в кожаный мешок принадлежности для гадания и взобраться в седло. Медленным шагом лошадь довезла еле живую Мули до стойбища. Мули тяжело сползла с животного, вошла в юрту и упала.

Несколько дней жрица не приходила в сознание. Амазонки уже обыскали русла степных речек в поисках золотой колесницы и, собравшись в стойбище, не знали, что дальше делать. Мули, придя в сознание, узнала от амазонок, что колесница не найдена, решила напасть на Аландск, так как он находился на окраине «страны городов» и в случае неудачи можно было скрыться в зарослях хвойного леса. Собрав всех у каменной головы, она объявила о совершении нападения на Аландск.

Атир вечером встретился со всеми участниками заговора и предложил каждому похищенный наконечник стрелы спрятать в рукав, а суковатую палку держать поблизости.

Утром, пока Мули надевали боевые доспехи, один из её прислужников успел воткнуть в седло отравленный наконечник стрелы и надежно его закрепить. Мули вышла из шатра, прошла по стойбищу, осмотрела вооруженных амазонок, дала распоряжения по перегону огромного косяка лошадей, движению повозок с детьми и утварью. За это время ее вещи упаковали, свернули юрту и подвели коня. Мули тут же подала команду начать движение и при помощи прислужников, как и все амазонки, села в седло. В тот же миг ее пронзила острая боль, по телу пошли судороги, она сделала попытку соскочить с седла, но со всего маху упала вниз головой под ноги коня. Другие

амазонки стали падать на землю, корчась в предсмертных муках. Но некоторые амазонки замешкались и не успели вскочить в седла. Часть из них получила уколы отравленными наконечниками стрел от прислужников, остальные, оказавшие сопротивление, были перебиты палками. Лишь пятерым удалось опомниться, достать мечи и начать рубить прислужников, но огромное количество мужчин сумело камнями, обломками стрел их убить.

Атир и прислужники - мужчины одержали победу малой кровью: погибло всего тридцать человек. Власть в роде Лошади с этого момента перешла в руки мужчин. Атир стал главой рода. Это событие коренным образом поменяло отношение рода с племенем Волка, где родами правили женщины. То есть племя Волка могло в любой момент силой восстановить власть женщин. Роду Атира необходимо было раствориться на долгие годы в степных просторах до тех пор, пока не вырастут мальчишки - воины, способные защитить свой род как от соплеменников, так и от других племен. Атир откочевал со своим родом к берегам реки Баузда, чтобы найти золотую колесницу. Они палками прощупали все дно реки, от протогорода Ака до впадения в Кумак, и только в одном месте, где дно реки было усыпано белым песком, им удалось найти золотую пластину от колесницы. Оставив попытки найти колесницу, род Лошади направился по руслу речки Мусагатка подальше от кочевий племени Волка, везя с собой тело Мули. Нужно было совершить захоронение предводительницы племени и жрицы, последней амазонки в роду Лошади, на вершине холма со всеми почестями и

традициями. Недалеко от русла реки Курайла, на вершине холма был поставлен сруб, в котором в полном воинском обмундировании, в костяных доспехах, была погребена Мули. Огромный холм не одно тысячелетие напоминает о великой амазонке. Атиру удалось удержать власть мужчин в роде Лошади. Через десяток лет в племенах амазонок власть перешла к мужчинам, за женщинами осталось положение жриц. Арии после поражения покинули и сожгли свои протогорода. В степь хлынула новая волна кочевых народов. Прошли тысячелетия. По-прежнему медленно несет свои воды степная Баузда, скрывая тайну золотой колесницы.

Все подвластно времени. Исчезли протогорода. Поменялись климат, растительный, животный мир, только Баузда держит в цепких объятиях события, произошедшие тысячи лет тому назад, легенды о которых передаются из поколения в поколение.

Тайна усатого кургана

Быстрое течение реки Урал миллионы лет переворачивает и шлифует цветные камешки, которыми обильно усыпаны отмели и перекаты. Обрывистые скалистые берега, песчаные плесы с зарослями тальника и шиповника, черемухи и низких кустарников можжевельника создают особую настрой, способствующий единению с природой. Ветра и жаркое солнце своей ежедневной кропотливой работой меняют окружающий пейзаж, делая его, то ярким и цветным, то унылым и пустынным. Проходят эпохи, меняется животный и растительный мир, окружающий людей.

Изменение природы волновало людей, вызывало священный трепет. Происходящее в живой природе отражалось на судьбах племен и народов, и это нашло свое отражение в оставшихся древних памятниках, расположенных по берегам Урала. Река не один десяток раз поменяла свое название, только немые свидетели далеких событий остались нетронутыми временем и безымянными.

Уникальным, прекрасно сохранившимся памятником древности является так называемый курган с Усами, расположенный на возвышенности между берегом Урала и неизвестной степной речушкой. Здесь около шести тысяч лет тому назад жило племя кочевников. Довольно теплое и влажное лето позволяло вырасти степному разнотравью,

заливные луга давали обильный корм для скота, а умеренно холодные зимы позволяли пасти скот круглый год.

Кочевье племени Уй занимало огромную территорию, которую можно было объехать вскачь за несколько восходов солнца. Богатый животный мир - лоси, олени, косули, сайгаки, тарпаны, кабаны, медведи, волки, лисы, сурки, зайцы радовал глаз скачущего всадника. Обилие птиц, взлетающих из-под копыт, часто пугало лошадей, и они шарахались в сторону от неожиданно поднимавшейся куропатки или стрепета. Табунчики дроф бежали впереди скачущего всадника и, с трудом оторвавшись от земли, пролетев небольшое расстояние, садились в зоне видимости. Степь была наполнена пением и криками. Весной стоял невообразимый шум и гвалт на степных речушках и болотцах, где останавливались огромные стаи перелетных птиц: лебедей, журавлей, гусей, уток, куликов и другой водоплавающей дичи. Племя Уй не бедствовало ни в зимнее, ни в летнее время. Охота и пастьба огромных стад домашнего скота хотя и утомляли, но давали возможность всегда иметь пропитание. Мясо, шкуры, да и самих животных обменивали на нужные вещи - на изделия из металла и все то, в чем нуждались люди, - у соседних племен. Но с каждым разливом рек лето становилось суше, степные озера пересыхали, дичи и кормов становилось все меньше и меньше.

Вождь племени Авез созвал родовых вождей и жрецов на совет на вершине холма Неба, где принимались самые важные решения о нападении на соседние племена или отражении набегов других кочевников. В день летнего солнцестояния можно было обратиться к ночному светилу,

которое, как живое, меняло свою форму: то оно было круглое, как колесо, то напоминало женское украшение, но обладало огромной силой и вызывало священный трепет у всех соплеменников. Авез, разослав гонцов во все семь родов, входивших в племя Уй, вышел из своей юрты, оглядел кочевье, расположенное в низине, где, поднимая тучи пыли, скакали небольшие группы всадников, дымились костры, стояли котлы, в которых варились куски мяса. Стаи псов подбирали объедки, грызлись между собой или валялись в тени от юрт. Маленькие дети, собравшись в круг, мерились силой, бросали кости животных. Женщины обрабатывали шкуры, лепили горшки из глины, ловко скатывая между ладонями длинные полоски, которые накладывали одна на другую, разравнивая внутреннюю поверхность специально обработанной костью. Круглое красное солнце медленно опускалось за высокий холм на противоположном берегу реки. Подул свежий ветерок. По ковылю побежали белые волны. Степь, как живая, наполнилась звуками. Кузнечики и сверчки соревновались в своем мастерстве, виртуозно выводя одним только им известные мелодии. К ним присоединились перепела и стрижи, ловившие на огромной скорости высоко в небе насекомых.

Дневная жара постепенно сменялась вечерней прохладой. В стойбище возвращались табунщики, сменявшие своих напарников. Они направлялись к семейным кострам, чтобы встретиться с женами и детьми, рассказать о событиях, произошедших в степи, узнать новости из жизни стойбища, привести в порядок домашнюю

утварь, посидеть у ночного костра, наслаждаясь тишиной и покоем.

Возле юрты Батира всегда было шумно и весело. Он был умелый рассказчик, собиравший почти половину стойбища. В этот раз он рассказывал о своей схватке с волком. Перегоняя табун к водопою, он случайно заметил мелькнувшего в кустах волка. Напоив лошадей и отогнав их на заливные луга, он решил обследовать заросли чилиги. Направившись к небольшой ложбинке, он внимательно рассматривал каждый кустик до тех пор, пока его внимание не привлекли белые обглоданные кости и череп лошади возле куста. Подъехав ближе, он увидел нору. Недолго думая, он высвободил ногу из стремени и спрыгнул на землю. Встав на четвереньки, он заглянул в нору, внутри заметил голубоватые светящиеся глаза волчат.

И тут произошло невероятное. Кто-то большой и сильный ударил его в спину. Батир ткнулся лицом в волчий помет, сильные челюсти сдавили шею, резкая боль пронзила все тело, в глазах поплыли красные круги. Теряя сознание, Батир оттолкнулся руками от земли и резко встал с огромным волком на спине, который продолжал сжимать своими челюстями шею. Лицо побагровело. Не хватало воздуха. Батир широко раскрывал рот, как рыба, выброшенная на берег. Заведя руки за спину, он обхватил шею хищника и что есть силы стал сжимать пальцами шею волка. Кругловатые пальцы вскоре нащупали горло, сломали хрящевые кольца и перекрыли дыхание. Волк обмяк, несколько раз сильными задними лапами судорожно ударил по спине, разорвав мякоть до самых ребер, по его

телу пробежали конвульсии, оно обмякло, глаза помутнели. Волк затих.

Батир опустился на землю, держа оцепеневшими пальцами уже мертвого хищника. Все произошло так быстро и потребовало таких огромных затрат энергии, что прошло некоторое время, пока Батир пришел в себя. Насилу разжав оцепеневшие пальцы, он сбросил волка на землю и тут же почувствовал сильную боль в спине. С трудом встав, он провел рукой по спине. Вся рука была мокрой от крови, капли ее стекали на кожаные штаны и сгустками падали на землю. Силы покинули его, и он упал прямо на тушу волка.

Лошадь Батира, напуганная волком, понеслась вскачь к табуну, где возле небольшого костерка, сложенного из сухого навоза, сидел Аюб. Увидев лошадь без всадника, Аюб вскочил в седло своего любимого коня и по следам отправился искать Батира. Как и все кочевники, он умел читать следы и довольно быстро нашел истекающего кровью, бездыханного Батира, лежащего на волке. Спешившись, он попытался подвести коня поближе, но конь ржал, вставал на дыбы, никакими силами его нельзя было подвести к норе.

Аюб спутал ноги коня, а сам подошел к Батиру, опустил голову на грудь, услышал слабые удары его сердца. Недолго думая он взвалил его на плечи и понес. Подойдя к лошади, Аюб перекинул товарища через круп, привязал руки к ногам под животом лошади, как всегда делали, когда везли пленников, вскочил в седло и медленно поехал к небольшой юрте, в которой они укрывались в случае непогоды. Легко соскочив с лошади, он бережно снял тело

Батира и положил на войлок. Лицо его было бледным, губы потрескались, руки были горячими.

Аюб попытался напоить друга, с которым вот уже третий сезон вместе зимой и летом пас огромный табун, отбивался от степных хищников. Несколько раз они вместе спасали табун от нападения других племен. Аюб участвовал во многих набегах, неоднократно получал ранения, потерял два пальца, у него не было одного глаза, выбита часть зубов, но каждый раз благодаря могучему организму он восстанавливался и наравне с соплеменниками пас табуны и участвовал в набегах. Богатый жизненный опыт, знание лечебной силы степных растений всегда выручали его в трудные минуты. И на этот раз он вскочил в седло, поскакал к берегу реки. На склоне оврага всадник заметил множество растений с темно-красными цветами в виде небольших шариков на конце стеблей. Развязал кожаный мешок, достал бронзовый нож и стал копать корни растений. Результатом упорного труда на жаре стала небольшая охапка корней. Бережно сложив их в мешок, он привязал его к седлу и поскакал к юрте.

Батир, ворочаясь в бреду, перевернулся на спину, и к ранам на спине прилипли остатки одежды из кожи. Дыхание его было прерывистым, глаза - мутными. На тело садились мухи. Аюб достал корни, взял несколько штук и при помощи двух плоских камней, которыми раскалывали кости животных, чтобы достать мозг, раздробил их на небольшие куски, которые бросил в сосуд, долил воды и развел возле него небольшой костер. Через некоторое время вода закипела. Остудив воду, он перевернул Батира на живот и, обмакивая куски мягкого войлока в полученный

отвар, стал смачивать раны на спине Батира, одновременно очищая их от запекшейся крови и прилипшей грязи. Батир стал издавать негромкий стон, но в сознание не приходил. Обработав раны, Аюб обмотал тело Батира куском ткани, положил на живот. Затем снял висевший на стене лук, откинув полог, вышел из юрты и пешком отправился за соседний холм, где обитали колонии сурков. Спрятавшись в заросли чилиги возле одной из многочисленных нор, он стал ждать, когда осторожный зверек выберется наружу и встанет возле бугорка свежей земли у входа.

Аюб был на редкость метким стрелком: с пятидесяти шагов он попадал зверьку в глаз, и поэтому необходимо было только время, чтобы добыча оказалась в его руках. Из норы показалась мордочка, которая поворачивалась из стороны в сторону, осматривая близлежащую местность. Не заметив ничего подозрительного, сурок, пискнув, выбрался на поверхность, только успел встать, как был сражен стрелой. Подойдя к добыче, Аюб взял тушку сурка за задние лапы, привязал к поясу и поспешил в обратный путь. Приблизившись к юрте, он сел на камень, выступающий из земли. Достал небольшой шест с поперечной перекладиной, воткнул его в землю, привязал тушку за задние лапы, сделав круговые надрезы возле лап, резким движением сдернул шкуру. Оставив тушку зверька на солнце, он подставил снизу деревянное блюдо, чтобы жир, накопленный под шкурой к зиме, медленно таял и стекал. Жир этот обладал целебными свойствами: обеззараживал раны и смягчал кожу. К ране, намазанной таким жиром, даже близко не подлетали мухи, которые в огромном количестве жужжали в юрте. Ночь была тревожной. После появления луны на

небе раздался вой волков в лощине у реки, ему вторили волки с другого берега. Лошади стригли ушами, всхрапывали, приглушенно ржали, перемещались с места на место, чужая близкое присутствие хищников. Летом, как правило, волки не нападали на лошадей, но страх перед хищниками, сформировавшийся за многие сотни лет, не давал им спокойно пастись.

Утром Аюб поймал арканом молодую кобылу, нащупав пульсирующий сосуд на шее, шилом проколол его и подставил чашу, которая быстро наполнилась алой кровью. Отпустив кобылу, он усадил Батира, подложив ему под спину войлок. Батир открыл глаза, но был очень слаб. Аюб поднес к его губам сосуд с кровью. Батир сделал несколько глотков, откинулся назад, прикрыл глаза. Через некоторое время он допил оставшуюся жидкость. Аюб развернул ткань, обмотанную вокруг тела, и начал смазывать сурчиным жиром глубокие раны на спине. Затем положил больного на живот, оставив спину открытой. Батир заснул глубоким сном. По истечении десяти лун раны Батира затянулись, и только шрамы на спине да отпечатки зубов на шее напоминали о случившемся.

Жизнь кочевников была полна опасностей, и тонкая грань между жизнью и смертью была настолько призрачна, что как рождение человека, так и его смерть было делом обыденным, не вызывавшим больших эмоций у соплеменников, за исключением гибели вождей племен, родов или жриц. Живя в гармонии с природой, люди приходили в этот звездный мир и уходили, а мир оставался, совершенно этого не замечая, идя своим путем развития и совершенствования.

Тем временем в стойбище приезжали представители родов племени Уй, ставили юрты, ходили в гости, ведь многие являлись кровными родственниками и были очень рады, что смогли увидеться, узнать о событиях племени из первых уст.

В это время только Айсе, жрица племени, находилась в одиночестве: у нее не было тесных родственных отношений с соплеменниками. Когда ей было всего три зимы, она потеряла своих родителей. На племя напали люди, пришедшие со стороны восхода солнца. Вожди их племени были одеты в яркие одежды из тонкой блестящей материи, гладкой на ощупь, они говорили на непонятном языке, их было много. Они напали ночью, и только небольшой части людей из племени Уй вместе с табуном удалось скрыться.

Айсе осталась сиротой, которой часто приходилось питаться объедками, которые давали соплеменники, терпеть побои и унижения, пока ее не взяла на воспитание Емис, заметив странные способности девочки-подростка. Однажды огромная свора псов бросилась на девочку, державшую в руках мосол. Еще мгновение - и голодные псы разорвали бы ребенка, но произошло чудо: девочка взглядом остановила свору, и псы, виляя хвостами и поскуливая, на брюхе стали подползать к ней. Женщина подозвала к себе Айсе, погладила по голове, взяла за руку и отвела к себе в юрту.

Емис имела статус жрицы племени. Ее уважали, боялись и сторонились. С годами Емис привыкла к одиночеству. Летом собирала травы, коренья, ягоды, цветы, которые использовала для лечения и проведения обрядов.

Её любимым занятием было смотреть на огонь, когда красноватые языки пламени пожирали брошенный кизяк, а тонкие струйки дыма поднимались вверх. Чем больше проходило зим, тем задумчивее и угрюмее становилась жрица. Она все чаще обращалась к духам племени, ища ответы на свои вопросы. Она знала великую тайну здоровья, которую ей даровало ночное светило.

Женщины рода Уй могли выйти замуж только после того, как убьют трех врагов. Молодая Емис, как и все девушки её возраста, мечтала создать семью с юношей Баубеком. Отец научил её ездить на лошади, метко стрелять из лука, подарил кожаные доспехи и бронзовый кинжал. Сама она была коренастая, крепкого телосложения, обладала огромной силой. Часто во время осенней охоты на волков она прыгала на загнанного хищника и душила его руками.

Когда ей исполнилось семнадцать зим, она лихо скакала по степи. Возле ручья неожиданно из-за холма выехал всадник на белом коне с коротким мечом в руке. Одежда его была украшена медными бляхами. Его вид поразил девушку. На миг они застыли, и это мгновение решило все. Емис поняла, что это враг, сорвала с плеча лук, вложила стрелу и выстрелила. Стрела со свистом преодолела небольшое расстояние и попала в шею врага. Время остановилось, наступила тишина, которая была прервана песней жаворонка, поющего гимн солнцу. Лошадь всадника встала на дыбы, тело его упало на траву. Емис подскакала к поверженному врагу, отрезала ухо и поскакала в стойбище. Она показывала свой трофей сородичам, ловя завистливые взгляды.

В конце лета племя собралось совершить набег на поселения ариев с целью заготовить зерно на зиму и захватить изделия из металла, которые те искусно изготавливали. Выехав утром, только к середине ночи они увидели неясные очертания сооружения округлой формы. Но удача на этот раз отвернулась. Часовые на стенах вовремя заметили опасность, разбудили население протогорода и осыпали кочевников, пытающихся переправиться через ров, наполненный водой, градом стрел. В этой схватке Емис была ранена стрелой в спину. Ее привезли в стойбище, вынули наконечник стрелы, обработали отваром рану. Но по истечении двадцати лун Емис не смогла передвигаться. Она могла только лежа принимать пищу и смотреть на небо в отверстие для дыма в юрте.

Прошла зима, весна, наступило лето. Емис высохла, силы покинули ее. Родственники не обращали на нее никакого внимания. Дни ее были сочтены.

В ночь летнего солнцестояния Емис с трудом открыла глаза и увидела небольшой круг, который тянул ее к себе с неведомой силой. Емис пошевелила пальцами рук, попробовала перевернуться на бок, ей это удалось только с третьей попытки. Она вся покрылась липким холодным потом, но небольшой круг настойчиво притягивал ее внимание к себе. Отдышавшись, она, упираясь ногами и локтями, поползла к выходу. Сил хватило только для того, чтобы высунуть голову за полог юрты. Было совершенно тихо и прохладно. Свет Небесного Круга заливал все окрестности, а сам круг переместился к вершине холма. Емис поползла к вершине, цепляясь руками за чахлые

кустики травы, и с каждым ее движением вверх тело наполнялось неведомой силой. Пот застилал глаза, руки плохо слушались, но она продолжала движение. Поднявшись на вершину холма, почувствовала, как сотни игл пронзили ее тело, она опрокинулась на спину, и небесные духи в виде точек стали плясать в ночном небе.

Емис очнулась только утром. Она почувствовала, что снова владеет своим телом. Ей захотелось есть, а дым костров и запахи, доносившиеся со стороны стойбища, усилили это желание. С трудом спустившись с холма, она вползла в юрту и проспала три луны. Сородичи готовились к худшему, но, проснувшись, она попросила пить, ей дали мясного бульона, и она снова уснула. Проснувшись вечером, она попросила есть - ей дали немного кобыльего молока.

На следующее утро она встала и вышла из юрты. На это никто не обратил особого внимания: все были заняты своими делами. Век кочевников был недолог. Как правило, когда кто-то из соплеменников доживал до сорока – пятидесяти зим, то довольно часто он неожиданно, мгновенно умирал прямо на глазах у сородичей. Подъехав к юрте, спрыгнув с седла, он падал замертво или падал, переворачивался на бок, подтягивал ноги к животу, руки прижимал к груди и затихал. В такой позе и хоронили его, посыпав охрой и соорудив надгробный курган.

Выздоровление Емис шло быстро, она набиралась сил. Но самое главное, сознание ее изменилось. Великий дух небесного светила даровал ей не только здоровье, но и чрезвычайные силы. Она стала совершенно другой. Жизнь ее изменилась. Она стала лечить людей племени, тех, на кого никто из племени даже не обращал внимания.

Поднявшись по небесной дороге на холм Неба, они полностью выздоравливали.

Слух о ее способностях распространился среди всех родов племени. Со временем Емис стала главной жрицей племени Уй, а на вершине холма Неба стали проводиться ритуалы, посвященные Небесному Кругу, дающему силу и разум, приниматься важные решения. Емис жила с сородичами, но в то же время она была отстранена невидимой чертой от их забот, радостей и горестей. Не задумываясь о добыче пропитания, не неся семейные заботы, она имела много времени для наблюдения за окружающим миром, видела закономерности происходящего. По мере возможностей вмешивалась в жизнь соплеменников. Но годы брали свое, и, встретив Айсе, она с любовью и заботой взялась за ее воспитание. Раскрыла ей тайну холма Неба, научила общаться с Небесным Кругом, совершать ритуалы. Оставив свои знания Айсе, она покинула этот мир.

Айсе готовилась к предстоящему совету старейшин. Она как никто другой понимала, что резкие перемены, произошедшие в окружающем мире, отразятся не лучшим образом на жизни племени. Засуха с каждым годом была сильнее, скот не набирал достаточно жира, чтобы перенести зимы, становившиеся с каждым годом все суровее. Падеж скота к весне составлял половину поголовья. Оставшийся ослабленный скот поражали болезни, от которых гибли не только животные, но и люди.

В семи родах племени люди часто стали голодать. Волки сбивались в большие стаи, нападали на табуны, вырезали молодняк или угоняли косяки лошадей, которые

потом не находили. Все большую роль в жизни племени стала играть охота на диких животных: тарпанов, сайгаков, кабанов, которые в условиях засухи сбивались в огромные стада.

На совете необходимо было принять решение, которое позволило бы добывать достаточное количество пропитания. Собравшиеся на совет вожди родов ждали дня летнего солнцестояния, чтобы ночью на холме Неба обратиться к Небесному Кругу с просьбой о помощи. Вечером пригнали семь белых коней. Айсе приказала расставить их вокруг холма, а жрецам семи родов племени Уй при появлении небесного светила принести их в жертву. На вершину холма была выложена дорожка из камней, по которой после жертвоприношений вождь племени Авез во главе процессии поднимется на холм Неба. На холме будет все приготовлено для огромного костра, в который будет брошено семь пленников, захваченных для принесения в жертву.

Наступил назначенный день. Авез, вожди родов и жрицы стали медленно подниматься по каменной дорожке навстречу Небесному Кругу. На вершине холма Авез, убедившись в том, что все заняли свои места, поднял скипетр, и взметнулось пламя огромного костра, поглотившее принесенные жертвы. На небе возшло огромное круглое белое светило, заливая окрестности светом. Жрицы приблизились к костру и стали исполнять ритуальный танец, бросая в огонь пучки ароматических трав. Языки пламени завораживали зрителей, то высоко взмывая вверх, то опускаясь, стреляя искрами, разлетающимися в разные стороны. Всех охватило ощущение, что участники ритуала находятся между небом и

землей в каком-то нереальном мире. Все окружающее воспринималось острее, запахи были резче, цвета ярче.

Авез обратился к небесному кругу: «Спаси». В это время Небесный Круг переместился на некоторое расстояние и уже находился над вершиной другого холма за стойбищем. Форма его изменилась, набежавшее облако закрыло часть светила. Его форма отдаленно напоминала усы, растущие у мужчин. Подул ветер, небо заволокли тучи, пошел сильный дождь. Все поспешили спуститься с холма.

Утром вожди собрались в юрте для принятия решения. Авез до утра пытался осмыслить увиденное и пришел к выводу, что надо строить на холме сооружение в форме усов там, где было указано Небесным Кругом. Собрав вождей, Авез сказал всем привезти из своих кочевий камни, и в месте, указанном небесным светилом, на соседнем холме, построить сооружение для охоты на диких животных. Через десять лун к месту постройки привезли камни и выложили каменные усы, поверх которых были воткнуты ветки ивы. Усы были направлены на близлежащую долину, где паслись дикие тарпаны. Часть охотников спряталась за каменной кладкой усов, загонщики же погнали животных из долины на холм. Косяк тарпанов мчался по ложине, ведущей наверх, в центр сооружения. Поднявшись на вершину холма, животные оказались в западне. Такой удачной охоты еще никогда не было. Добычи хватило всем.

С этого времени каждый род племени Уй строил на своей территории такие сооружения, которые встречаются на территории Новоорского района и поныне, напоминая о жизни наших далеких предков.

Звезда тарпана

Первый луч солнца пробился сквозь серое облако и упал на белый бок жеребенка. Этой ночью произошло чудо природы: ожеребилась кобыла, и на свет появился белый жеребенок – нескладное существо, в котором было много энергии, но он еще не умел координировать свои движения. Попытки резко встать на ноги заканчивались падением. Ночные звуки пугали, и только запах кобылы, успокаивал. Инстинктивно он нащупал вымя и сделал первые в жизни глотки материнского молока. По телу пробежала волнами дрожь. Испытывая несказанное удовольствие, жеребенок помахивал коротеньким хвостиком и наслаждался вкусом густого молока. Переступая с ноги на ногу, шевелил ушами, прикрыв от удовольствия глаза. Он еще не знал, какие испытания приготовила ему судьба. А пока жеребенок делал только первые шаги в этом незнакомом мире тьмы, шорохов и запахов.

Луч солнца осветил поляну и все, что окружало жеребенка. Впервые увидев мир, он с удивлением смотрел своими огромными, похожими на две спелые сливы, глазами на зеленые травинки, которые шевелились под легким дуновением ветерка. Осмотревшись по сторонам, он встал на ноги и неуверенной походкой направился навстречу кобыле, которая с удовольствием поедала сочные растения на

заливном лугу. Подняв голову, она наблюдала, как жеребенок, осмелев, пытается быстрее переставлять ноги, но, запутавшись в густой траве, падает, вскакивает и снова падает. Он напуган, но попытки вскочить на ноги не прекращает.

Солнце поднялось над горизонтом и залило ровным светом всю местность. Стоит тишина раннего утра, когда трава искрится каплями росы, а кузнечики еще не начали своей концерт. Наконец жеребенку удается встать. Он стоит, широко расставив ноги, и видит перед собой огромного зеленого кузнечика, с трудом взбирающегося на узкий лист пырея, но тут же падающего на землю. Как только он коснулся земли, к нему подскочил колючий шар. Жеребенок сделал несколько шагов и ткнулся носом в это существо. Острая боль десятка иголок, уколовших губы, пронзила хрупкое тело. Жеребенок сделал прыжок в сторону, издав тоненькое ржание, поскакал к пасущейся кобыле. Лошадь призывно заржала и направилась к нему навстречу. Подбежав к кобыле, задохнувшись от быстрого бега, он широко растопырил ноздри, бока его, то поднимались, то опадали. Постепенно он успокоился.

Все вокруг наполнилось светом и теплом. В ближайших кустах запели птицы, рядом пробежал пушистый зверек с большим рыжим хвостом. Сначала жеребенок испугался и спрятался за кобылу, но когда зверек удалился на большое расстояние, он поскакал в его сторону, вдыхая аромат цветов и трав. С каждой минутой он познавал много нового и интересного.

Шло время, жеребенок подрос и окреп. Вместе с кобылой они отправились к исконным пастбищам тарпанов,

где собирались огромные многотысячные стада. Готовясь к миграциям в более теплые места, тарпаны паслись в долинах небольших степных речушек и на заливных лугах, запасаясь жиром, который поможет пережить суровые холода. Пока же еще стояло теплое лето. Обилие корма, близость водоемов, отсутствие хищников позволяло безмятежно пастись на просторах степей.

Постепенно жара усиливалась, в водоемах становилось меньше воды, а некоторые совсем пересохли. Пришли другие животные, которые были хорошо приспособлены к засухе и, двигаясь огромными стадами, с корнем вырывали редкие щетинки травы, а оставшиеся растения вытаптывали своими острыми копытами. Это были сайгаки. С каждым днем их становилось все больше и больше, и вскоре все окружающее пространство шевелилось от тысяч этих прожорливых животных. Следом за сайгаками пришли волки. Они огромными стаями нападали на стада сайгаков, резали животных, загнав их в степную речку, наполовину пересохшую, с высокими берегами, заросшими осокой и камышом. Насытившись, волки по ночам выли на луну, наводя ужас на все живое.

В природе между жизнью и смертью всего лишь миг. Едва успел суслик высунуть свою голову из норки, как оказался в крепких челюстях степной лисицы - корсака. Не успел сам корсак пробежать и сотни метров, как стрела степного охотника закончила его жизненный путь. Да и век самого охотника зависит от множества случайностей.

Засуха, охватившая огромные территории степных просторов, заставила тарпанов многочисленными табунами мигрировать по тропам, проторенным к большим,

полноводным рекам, названия которых сейчас Кумак, Урал, Сакмара, а в те далекие времена каждое племя называло их по - своему. Эти племена поделили огромные территории между собой и постоянно нападали друг на друга из-за лучших участков для охоты или рыбной ловли, пастьбы скота. Постепенно уничтожали разнообразие животного мира.

Одно из племен сарматов поставило свое стойбище на реке с современным названием Кумак в районе переката, где можно было добыть огромное количество диких животных, в том числе тарпанов, в период весенней и осенней миграции последних.

Жеребенок осенью вместе с огромным табуном направился к реке. Подойдя к перекату, тарпаны долго не решались войти в темную воду. Они приглатывались, втягивали ноздрями воздух, но задние напирали на передних, и вот уже вожак с белой отметиной на лбу бросился в воду, за ним устремились другие. И как только первые достигли берега, из кустов полетели камни, стрелы, копья. Первым упал вожак с проломленным черепом, за ним последовали сотни других обезумевших животных. Спасения не было, везде царилась смерть. Бойня продолжалась несколько часов, пока люди не выдохлись. И тогда тысячи животных пересекли реку и скрылись в степных просторах до следующего года.

Жеребенку на перекате отрубили ухо. С этого времени изменился не только его внешний вид, но и судьба, которая берегла и лелеяла его все это время.

Племя, охотившееся на тарпанов, было очень сплоченным коллективом с жестокими нравами. Во главе племени стоял молодой вождь Ахун. Он обладал огромной

физической силой, был мстительным, коварным, о его планах никто ничего не знал. Он всегда устранял своих соперников, которые периодически появлялись и незаметно исчезали. Племя жило размеренной жизнью, характерной для людей эпохи бронзы. Выбрав удобное место для пастьбы скота в долине речки, они постепенно двигались вслед за животными. Питалось племя в основном мясом животных, которое готовили в огромных медных котлах. Не брезговали употреблять в пищу и сырое мясо, довольно часто, чтобы утолить голод, пили кровь животных.

Ахун знал досконально все процессы, происходившие в окружающей природе, он прекрасно ориентировался во времени и пространстве. Сохранить свою власть, людей, территорию было довольно сложно. С детства Ахун отличался от своих сверстников выносливостью и смекалкой. На детей в племени особенно никто не обращал внимания, и они довольно часто дрались из-за костей животных, которыми играли, попадали в сложные ситуации по незнанию. Взрослые, как правило, были заняты добычей пропитания или отдыхом после пастьбы, удачной охоты или нападения на соседнее племя, дележа добычи. А дети, предоставленные сами себе, росли подобно диким животным, и многое зависело от самого ребенка – выживет он или нет.

Однажды Ахун вместе со своим сверстником решил отправиться на охоту. Подражая взрослым, они взяли большие ветки ивы и, заострив их концы бронзовым топором, отправились в путь. Дойдя до берега реки, они увидели норы стрижей. Стали вытаскивать из них яйца и тут же есть. Насытившись и напившись воды, дети, довольные, спрятались в тени деревьев и уснули.

Проснулись они вечером от укусов комаров: тело горело, сотни кровопийц безжалостно впивались в тела подростков. Недолго думая, дети побежали к берегу реки. Сломав полые стебли тростника, они нырнули в воду, выставив на поверхность концы стеблей, но долго сидеть так им не пришлось. Через некоторое время они с воем выскочили из реки, облепленные пиявками, которых никак ни удавалось оторвать от тела. Подростки бежали что есть сил, но все было бесполезно. Устав, взобрались на высокий холм, и только там постепенно пиявки, насытившись кровью, отпали от тела. Обессилевшие дети уснули. Утром, озябшие, они сидели на корточках и смотрели на восходящий красный шар, дарующий жизнь всему живому.

Восход солнца был всегда временем поклонения светилу, которое дарило жизнь и процветание. По мере того, как шар из красного превращался в желтый, лучи его становились ослепительными, на него нельзя было смотреть, а от исходящей жары нужно было где-то спрятаться. Ахун уверовал в то, что со временем, и он станет могучим и сильным и ему не будет равных, подобно небесному светилу.

Кожа на месте укусов пиявок сильно чесалась, а местами кровоточила. Спустившись с холма, найдя листья подорожника, они прилепили их к ранкам и отправились дальше. Добравшись до степной речушки, они увидели утку с утятами. После недолгой погони им удалось убить двух птенцов, с которых они ободрали шкуру с перьями. Немного утолив голод сырым мясом, дети пошли вдоль русла.

Неожиданно навстречу мальчикам выехала группа всадников. Подростки бросились бежать, но через

несколько мгновений были настигнуты. Им связали руки и ноги, и, перекинув через крупы лошадей, всадники поскакали в степь.

Вскоре впереди замаячили крытые толстым слоем войлока повозки, которые расположились на берегу реки. Между повозок бродили собаки, поедали остатки пищи и грызли кости животных. Они с лаем бросились навстречу всадникам, но сильный удар волосяной веревкой по жожаку стаи разогнал собак. Всадники спешили, и к ним подбежали любопытные дети, подошли женщины и стали с интересом рассматривать юных пленников, лица которых были заплаканы и покрыты пылью. Племя всего несколько дней как обосновалось на новом месте, преодолев огромное расстояние через пески, солончаки, и, наконец, смогло отдохнуть после утомительного перехода. На расстоянии дневного перехода находились земли предков и главная святыня. Каждый год племя откочевывало в более теплые края и в начале лета возвращалось.

Центром территории, занимаемой племенем, был огромный белый камень – место, где совершались обряды. С годами камень уменьшался в размерах, потому что каждому новорожденному проводили обряд посвящения в члены племени. С ребенка снимали шкуры, в которые он был завернут, и обнаженного клали на плоскую вершину камня. Ребенок начинал кричать, а все члены племени, разведя огромный костер, смотрели на огонь, который действовал заволаживающе на людей. Огромные языки пламени то поднимались к ночному небу, то монотонно колыхались на ветру, вводя в транс. Главный жрец брал белого козла за рога и резким движением перерезал ему

горло. Подставив чашу из меди и наполнив ее кровью, плескал на огонь, чтобы задобрить духов. Часть крови оставалась в чаше и ею натирали плачущего младенца. В это время каменных дел мастер откалывал кусочек белого камня, при помощи приспособления в виде лука сверлил в нем отверстие и, продев кожаный ремешок, передавал его жрецу. К этому времени ребенок, обессилив от криков, напуганный пламенем костра, уже засыпал. Жрец брал его на руки, надевал на шею младенца амулет с белым камнем, который символизировал принадлежность к племени, а также являлся оберегом на всю жизнь.

Потеря оберега каралась смертной казнью. Провинившегося человека бросали со скалы на камни. Но так как скалы были в этих местах невысокие, то покалеченный провинившийся умирал в течение нескольких дней.

Все животные, птицы белого цвета вызывали священный трепет. Им поклонялись, приносили в жертву, из них делали ритуальные одежды.

Объединяющим началом, как символ, был белый камень, к которому относились с большим почтением. Каждый житель после удачной охоты приносил часть добычи и клал перед камнем, при этом благодарил духа камня за помощь.

Приведенных пленников сбросили на землю, взяв за ноги, оттащили в тень от телеги. Пленники хотели пить. Они не понимали речи жителей этого племени и мужественно терпели жажду и чувство голода.

В стойбище произошло несчастье: умер вождь племени. Молодой жеребец, которого он осматривал,

неожиданно ударил его копытом задней ноги в грудь. Вождь упал, на губах у него выступила кровь, дыхание стало прерывистым. Его отнесли в юрту, где он пролежал несколько дней, не двигаясь, и вот сегодня духи забрали его.

Пленников стали готовить для принесения в жертву. Их развязали, умыли, накормили мясом и приставили к ним охрану, которая неотступно следила за ними. Подростки могли свободно передвигаться по стойбищу, заходить в юрты, где им предлагали еду. Все их считали избранными посланниками племени, которые уйдут в мир духов. Но жить пленникам оставалось буквально считанные часы.

Наступил вечер, на небе зажглись первые звезды. Подростков привели к жрецу, тела их намазали жиром, лица и руки натерли охрой. Племя стало готовиться к проводам вождя. На вершину холма из белого песка была отсыпана дорога, по которой будет ехать телега с телом усопшего.

А в племени охотников на лошадей уже несколько дней царило беспокойство. Вождь Аяз был расстроен пропажей своего старшего сына Ахуна и Бани, сына своей сестры. Поиски продолжались несколько дней, и, наконец, удалось найти следы детей: на берегу степной речки был найден амулет Ахуна, а также отпечатки конских копыт. Аяз собрал всех мужчин и часть женщин, которые вместе с мужчинами участвовали в походах и в совершенстве владели оружием, и направился по следам похитителей. Аяз прекрасно разбирался в следах, и довольно скоро сарматы увидели в ночи костры стойбища похитителей. Занятые подготовкой к похоронам, кочевники племени Белого Камня потеряли бдительность. Сарматы с воем и криками напали

на стойбище. Жители не успевали оказывать сопротивление, они падали, сраженные копьями и стрелами. Сарматы пленников, как правило, не брали, разве что для принесения в жертву. Когда сарматы напали на стойбище, жрец и охрана, вскочив на коней, умчались в степь.

Аяз, увидев белую дорогу, поскакал по ней, где и обнаружил детей. Подростки стояли на вершине холма и никак не могли прийти в себя. Вскоре на разгоряченном коне прискакала сестра Аяза – Маса. Дети радостно бросились ей навстречу, и она отвезла их родителям. Забрав трофеи, сарматы вернулись в свое стойбище.

Наступили холода, но они не были страшны для племени охотников, живущих недалеко от перевала. Мяса от убитых осенью тарпанов хватило до середины зимы. Да и огромные стада, пополнившиеся за счет животных, захваченных у племени белого камня, позволили с небольшими потерями прожить зиму. Все с нетерпением ждали наступления весны, прихода тарпанов и других животных.

На реке прошел ледоход. И стада тарпанов по знакомым тропам двигались на свою родину. Белый одноухий тарпан сильно ослабел за зиму. Чахлые растения, которые приходилось искать под снегом, не давали достаточно энергии молодому организму. Приходилось целыми днями копытами разгребать снег, на это уходило много сил. А по ночам на тарпанов охотились волки.

Одноухий увлекся поисками корма, далеко отошел от стада. Неожиданно он увидел несколько волков, которые спускались с холма в его сторону. Ветер дул в сторону волков, и они уже давно учуяли запах тарпана и уверенно

приближались к намеченной цели. Оставалось буквально несколько метров, отделявших жертву от хищников. Одноухий в одно мгновение был окружен волками со всех сторон. Они сидели на снегу, раскрыв пасти, глаза их жадно горели. Один из хищников прыгнул и попытался вцепиться в горло одноухому, но тот успел схватить зубами волка за шею и, сломав ему позвоночник, отбросил обмякшее тело. В это время молодой волк вскочил тарпану на спину и попытался вцепиться ему в холку. Все решали мгновения. Одноухий встал на дыбы – волк кубарем упал к задним ногам, ударами которых он был убит. Оставшиеся трое – старая волчица и двое молодых волчат – разом бросились на тарпана. Один из волчат был сразу убит копытом задней ноги, волчица получила удар передним копытом по голове, кровь залила ей глаза, и она с трудом отползла в сторону. Молодому волчонку удалось вцепиться в холку тарпана, но тот неожиданно упал и перевернулся на спину, придавил всей своей тушей волка, сломав ему челюсти и ребра.

Одноухий лежал на окровавленном снегу, капли крови стекали по шее, образуя небольшую лужицу. Он смотрел сквозь наплывающую пелену широко открытыми глазами, из которых капали слезы. С трудом встав на ноги, он пошел с места схватки. На его спине замерзли сгустки крови. Начавшаяся метель надежно скрыла следы борьбы. На следующий день одноухий прибил к стаду тарпанов и продолжил свой путь к лугу, где он родился.

Наступала весна. Все чаще приходилось перебираться через небольшие речушки, а потом уже и переплывать их. Стада тарпанов сбивались в одно большое стадо, которое устремилось к знакомому переходу, где их ждали охотники,

и все повторилось сначала. Часть животных погибла от стрел и копей охотников, остальные пришли на заливные луга. Но недолго продолжалась пастьба. Лето выдалось необыкновенно жарким. Начался массовый падеж скота у сарматов. Позднее стали вымирать люди, и в племени Аяза осталось несколько десятков человек. Дети умерли все. Сам Аяз, почувствовав, что он скоро умрет, подозвал к себе Ахуна и сказал, чтобы тот бросил стойбище и весь скот и отправился на новое место к белому камню. Аяз сказал: «Духи отвернулись от нас, иди, проси защиты у белого камня, там наше спасение». Захоронив умерших, оставшиеся в живых люди под руководством Ахуна откочевали к белому камню. В жертву камню были принесены дикие лошади тарпаны, весь камень был окрашен их кровью в красный цвет.

Приближались холода. Необходимо было подготовиться к зиме. Ахун принимает решение начать массовое истребление тарпанов, пасшихся в округе. Охотники, обследовав местность, нашли обрыв, к которому нужно загнать лошадей из долины. Днем сделать это практически было невозможно. Приготовив факела, люди отправились к белому камню, где разожгли огонь, попросив помощи, после чего зажгли факела и, растянувшись в цепь на расстояние видимости, охватили огромную территорию, где паслись тарпаны, и поскакали по направлению к скалам, сжимая кольцо. Испуганные тарпаны метались в темноте и, слившись в один табун, понеслись прочь от приближающихся огней. Чем быстрее скакали тарпаны, тем быстрее нагоняли преследователи. И вот наступил финал

охоты. Более тысячи тарпанов сорвались с обрыва и упали на камни. Охота оказалось удачной.

Только один одноухий сумел, упав со скалы, с трудом встать и в ночной темноте, переплыв реку, скрыться на другом берегу. Одноухий белый тарпан в одиночестве бродил по полям в поисках сородичей. Неизвестная болезнь извела стада тарпанов. Те же, что уцелели, были истреблены людьми. Ночью на тарпана напала рысь. Спрыгнув с дерева, она вцепилась в шею. Не разбирая дороги одноухий мчался между редких кустов. Одна из веток ивы сбила хищника со спины. Окровавленный и обессиленный, Тарпан вышел на поляну. Силы покидали его.

Ахун в очередной раз выехал на охоту и увидел израненного белого тарпана. Глядя на одноухого, он вспомнил, что когда был в плену, то у вождя племени белого камня была накидка из шкуры белого тарпана. Ахун, стремглав помчался наперерез одноухому. Тарпан из последних сил поскакал, стараясь оторваться от погони, но преследователь неумолимо приближался. Погоня продолжалась весь день. Ахун то находил тарпана и мчался за ним, то терял из вида. К вечеру белый тарпан, преследуемый вождем, выскочил из кустов возле стойбища. Ахун приблизился вплотную к слабеющему тарпану и ударил его копьём между ребер. Одноухий белый тарпан, сделав последнее усилие, галопом проскакал через все стойбище и упал, ударившись мордой о белый камень.

На небе ярко светили звезды. Вот одна из них упала, отразившись в огромных мутнеющих глазах, наполненных болью и отчаянием. Звезда тарпана погасла...

Красный тюльпан

Первые весенние ручьи сбегают с крутых холмов. Воздух прозрачен и чист. Природа нехотя пробуждается от зимней спячки. На пригорках появляются первые подснежники, протянув свои нежные лепестки к теплу и свету. Местами ярко выделяются кустики сон-травы и желтых адонисов. Суслики покидают залитые водой норы и пытаются спастись на возвышенности. Отощавшие за зиму сурки щиплют ростки первой весенней травы. Зажав в лапах пучок, они общипывают стебельки, зорко оглядывая окрестности. Обычная весна, приходящая каждый год, не похожа на предыдущую, но всегда несет обновление всему живому.

Вот уже и расцвел царь степных цветов – тюльпан. Поля усыпаны желтыми и красными цветами. При дуновении ветерка красные цветы подобно огню костра полыхают на зеленом фоне степного разнотравья. Но все это быстротечно, как сама жизнь. Под лучами солнца лепестки красных тюльпанов станут белыми, осыплются на землю. На их месте появятся коробочки с семенами и, вдавленные копытами животных, дадут жизнь новым цветам.

На вершине холма, сидя на корточках, Расил рассматривал зеленую ящерицу, сидящую на небольшом камне. Ящерица рассматривала окружающую местность, подставляя свое тело теплым лучам. Расилу как сыну вождя

рода, в отличие от сверстников, часто приходилось уединяться. Когда он оставался один, то пытался понять «мир взрослых», события, происходившие вокруг него. Он знал, что после смерти своего отца займет его место и станет вождем рода Беркута племени Волка. С одной стороны, это отдаляло его от подростков, и Расил не принимал участие в их играх и развлечениях, с другой стороны, многие взрослые сторонились его. Только помощник отца Ашим уделял много времени его обучению воинскому мастерству, навыкам управления родом, ведению степного хозяйства.

Жизнь кочевников была очень сложной. Природа отбирала сильнейших, которые смогли бы продолжить борьбу за выживание. Но сейчас Расил был озабочен другим: пять весен назад отец пообещал вождю соседнего рода Токтару взять в жены Расилу его старшую дочь Елше при условии, если Расил победит на ежегодном празднике весны, на который собирались все рода племени Волка, кочующие в высоких холмах.

Расил много времени уделял стрельбе из лука, верховой езде, прекрасно владел бронзовым ножом, был очень силен. Он часто участвовал в ребячьих забавах и выходил победителем. Но скоро будет день Волка, когда все роды племени соберутся вместе, и сотни хорошо подготовленных молодых воинов будут показывать свое мастерство, где наряду с мужеством и силой присутствуют коварство и хитрость, без которых нельзя победить. Готовясь к празднику, Расил всё чаще приходил к мысли, сходить к жрице рода Асият, которая напрямую общается с духами, знает много тайн, которые помогут ему одержать

победу. Но, как и всем соплеменникам, жрица внушала ему страх.

Расил смотрел на ящерицу и никак не мог определиться, что делать. Вдруг аркан туго обвил его шею, юноша рывком был свален на землю, его тело подхватили цепкие руки, перекинули через круп лошади. Стегнув коней плеткой, всадники вместе с добычей понеслись вглубь степных просторов. От скачки по пересеченной местности кружилась голова, сильно тошнило, связанные руки и ноги затекли. К вечеру его тело сбросили на землю, разрезали кожаные ремни. Расил попробовал встать, но тут же упал на землю, потеряв сознание.

Очнулся он в юрте. Рядом в деревянной чаше стояла вода, в отверстии для дыма были видны звезды. Голова сильно болела, он никак не мог понять, что с ним произошло. Сделав несколько глотков воды, юноша прилег на кошму и задремал, но ненадолго. Его разбудил лай собак, которые набросились на кого-то в темноте. Приоткрыв край полога, закрывавшего вход в юрту, Расил увидел, как огромный волк рвал собак, набрасывающихся на него с разных сторон. При ярком свете луны было хорошо видно, как волк, щелкнув челюстями, распорол живот очередной жертве. На земле в беспорядке валялось уже несколько бездыханных тел. Но стая была многочисленная, и волку вряд ли удалось бы справиться с огромными псами, если бы не окрик проснувшегося хозяина из юрты на своего пса. Собаки боялись людей, потому что те их часто нещадно били по поводу и без повода. Собаки замерли, а в это время волк сделал резкий скачок и скрылся за соседней юртой.

Опустив полог, Расил стал передвигаться к другой стене юрты и только тут почувствовал, что его ноги плотно зажаты, и свободно передвигаться он не может. Расположившись поудобнее, он крепко уснул.

Проснулся юноша от утренней прохлады. Ныли ушибленное плечо и сильно ободранные колени. При свете Расил увидел, что на ногах у него деревянные колодки. Передвигаться по юрте он мог, но о побеге можно было и не мечтать, тем более что вокруг стойбища бродили огромные полудикие псы, которые могли загрызть чужака.

Потеряв мир детства, Расил попал в незнакомый мир. Его размышления прервал человек, вошедший в юрту. Он был не похож на тех, с кем юноше приходилось встречаться. Небольшого роста, одетый в одежду из яркой гладкой ткани человек стал что-то быстро говорить. При этом его лицо, имевшее желтоватый оттенок, постоянно меняло выражение от серьезного, до комичного. Поставив белого цвета миску, он вышел.

Расил внимательно осмотрел миску с двумя палочками, попробовал одну из них пожевать и тут же выплюнул. Не зная, что дальше делать, он решил попробовать содержимое миски. Взяв в руку, он впервые увидел ни на что не похожее белое гладкое с рисунком изделие, в котором была мутная жидкость, издававшая резкий запах. Расил сделал глоток и тут же с отвращением выплюнул. Его сильно замутило. Он решил, что его хотели отравить. Хотелось есть, пить, но самое главное – хотелось покинуть этот мир маленьких людей с желтыми лицами и ужимками на лице. Осмотрев помещение, юноша не обнаружил ни одного предмета, при помощи которого

можно было бы избавиться от колодок на ногах. Медленно передвигаясь вдоль центра юрты, он стремился обращать внимание на любую мелочь, которая могла бы быть полезной в дальнейшем. Сев на землю, Расил стал рассматривать колодки на своих ногах, которые были сделаны из дерева и закрывались на замок. Дерево было крепкое, и раздробить его было практически невозможно.

Грустные мысли приходили в голову, Расил не знал, что происходит в окружающем мире, кроме звуков, доносившихся с улицы. Вдруг все стихло. Полог распахнулся и вошел человек, одетый в ярко-желтую одежду. Его окружали вооруженные копьями воины. Осмотрев Расила, человек плюнул в его сторону, лицо его исказилось от ярости, он резко повернулся и вышел. Вместо него вошли двое с какими-то предметами, связали юноше руки и стали срезать волосы с его головы. Вскоре голова Расила стала совершенно гладкой. Потеря волос для юноши была равносильна смерти. Кочевники никогда не обрезают волосы, которые космами свисали с головы. Лишь изредка волосы стягивали кожаными ремешками, чтобы в бою они не закрывали глаза.

Расил тогда еще не знал, что люди, захватившие его в плен, в тот же день на рассвете напали на его сородичей и всех перебили. Удалось спастись только одной девушке, воспитаннице жрицы, вскочившей на коня и умчавшейся в степь.

Род Расила, многие сотни лет пасший табуны возле великих холмов в долине реки Мусагатка, исчез навсегда. И никто этого не заметил. По-прежнему с гор бежали ручьи, зеленела трава, летели стаи птиц на гнездовье, но другие

люди владели землями, имуществом и скотом его рода. И только Расил знал, что было и что стало...

Однажды Расила вывели на площадь в центре поселения. Юноша, отвыкший от дневного света, закрывал руками лицо, солнечные лучи слепили его. Привыкнув к солнечному свету, он увидел, что племя врагов огромно по численности. Поселение было расположено на большой территории. Насколько можно было видеть, везде стояли юрты, были люди. Множество всадников скакали с разных сторон на взмыленных лошадях к огромной юрте. Спрыгивая с лошадей, они передавали какие-то свертки, многие тут же падали на землю от изнеможения. По-видимому, они проделали долгий путь. Расил никогда не видел столько хорошо вооруженных воинов, которые расположились за поселением и постоянно передвигались группами. Глядя на все это, Расил понял, что земли, где паслись табуны родов племени Волка, навсегда перешли к новым хозяевам, численность которых была огромна, а вооружение вызывало восхищение.

Но, находясь в плену у врагов, юноша думал о свободе. Его каждый день заставляли с утра до вечера работать – переносить корзины с продуктами. Монотонные будни выматывали физические и духовные силы. Тело его быстро слабело, оно не принимало незнакомой пищи, а постоянная тоска по родному племени не давала возможности заснуть. Каждую ночь юноша думал только о побеге, но мечта эта была нереальна. За ним постоянно следили, а колодки на ногах были непреодолимым препятствием.

Однажды в юрту вошли двое незнакомых мужчин, ударили Расила плетью и вывели из юрты, где стояла

толпа похожих людей, закованных в колодки. Всех их, как стадо баранов, погнали по пыльной дороге. Впереди шел караван верблюдов, нагруженных товарами, по бокам бежали огромные псы, замыкали колонну пленники и небольшое стадо животных. Каждый день по мере продвижения каравана вперед убивали по одному животному. Путь каравана проходил по знакомым с детства землям, где много раз ставились юрты стойбища его рода. Вечером караван остановился на ночлег у озера. Напоив и уложив верблюдов, новые хозяева, зарезав барана, стали варить его в большом котле. От запаха вареного мяса становилось дурно, сильно хотелось есть, а так как пленникам давали только плохо обглоданные кости, то, постоянно оставаясь голодными, они слабели с каждым днем. Некоторые уже погибли, и их тела бросили на растерзание собакам.

Расил понимал, что дни его сочтены. Еще несколько дней отделяли его от встречи с духами. В этот вечер ему совсем не досталось пищи. Он лежал на спине. У юноши не было сил даже пошевелиться. Только бездонное небо своим шатром накрывало все вокруг. Расил заметил на небе светящуюся точку и стал наблюдать за ней.

Вдруг его кто-то толкнул в плечо. Это была Асият. Она случайно оказалась в роду Расила. Жрица рода – Анинет собирала лекарственные травы и случайно наткнулась на девочку, которая лежала возле дерева. Тело ее было покрыто язвами, но она подавала признаки жизни: открыв глаза, она пыталась пошевелить рукой, но та бессильно упала на землю. Анинет, как и все жрицы, не имела семьи и детей. Ее юрта стояла в стороне от жилищ

остальных соплеменников, и, пока у жрицы были силы, она сама справлялась со своими обязанностями. Жрица была очень сильной, но прожитые годы постепенно накладывали свой отпечаток, как на внешний облик, так и на физическое состояние. Анинет очень обрадовалась случайной находке. Жрица завернула девочку в шкуру и, перекинув через круп лошади, отвезла ее в свою юрту.

Ночью ребенку стало плохо: тело девочки горело огнем, она металась в бреду, заканчивался ее жизненный путь. Но Анинет не собиралась отдавать девочку духам. Она натерла ее худое тело барсучьим жиром, настоящим на травах, разожгла костер. Разжав ножом, зубы девочки, влила травяной настой.

Пламя костра согрело воздух, в юрте стало невыносимо жарко. Жрица плеснула на камни зелье, хвойный аромат наполнил юрту, и она приступила к общению с духами. Издавая монотонный звук, Анинет сидела на корточках, раскачиваясь из стороны в сторону, бросая сухие пучки травы в огонь. Глаза ее были расширены, рот полуоткрыт, волосы распущены, по ее телу пробегали конвульсии – жрица общалась с духами. Вдруг она подпрыгнула и стала исполнять танец Жизни. Жрица кружилась в ограниченном пространстве юрты, выкрикивала гортанные звуки, размахивала руками с зажатыми в них хвостами волков. Издав гортанный крик, она рухнула в изнеможении у затухающего костра, угли которого подернулись серым пеплом...

Наступило утро. Анинет с трудом встала, обтерла тело девочки мягкой шкуркой, с силой разжала ее зубы и влила сильно пахнувший настой трав. Потом взяла огромную

волчью шкуру, завернула в неё девочку и понесла в лес. Найдя огромный муравейник, она развернула шкуру и, разворошив его, опустила в него тело девочки. Тысячи муравьев вцепились в незащитное тело. Через какое-то время все тело покрыла живая масса муравьев. Жрица вынула девочку из муравейника и, положив на шкуру, намазала резко пахнущим жидким маслом. Через некоторое время муравьи стали покидать свою жертву, оставляя красные пятна на местах укусов. Стряхнув оставшихся муравьев и завернув в шкуру ребенка, жрица понесла ее назад в юрту.

В юрте Анинет снова разожгла костер, поставила на огонь котел, бросила в него мясо, сушеную смесь трав и корней и варила в течение долгого времени, пока в котле осталась ровно половина жидкости. Слив бульон, она опять разжала ножом зубы девочки и влила его. Взяв белую мазь, жрица полностью смазала все тельце девочки и, завернув в шкуру, положила поближе к огню костра в центре юрты. Устав, она уснула, привалившись спиной к стене юрты.

Проснувшись Анинет только вечером и увидела, что девочка просит пить, показывая на котел. Жрица взяла глиняный горшок, поставила его на теплые угли костра и, когда бульон нагрелся, напоила ребенка. Девочка спала всю ночь, а утром, когда жрица открыла глаза, то увидела, что девочка сидит на волчьей шкуре, рассматривая помещение и саму жрицу.

Постепенно девочка окрепла и стала во всем помогать стареющей Анинет: носила воду, собирала и сушила травы, растирала охру, участвовала в проводимых обрядах.

Девочка сильно привязалась к Анинет, и та относилась к ней очень благосклонно, назвала ее Асият и оставила у себя. Жрица ни с кем из сородичей не общалась близко. Они просто так не приходили в ее юрту, только приносили часть положенной ей добычи, захваченной в набегах, или убитой дичи, а также различные изделия из кожи, глины, металла. Ее боялись, но без нее не могли обходиться. Ее почитали и при любых событиях в первую очередь обращались к ней. Сам вождь рода великий Адис всегда советовался с ней при принятии важных решений.

Асият после нападения неизвестного племени случайно осталась в живых одна. Но теперь она много знала и умела того, что было недоступно простым смертным. Она видела духов, могла с ними общаться и предсказывать будущее, лечить людей, приносить жертвы, совершать различные ритуалы...

Асият нашла пещеру на берегу реки Кумак и стала там жить, днем прячась в ней, а по ночам добывая пищу. Вход в пещеру зарос диким шиповником и кустами ивы, так что случайно найти ее никто не мог. В эту ночь она выехала на охоту и вдруг вдали увидела огни горящих костров. Асият уже давно не видела людей, и ей стало любопытно, кто же это остановился там. У нее теплилась надежда, что это какой-нибудь из родов племени Волка вернулся на свои исконные пастбища. Спрыгнув с лошади, она, согнувшись, прокралась к кострам, увидела верблюдов и огромных собак. Собак она совершенно не боялась: животные боялись и не выдерживали ее взгляда. Когда она перепрыгнула через небольшой ручей возле одного из костров, ей показалось, что она увидела знакомое лицо. Асият ползком добралась

до лежащих людей. Среди них она узнала Расила. Толкнув его в плечо, она сказала, что поможет ему бежать.

Асият быстро проползла между пленников, нашла свою лошадь и, подъехав поближе к каравану, положила её за кустом чилиги. Вернувшись к Расилу, она взяла и приподняла его ступни ног в колодках, а он из последних сил пополз на локтях и коленях. Им удалось доползти до коня, Асият перекинула Расила через круп лошади, привязав руки к ногам, чтобы он не упал.

Асият медленно поскакала. Отъехав на приличное расстояние, она направила коня к степному ручью. Ручей был мелкий, и конь свободно шагал по течению, не оставляя следов. К утру они свернули к пещере. И до восхода солнца они уже были на месте.

Развязав Расила, она помогла ему спуститься на землю. Он лег на землю, все тело его затекло, руки в запястьях опухли. Он смотрел, как со стороны противоположного берега медленно поднимается красный шар. От него исходило тепло, которое согревало ослабевшее за годы скитаний, исхудавшее и обессиленное тело.

Асият ходившая за водой на реку Кумак, увидела, что Расил лежит на земле совершенно безразличный ко всему происходящему, устремив свой мутный взгляд на восходящее солнце. Она быстро развела огонь, положила в костер бронзовый кинжал, перевернула Расила на спину. Колодки на ногах засыпала толстым слоем речного песка, оставив небольшой промежуток, и попыталась острым камнем откалывать небольшие кусочки древесины от колодок. Потратив немало сил, она убедилась, что ей так и не удастся освободить от колодок Расила.

В это время огонь разгорелся, и кинжал от пламени костра сильно накалился. Асият взяла в руки кусок войлока, обернула руку и вынула кинжал из костра, быстро прижала его к дереву колодки. Оно задымилось, и появился язычок пламени. Асият не знала, что это было за дерево, но, несмотря на то, что оно было довольно прочное, дерево быстро разгоралось. Слой песка защищал ноги Расила, а расстояние, делившее колодки надвое, постепенно уменьшалось. Асият смотрела на огонь, и в ее голову пришла мысль плеснуть жидкость, которую она использовала при проведении ритуалов с целью задабривания духов огня. Пламя тогда поднималось до самых небес, обдавая всех жаром и ярко освещая ритуальное место. Она принесла небольшой сосуд с жидкостью и стала поливать горящее место. Огонь стал быстро разгораться, превращая в угли сухое дерево.

Прошло довольно много времени, солнце находилось в центре неба и жгло своим жаром все живое. Наконец верхняя часть колодок перегорела и освободила ноги пленника. Ноги были в потертостях и язвах, покрытых гноем. Асият взяла каменный пест, корни девясила, ночную желтую жидкость и приступила к изготовлению мази. Закончив нелегкий труд, она аккуратно смазала раны на ногах и, замотав каждую ногу тонкой шкурой, перенесла Расила в пещеру. Ослабевший Расил сразу же уснул. Во сне он вскрикивал, скрипел зубами. Видно, духи тревожили его тело.

Асият, закончив с Расилом, достала кусок сухого мяса, бросила его в котел, налила в него воды и поставила в костер. Мясо варилось долго. За это время Расил проснулся, сел на корточки и попросил пить. Асият подала ему кувшин с водой,

и они стали ждать, когда будет готова еда. В это время Асият рассказала о нападении неизвестных на род Волка. Она сказала, что все жители рода: дети и взрослые - были перебиты и только ей одной, случайно вышедшей ночью из юрты и оказавшейся возле лошади, удалось ускакать в степь, где она и нашла прибежище в этой пещере.

Как жительница степей она в совершенстве владела луком, копьем, кинжалом, метала шары, ставила силки и всегда могла добыть достаточно пропитания. Но потеря рода для нее была большой трагедией. Она ночами обследовала места кочевий других родов племени Волка, но и они были уничтожены. Она прекрасно понимала: как бы она искусно не маскировалась, ее найдут, это лишь вопрос времени.

Расил сидел в раздумье - куда направиться, чтобы отыскать следы кого-то уцелевших из родов племени Волка. И решил, что все плодородные заливные луга захвачены и если кто уцелел, то, скорее всего, они ушли в пустынные и полупустынные места, куда на зимнее время откочевывали племена.

Поев мяса и выпив отвара, Расил и Асият решили следующей ночью покинуть пещеру и принести жертву духам каменной головы. А самое главное - угнать лошадей из табуна, пасущегося в долине. Лошади нужны были, чтобы преодолеть большие расстояния и уйти от погони, а также иметь животных как постоянный источник питания. Но табуны охраняли табунщики и собаки, которые защищали от волков, а также нападали на тех, кто пытался угнать лошадей.

Пока еще не рассвело, Расил переплыл реку. Пройдя левым берегом реки, он спрятался в кустах напротив косяка

лошадей, пасущихся на противоположном берегу реки, и издал звук, напоминавший вой голодного волка. Огромная свора собак бросилась в сторону Расила, но, добежав до берега реки, остановилась, издавая своеобразный, свойственный только этим собакам лай.

Собаки смотрели на другой берег реки, нюхали воздух, пытаясь определить местонахождение волков. В это время Асият подъехала к юрте пастухов, они спросонок пытались понять, что происходит. Один из них вышел из юрты и тут же упал, сраженный ножом, не издав даже звука. Асият вошла в юрту, по очереди будила спящих людей, чтобы они не вскрикнули, и вонзала каждому нож в сердце. Убив пастухов, она отвязала всех лошадей, стоявших на привязи, отсекла часть косяка и погнала лошадей к броду через реку Кумак к тому месту, где находился Расил.

Туман рассеялся, на траве выступили капли росы. Напуганные лошади лавиной пронеслись по лугу. Из кустов вышел Расил и вскочил на лошадь. Развернув табун в сторону реки Орь, они галопом погнали лошадей. Весь день, не останавливаясь даже для того, чтобы поесть, они гнали коней, которые к вечеру были в «мыле» от такой скачки, но на карту была поставлена жизнь двух людей, и ради этого Расил и Асият были готовы загнать лошадей, но уйти от возможной погони. Только утром следующего дня они подогнали животных к небольшой поляне с редкой и чахлой травой и остановили косяк.

Спрыгнув с седла, Асият достала сушеное мясо тарпана, и они стали с жадностью грызть сухие куски, запивая водой. Нужно было время, чтобы лошади остыли

перед тем, как их отогнать к ближайшему озеру и напоить. Расил вскочил на коня и, несмотря на сильные боли в ногах, проехал и осмотрел близлежащую территорию. Проехав по кругу, он обнаружил старые следы лошадей.

Напоив коней, беглецы вскочили в седла и погнали животных по следам, четко отпечатавшимся на суглинке. Только после пяти лун они увидели вдали костры. Спешившись, они решили оставить лошадей пастись, а сами поближе подобраться к незнакомому кочевью. Когда стемнело, они подъехали к стойбищу с подветренной стороны, чтобы их не учуяли собаки, и, спрыгнув с коней, поползли навстречу неизвестности.

Внезапно началась сильная гроза. Молния расколола небо, а удары грома оглушали. Ползти приходилось по сплошной грязи. Все жители стойбища укрылись в своих юртах, только кое-где бегали собаки. Но Асият взглядом могла любую собаку сделать послушной ее воле. От ее взгляда собаки ложились на землю, виляли хвостом или в страхе разбегались. Некоторые застывали на месте, но после взмаха ее руки неслись прочь.

Пробравшись в стойбище, они с радостью узнали, что здесь расположились люди рода Тарпана племени Волка, брата отца Расила – Абу. Численность людей на стойбище была огромна, по-видимому, Абу сумел объединить оставшихся в живых сородичей и часть косяков лошадей. Расил решил вернуться назад в степь, а утром встретиться с братом отца.

Наступило утро. Ночью, когда вождь вышел из своей юрты и отошел недалеко в степь, его убила молния. А когда Расил и Асият въезжали на лошадях в стойбище, то многие

родичи радостно приветствовали Расила, которого знали с детства. Но случившаяся трагедия наложила скорбный отпечаток на лицо каждого. Оставшись без вождя, род мог распасться. Да и претендента на роль вождя не было. Старшего сына Бегана убили желтолицые, младший утонул в реке. Кто станет вождем рода?

Собравшиеся в юрте Абу старейшины рода сидели и ждали жрицу рода Абибат. Она уже многие десятки лет проводила обряды, общалась с духами, предсказывала будущие события, которые сбывались, и ее слово было весомым при решении любого вопроса.

Распахнулся полог и, тяжело дыша, в юрту вошла Абибат. Она села в центре. Зажгла огонь, тем самым очистив жилище от злых духов. Приказала, чтобы принесли тело Абу, и стала готовить его к погребению на вершине холма, у подножия которого протекала река Мусагатка. Работа отвлекла людей от повседневных забот, но страх за то, что будет дальше, не покидал каждого. Вождя Абу хоронили, когда солнце стало спускаться в сторону гор. Обряд был традиционным. Внутри построенного помещения из дерева на вершине холма, обложенного дерном, внесли завернутого в белый войлок Абу. Абибат убила кривым ножом молодую девушку и положила ее у ног покойного. В погребальном помещении были расставлены украшения и бронзовые котлы у входа. Сам Абу был в одежде вождя со скипетром, кинжалом, луком и колчаном, полным стрел. Тело его положили на мягкое ложе из степной травы. Ввели двух пленных желтолицых и, задушив их веревкой, положили на входе. Выйдя из помещения, Абибат приблизилась к белому жеребцу,

которого четверо воинов свалили на землю, и перерезала ему горло. После того, как агония животного закончилась, его положили мордой на восход солнца, подогнули ноги, поправили сбрую, седло. Абибат убила еще одного пленника и насадила его на кол, закрепив тело веревками. Закрыв вход в усыпальницу, Абибат вместе со всеми сородичами спустилась к подножью кургана и стала есть мясо из большого котла, запивая кислым молоком.

Утром Абибат решила поехать к каменному идолу на реке Кумак, но по дороге произошло довольно странное происшествие. Когда жрица скакала по полям, нога лошади попала в сурчиную нору. Абибат вылетела из седла и со всей силой ударилась головой о землю. Так она и осталась лежать до следующего утра, пока ее не нашли сородичи мертвой с распухшей головой. Завернув ее тело в войлок, они отвезли ее в стойбище. На следующее утро провели особый обряд прощания с Абибат.

Род остался без вождя и жрицы. Старейшины рода собрались внутри белой юрты, разожгли костер и сидели, мерно раскачиваясь, издавая протяжные звуки. Летняя ночь заканчивалась, потухли последние звезды на небе, и тогда Кашим – самый старший нарушил тишину. Он сказал: «Будет вождем Расил, он сын брата Абу, оба рода одного племени и других прямых наследников нет».

Остальные старейшины опустили на колени в знак согласия. Взобравшись на коней, они поскакали в стойбище, чтобы сообщить решение сородичам. Всем было объявлено, что за три луны род Тарпана должен вернуться на свои родовые земли и там вечером будет объявлено решение. Когда уставшие от скачки сородичи подъезжали к

священному холму для участия в ритуале, пастухи рода Тарпана с пастбищ пригнали стадо баранов, косяк лошадей. Воины охраны вождя впрягли в колесницу трех белых жеребцов. Кони храпели, пытались встать на дыбы, били задними копытами, глаза их были налиты кровью, а тело могучей силой.

С заходом солнца все жители стойбища с горящими факелами отправились к священному холму на берегу реки Мусагатка. Холм – бывший когда-то вулкан – возвышался среди пологих склонов над окружающей местностью, и с его вершины были хорошо видны все земли родов племени Волка, а также некрополи. Здесь происходило единение живого с неживым – царства людей и духов. Все прекрасно понимали, что они сегодня могут погибнуть от племени, захватившего их земли, но выбора не было. Только на горе власти при полной луне можно было проводить ритуал посвящения в вожди.

Асият заняла место умершей жрицы, так как жриц не выбирали, это были женщины, которые проходили специальное обучение и обладали особым даром. Асият сегодня предстояло провести ритуал посвящения в вожди. Весь род расположился у подножия холма. А на самую вершину стала подниматься процессия: впереди шел Расил в кожаных шароварах, кожаной рубахе, поверху которой был надет костяной панцирь. На плечи была накинута шкура тарпана, заколотая золотой застежкой, на поясе висел бронзовый кинжал. В руках Расил держал лук, через плечо висел колчан со стрелами. Позади, шли старейшины и телохранители. На горе всех ждала жрица.

Когда на небе показалась огромная луна в виде диска, все члены процессии упали на колени и локти, опустив головы к земле. Только жрица, вся в белых одеждах, стоя смотрела на лунный диск. Стояла мертвая тишина. Все замерло. Жрица подала знак, и прислужники зажгли огромный костер, свет от которого осветил всю округу. И всем стало видно, что происходит на вершине холма.

Вереницей на холм поднялись те, кто будет принесен в жертву. Асият вонзала кинжал каждому из них в грудь, а прислужники бросали их в огонь. Когда жрица посчитала, что духи насытились, цвет луны приобрел красноватый оттенок. Она повернулась к Расилу и жезл, украшенный головой тарпана, вручила ему. Теперь он стал вождем рода Тарпана. Расил получил главное – признание его силы как вождя рода, право на принятие решения. Он поднял руку с жезлом вверх и повернулся лицом к реке Мусагатка – реке жизни и начала родовых земель, на берегу которой сходится становление власти и уход в неизвестность.

Зловеще смотрелась с подножия холма небольшая человеческая фигура вождя с поднятой рукой, с огромным багряным диском луны за спиной. Расил издал гортанный крик и ринулся вниз с горы к колеснице. Проехав один круг, он остановил коней, которых тут же принесли в жертву. Расил пересел на черного жеребца и поехал к белому шатру.

Сородичи стали справлять трапезу. Расил собрал старейшин и, усевшись в центре белого шатра на белом войлоке, сказал, что сегодня решится судьба рода, и они нападут на племя захватчиков или те перебьют всех людей рода Тарпана. Старейшины понимали, что те, кто захватил их земли, были намного лучше вооружены, очень хорошо

обучены и превосходили их по численности. И днем в сражении они одержат легкую победу.

Каждый старейшина пошел к своей юрте, собрал небольшой совет, распределил, кто, чем будет заниматься. Женщин, детей и обозы решили оставить здесь, у холма. Воины во главе с Расилом поскакали в ночной тишине в сторону противника.

Луна зашла за тучи, погода резко испортилась, подул резкий ветер, с неба стали падать капли дождя. Разразилась сильнейшая гроза, подобную которой никто не помнил. В это время Расил заметил юрты стойбища захватчиков. Кочевники ворвались в стойбище, перебив часовых, стали убивать всех, кто, застигнутый врасплох, пытался выскочить из юрт. Многие прыгивали с лошадей и врывались в юрты. Только неожиданность нападения и небывалая гроза позволили одержать победу над многократно превосходящим противником. Между юрт текли кровавые потоки.

Гроза к утру стихла, небо постепенно прояснилось. Страшное зрелище предстало перед глазами Расила. Все воины с головы до ног были в засохшей крови, везде валялись трупы, между юрт было кровавое месиво, где невозможно было что-то разобрать.

К этому времени подъехали остальные сородичи, которые оставались у холма. Они стали добивать пленных, собирать трофеи. Воины свалили в огромную кучу оружие противника. Расил отдал приказ своему другу детства Дауту захватить огромные стада и взять их под охрану.

В это время к месту сражения подошел небольшой отряд, который охранял захваченные территории и сразу же

вступил в бой. Несмотря на небольшую численность, кочевникам с огромными потерями удалось одержать победу. Все валялись с ног от усталости, многие засыпали на ходу, прислонившись спиной к юрте, или спали сидя. Спать сидя многие были приучены с детства, потому что ночь в степи особенно опасна, и часто подростки, которые пасли скот, к утру засыпали, не слезая с лошади. Почти все старейшины рода погибли в бою, и Расил отдал приказ о подготовке мест для захоронения на возвышенностях по берегам рек Мусагатка, Кумак, Орь. Сородичи разделились на группы и отправились готовить места захоронения. Три луны длилось прощание с теми, кто вернул родовые земли. В знак их заслуг перед родом были воздвигнуты огромные курганы, которым предстояло стоять тысячелетия.

Лето заканчивалось. Огромные стаи кузнечиков взлетали из-под ног, с треском падая в траву. Расил пошел на то место, где он любил сидеть в одиночестве и размышлять о произошедших событиях. В памяти его всплыл весенний день и красный тюльпан, тянувшийся к солнцу, зеленая ящерица, сидевшая на камне. Даут однажды рассказал Расилу, что когда сородичи начали искать Расила, то они наткнулись на помятую траву и раздавленный копытом красный тюльпан. Расил пытался отыскать то место, где цвели цветы. Но вокруг были видны только высокие стебли растений.

Все это время за каждым его движением следила Асият. Ночью ей было видение: волк напал на стадо и огромной пастью рвал лошадей на части. Неожиданно появилась фигура, похожая на Расила. Волк разорвал его и исчез. Асият проснулась. Ей было ясно, что покровитель рода дал знак,

что надо убить Расила. Ход ее мыслей подтверждали рассказы пастухов, что огромные стаи волков нападали на табуны рода. С каждой ночью нападений становилось все больше.

Весь день Асият ходила по пятам за Расилом. И вот наступил удобный момент. Асият, словно дикая кошка, выскочила из зарослей чилиги и, что есть силы, ударила Расила ножом в спину. Расил упал на бок, приподнял голову и увидел Асият. Она выдернула нож и сказала: «Ты не должен жить, ты уже давно потерял жизнь вместе с отрезанными волосами». Она повернулась и пошла в сторону холма. Расил окинул мутнеющим взором ближайшие холмы, и взгляд его остановился на засохшем стебельке тюльпана. Капли крови, падая на стебелек, медленно окрашивали его в ярко-красный цвет, как будто вновь возвращалась весна. Но время нельзя повернуть вспять, судьба каждого определена. Начало и конец лета и целая жизнь...

Все уместилось в короткий промежуток времени, вытеснив из памяти людей, события тысячелетней давности. Только каждую весну тысячи красных тюльпанов протягивают свои лепестки к солнцу. Да и их с каждым годом становится все меньше. Возможно, что и они скоро совсем исчезнут. Останутся лишь немые свидетели - небольшие возвышенности на вершинах холмов, сооруженные нашими предками...

Стелы ариев

Велики степные просторы. Куда ни кинь взглядом, до самого горизонта перед глазами путника открывается степное великолепие. Горьковатый запах полыни, белые волны ковыля, взлетающие из-под ног стрепеты, парящие высоко в небе коршуны, сидящие возле своих нор сурки, гордо шагающие на высоких ногах журавли-красавки, убегающие вдаль табунки дроф, пасущиеся сайгаки, извилистые русла речушек, блюдца степных озер да невысокие холмы дополняют степной пейзаж. Степь всегда привлекала людей. Тысячи лет людской поток двигался по степным просторам, сметал на своем пути народы, менял культуру проживавших здесь людей. И только редкие свидетели великолепия и могущества былых цивилизаций сохранились до наших дней.

Стелы ариев, органично сливающиеся с окружающим ландшафтом, стоят со времен расцвета цивилизации ариев, которые владели огромной территорией степных пространств. Мимо одиноко стоящих каменных стел проносятся автомобили, обдавая их гарью и пылью, и сидящие в них даже не задумываются, что тысячи лет тому назад населявшие эти места с почтением относились к этим каменным изваяниям.

Апаз и Вагап скакали на полудиких низкорослых лошадях вдоль русла степной речушки, высматривая добычу. Сильная жара утомила всадников, и они, остановив лошадей, спрыгнули на землю напиться воды из родника, размять ноги. Прильнув к роднику, они утолили жажду водой, от которой заломило зубы. Взяв лук, они направились к сурчиным норам, чтобы добыть хотя бы одного зверька.

Сурки, увидев приближающихся охотников, пискнув, исчезли в своих глубоких норах. Апаз, сделав несколько неудачных выстрелов, решил взобраться на вершину холма и осмотреть окружающую местность. С вершины он увидел каменные черные стелы, стоящие у подножья холма. Апаз вспомнил, как его отец рассказывал, что на берегу степной речушки, вблизи высокого холма расположено священное место ариев, где они ежегодно собираются со всех заселенных земель на поклонение великому богу огня АГНИ. И что, будучи еще молодым, ему однажды удалось, спрятавшись между камней погребального кургана, наблюдать, как жители страны протогородов совершали обряд.

Солнце находилось в это время прямо над головой. Арии встали вокруг двух каменных стел. В центр круга вошли жрецы в белых одеждах с золотыми дисками на груди и поднятыми вверх руками. Круг разомкнулся, в него въехали на золотых колесницах, запряженных белыми лошадьми, всадники, одетые в одежды, украшенные золотом. Жрецы резко опустили руки вниз, и колесницы устремились одна за другой по кругу, внутри которого находились стелы. Движения колесниц были настолько быстрыми, что вскоре

они слились в одно целое – пульсирующий золотой шар, напоминающий солнце. Арии упали на колени, закрыв лицо руками, настолько были яркими блики отраженных от золотых пластин на колесницах и одеждах возничих солнечных лучей. Одна из колесниц на повороте ударилась о другую, пытавшуюся обогнать ее, возничие вылетели на землю, двое были сразу раздавлены копытами коней, двое остались живы.

Жрецы, стоявшие в круге, подняли руки вверх. Люди впали в транс. Они медленно покачивались из стороны в сторону, напоминая движение степного ковыля во время дуновения ветра. Люди издавали звук «ау», который объединял их в священном транс и уносил их души к покровителю всех ариев – богу огня АГНИ.

Жрец сделал взмах руками, и колесницы остановились. В центре круга появились две группы жрецов, одетых в белые одежды. Они быстро подошли к четырем лошадям от столкнувшихся колесниц. Бронзовыми ножами перерезали им горло и, набрав в два бронзовых сосуда крови, направились одновременно к стелам: одна группа подошла к самой высокой стеле, вторая – к более низкой. Жрецы сначала опустились на колени, по команде главного жреца резко встали и вылили кровь на стелы. Арии, окружавшие стелы, замерли в оцепенении...

А в это время в центр круга на равном расстоянии от стел жрецы принесли березовые стволы и сложили их для костра. Сюда принесли и двух погибших возничих, положив их поверх стволов.

Главный жрец подошел к одному из уцелевших возничих, взял его за руку и подвел к высокой стеле, резко

ударил обратной стороной лезвия ножа по шее, тот упал на колени. Вынув из чехла меч, жрец молниеносным движением отрубил голову, и фонтан крови хлынул к подножию стелы. Арии плашмя упали на землю. Главный жрец подошел к другому оставшемуся в живых возничему, но тот не мог сам передвигаться. Двое жрецов подняли его на руки и понесли ко второй стеле. Там был совершен обряд подобный первому.

Через некоторое время тела принесенных в жертву возничих были положены на дрова, приготовленные для костра. Жрец что-то крикнул, и арии поднялись с земли. Костер вспыхнул ярким пламенем, языки которого с каждым мгновением поднимались все выше и выше. Наступил самый решающий момент в ритуале: в центр вывели четырех молодых девушек и живыми бросили в костер. Огонь вспыхнул с новой силой, и тогда старший жрец сам шагнул в костер. Пламя костра моментально его поглотило...

Жрецы вывели в центр круга одного из жрецов, тем самым посвящая его в главного жреца. Он дотронулся до священного костра, переняв дар огня и право проводить ритуалы до следующего дня бога огня АГНИ.

Все арии направились к высокой стеле. Они поливали ее молоком, жиром, складывали у основания наконечники, посуду, еду, а затем шли к низкой стеле. При этом каждый прикладывал большой палец сначала к стеле, потом к центру лба.

Когда арии уже завершали проведение ритуала, неожиданно в центре между стелами появился всадник на взмыленном коне. Не успел он спрыгнуть с лошади, как

среди ясного неба сверкнула молния и ударила во всадника. Раздался гром, набежали тучи, хлынул дождь.

Перепуганный отец Апаза со всех ног бросился бежать с вершины холма вниз. Он не помнил, как очутился внизу, его голову омывали холодные струи родника. С тех пор он всегда сторонился долины ариев, боясь гнева бога огня АГНИ.

Апаз и Вагап были сильные молодые люди. Они только недавно были в поселении ариев Аландске, где обменяли лошадей на оружие из бронзы, гончарные изделия, украшения. Заодно они внимательно осмотрели само поселение с целью возможного нападения вместе с сородичами. Апаз осенью собирался взять в жены красавицу Эрту, но для этого необходимы были дорогие подарки. Их можно было достать при нападении на поселение ариев. Беспечные Апаз и Вагап решили спуститься с вершины холма и поближе рассмотреть две каменные стелы. Сбежав вниз, они подошли к большой черной стеле, напоминавшей яйцо птицы. Уверенные в своей безнаказанности, они потрогали шероховатый камень руками, от которого исходил приятный холодок.

Апаз неожиданно предложил Вагапу поупражняться в стрельбе из лука по стеле, тот согласился. Они отошли подальше от стелы. Вагап поднял лук, долго целился и плавно отпустил тетиву. Стрела пролетела мимо. Настала очередь Апаза. Апаз прицелился, что есть силы натянул тетиву и выстрелил. Но и его стрела, как ни странно, пролетела, не задев священную стелу. Разозлившийся Вагап подбежал к каменной стеле, выхватил бронзовый меч и, размахнувшись, ударил. В это время сверкнула молния, и

Вагап с перекошенным ртом упал возле стелы. Гром оглушил Апаза, и только проливной холодный дождь привел его в чувство. Он бросился бежать, не разбирая дороги.

Вечером Ораз, не дождавшись сына, решил организовать его поиски. Утром он узнал, что пропал и Вагап. Соплеменники отправились по следам юношей. Они нашли Вагапа возле священной черной стелы. И здесь Ораз рассказал всем соплеменникам об обряде, который совершали арии и невольным свидетелем которого он оказался.

С тех пор все народы, проживающие в этих местах, обращались за помощью к этим магическим стелам, совершали ритуалы поклонения, и ни у кого за тысячи лет не возникло желание осквернить священные стелы.

А поиски Апаза оказались безрезультатными. Возможно, он утонул в степной речушке, может, на него напали степные хищники. Но с тех пор его никто не видел...

След бронзового зеркала

Расивы степные просторы. Они завораживают душу каждого человека, родившегося здесь. Это особое очарование красок, резко меняющихся в течение года: чистый воздух, еле видимая линия горизонта, сказочные восходы и закаты солнца, молнии, озаряющие небеса, необыкновенно яркие цвета радуги и ветра, проносящиеся летом над зарослями ивы, ковыля, камыша, зимой снежные бураны, когда не видно ни зги. Степь всегда притягивала людей и животных: одни жили оседло, другие появлялись на какой-то период времени, чтобы вывести потомство и покинуть ее просторы. В течение миллионов лет происходили глобальные изменения на просторах, где сейчас перед нашим взором раскинулись поля, заливные луга, извилистые русла рек, холмы. С древних времен до сегодняшних дней произошедшие изменения описаны и многим из нас знакомы: кости мамонтов, шерстистых носорогов, пещерных медведей, саблезубых тигров, огромных быков, бродивших по полям несколько тысяч лет назад можно увидеть в краеведческих музеях. Но эти изменения происходят постоянно: исчезают бесследно животные, птицы и растения великой степи.

В двадцать первом веке редко кому удавалось увидеть дрофу, сайгака, стрепета. Украшением степных равнин в XVII веке была дикая лошадь тарпан. Табуны этих

животных, прекрасно приспособившихся к жизни на открытых пространствах, являлись ее символом. Своим существованием они способствовали повышению плодородия почв и сохранению многих видов степных растений, в том числе и всем нам знакомых тюльпанов.

.....

Косяк тарпанов расположился на заливном лугу. Размахивая хвостами, кобылы сгоняли со спин одолевавших их оводов и с хрустом поедали сочную траву. Жеребята, издавая пронзительное ржание, скакали по разнотравью. Только жеребцы паслись на возвышенностях, часто поднимая голову, и, широко раздувая ноздри, втягивали терпкий воздух, напоенный запахами цветов и растений. Приближался полдень. Жара усиливалась, и тарпаны перемещались к воде. Некоторые стояли под плакучими ивами, другие жадно пили чистую речную воду. Лето было периодом покоя. Хищники нападали редко, корма было достаточно, родники, мелкие степные речушки, озера, старицы позволяли утолить жажду, не перемещаясь на большие расстояния. Травы уродились в этом году на славу, несмотря на суровую зиму и глубокие снега, падеж был небольшим, погибли наиболее слабые, это происходило каждый год.

Жеребец Корсак, возглавлявший косяк, хорошо знал окружающую местность и во все времена года находил места для пропитания. Косяк постоянно мигрировал по степным просторам. Зимой с увеличением снежного покрова в долинах тарпаны поднимались на возвышенности, где ветра сдували снег. Иногда

приходилось разбивать ледяную корку, чтобы добраться до сухих стеблей растений.

Корсаку шел седьмой год, он еще был в расцвете сил. Потомство было крепким, и косяк с каждым годом увеличивался. Его потомки, жеребята Рыжий и Белолобый, весело скакали на лугу. Возможно, со временем один из них вместо него будет водить косяк по тем же тропам. К Корсаку приближалась молодая кобылка, она скакала по лугу и, поднявшись на холм, столкнулась с жеребцом. Раздалось угрожающее ржание и она, резко повернув, поскакала к реке.

Рядом на возвышенности паслось стадо сайгаков. Опустив головы, они поедали под корень стебли растений. Иногда, испугавшись выскочившего из норки сурка, один из сайгаков высоко свечкой подпрыгивал вверх, остальные животные приходили в движение, и весь табун, поднимая тучу пыли, несся по кругу.

В зарослях высокой травы паслись пугливые косули. Ломая кустарник, прошествовала огромная лосиха с двумя лосятами. Корсак насторожился. Вдалеке появилось облачко пыли, которое стремительно приближалось, увеличиваясь в размерах. Можно было хорошо увидеть бегущих к воде куланов, которые, как и сайгаки, появлялись в этих местах только летом, а зимой откочевывали в более теплые края.

Вечером с речки потянуло прохладой. Тарпаны переместились на середину луга и с жадностью стали есть сочную траву. На небе зажглись первые звезды. Ночь окутала невидимым покрывалом реку, прибрежные заросли и луг.

В это время в племени, разбившем стойбище на берегу реки, в семье Нургазы родился мальчик. Молодые родители были рады первенцу. Особенно был рад отец: родился наследник, продолжатель рода знаменитого племени кочевников, пришедших из дальних холодных мест и после длительной вражды породнившихся с местными племенами. Новорожденного назвали Абу в память о великом предке, почитаемом в течение уже многих столетий.

Абу, как и все дети, рос благодаря постоянной заботе родителей. Дожив до пятилетнего возраста, окреп, превратился в смышленного мальчика, который активно исследовал окружающий мир. За день пробовал поймать шустрых сусликов, но они всегда успевали юркнуть в свои норы, расположенные в зарослях ковыля, схватить за хвост юркую ящерицу и с восторгом рассматривать в руке хвост, залезть руками в муравейник и с воплями бежать жаловаться матери на злобных муравьев, вцепившихся своими челюстями в кожу. Каждый день был для него уроком жизни, который преподавала природа, родители, а иногда и соплеменники, которые словами или затрещиной передавали свой жизненный опыт. Все шло на пользу. Абу научился лихо скакать на молодой кобылке, при этом часто слетал кубарем с ее спины. Немного поревев и получив очередную ссадину или ушиб, он настырно продолжал изучать все то, что его окружает.

Однажды он попытался добраться до вороньего гнезда, свитого на иве, но, сорвавшись, упал. Сильная боль в ноге не позволяла встать. Преодолевая острую боль, он ползком добрался до юрты. Навстречу ему бросился пес по

кликке Ай и начал облизывать лицо. Пес всегда был рад Абу, с ним они носились наперегонки, играли в догонялки и испытывали друг к другу теплые чувства. Один без другого не мог долго обходиться, даже порой, набегавшись, спали на кошме вместе. Но в данный момент обессиленный Абу пробовал отогнать от себя ласкающего Ая. Услышав взвизгивания пса, мать выглянула из юрты и увидела лежащего ничком сына. Оттолкнув ногой собаку, мать запричитала над лежащим сыном, взяла его на руки и внесла в юрту, положив на войлок. У мальчика начался жар, он бредил, стонал, сбрасывал с себя лоскутное одеяло. Перепугавшись, мать не знала, что и делать. Подбросив дрова в огонь, она стала призывать высшие силы спасти ее сына.

Наступило утро. На востоке вошло красно-багровое солнце, предвещавшее жаркий день, а пока стояла ночная прохлада. Женщины стойбища занимались своими делами по хозяйству. Абу, намучившись за ночь, уснул, и мать пошла к шаманке Азе попросить ее вылечить сына. Прихватив с собой кусок сушеного мяса, она направилась к юрте, стоявшей в стороне от всех остальных. Откинув полог, она вошла в юрту.

В юрте был полумрак. Свет наступающего дня попадал через отверстия для выхода дыма. Немного постояв и осмотревшись, женщина увидела Азу, которая крепко спала на войлоке, укрывшись лисьими шкурами. Опустившись на колени, она подползла к жрице, та неожиданно открыла глаза и стала рассматривать ее. Емис, как будто, провалилась в какую-то бездну. Очнувшись, она увидела сидящую на войлоке Азу. Емис рассказала, что

произошло с ее сыном, и попросила пойти вместе с ней. Аза стала собирать магические предметы в кожаный мешочек: гальки, ракушки, пучки сушеных трав, взяла в руки жертвенник, сделанный в форме головы медведя с плоской площадкой наверху и, махнув рукой в сторону выхода из юрты, сказала Емис: «Иди». Емис быстро выползла из юрты.

Солнце уже осветило всю местность. Согретые теплыми лучами, между юрт бегали дети, женщины варили в медных котлах мясо. Емис повела шаманку в свою юрту. Войдя в жилище, Аза подошла к тлеющим углям в центре и бросила на них сухие травы. Произнеся заклинания, она стала готовиться к проведению обряда. Сухие травы вспыхнули ярким пламенем и осветили все пространство внутри юрты. Жрица увидела спящего мальчика, подошла к нему, сняла с него одеяло. Она увидела худенькое тельце Абу, его большие испуганные глаза, полные слез, и стала ощупывать его тело с головы до ног. Абу вскрикнул, когда она дотронулась до ноги: сильная боль пронзила его. Аза положила свои горячие руки на ногу Абу. Он успокоился и через некоторое время уснул. Аза выбрала из кучи хвороста, лежащего у очага, две ровные палки и, приложив их к ноге с обеих сторон, крепко стянула сыромятной кожей. Повернувшись к Емис, сказала, что до полнолуния на больную ногу Абу не должен наступать. Как только утихнет боль, пусть прыгает на одной ноге, а когда наступит полнолуние, она придет и разрежет кожи и уберет палки, совершит обряд благодарности духам предков, и через некоторое время Абу забудет о своей болезни навсегда. Аза

поставила жертвенник, бросила на него гальки и ракушки, провела обряд и вышла из юрты.

Через несколько дней Абу стал довольно быстро прыгать на одной ноге, опираясь на березовую палку, которую он нашел рядом с юртой. В полнолуние пришла Аза и освободила ногу от сыромятных ремней, стягивающих палки и ногу. Абу стал бегать так же, как и его сверстники.

Время бежало незаметно. Абу вырос, стал красивым и сильным юношей, хорошо владеющим акинаком и метко стреляющим из лука. Став взрослым, он, как и все мужчины племени Оленя, принимал активное участие в нападениях на другие племена, загонной охоте на стада степных животных.

Настало время, когда юноши стали выбирать себе девушек в жены. Абу давно засматривался на кареглазую, стройную, как ветка ивы, с длинными косами Айже. Абу долго думал о предстоящей жизни. Сложна жизнь кочевника: всегда надо быть готовым ко всему.

Однажды, сидя на берегу реки, он смотрел на желтый осиновый лист, плывший по воде. Сначала он плыл медленно недалеко от берега, но подводное течение подхватило его, и он устремился к бурному перекату, где он, то исчезал в пенистом водовороте, то появлялся снова, пока совсем не исчез за поворотом. Абу подумал: так и человек – сначала рождается и, пока не станет взрослым, плывет подобно тому желтому листу, исчезнувшему из виду, а когда станет взрослым, тут и начинается его борьба с окружающей стихией. Только листок просто плывет по течению, а человек сам пытается определить свою судьбу.

Абу вспомнил Айже, сердце его забилось учащенно, ладони стали влажными, и он опустил руки в речную воду. Теплая вода омыла руки Абу, а мальки, снующие в воде, пытались ущипнуть за пальцы. Юноша подумал, что он выберет Айже в жены, победив на осенних скачках, которые проводятся ежегодно на поле возле могил предков, находящихся на вершине холма.

Айже в это время сидела в юрте и украшала головной убор перьями, которые ей подарил сын вождя племени Аасат. Он был сильный, часто обижал слабых, но внимание к нему молодых девушек определялось большим количеством лошадей, которые были у его отца, а он был единственным наследником. Ездил он всегда на черном жеребце, на скачках его никто не мог обогнать. Прикрепляя перья, Айже весело напевала про жаворонка, порхающего в безоблачном небе.

Приближался день скачек. Юноши готовились к предстоящим соревнованиям, в которых принимали участие и другие родственные племена. Лето выдалось удачным. Весенний разлив рек затопил все низины, луга, а теплые летние дожди не дали жаркому солнцу выжечь растительность даже на холмах. Скота было много. Кочевники были сыты. Когда не удавалось добыть дичь, они забивали свой скот, но делали это крайне редко. Большие стада перегонялись вдоль русел степных рек, где травы почти скрывали всадников от посторонних взглядов. Только с вершины холмов можно было увидеть огромные косяки лошадей, отары баранов, жадно поедающих сочную растительность.

День скачек старейшины племени назначили в полнолуние. Огромная круглая луна появилась на горизонте, освещая окрестности, и сотни кочевников упали на колени, опустив голову к земле в знак благодарности небесному божеству, щедро их одарившему. Утром куда ни глянь, возле берега степной речки Курайлы располагались юрты племен, приехавших принять участие в соревнованиях. Курайла, пересыхая в засушливые годы, сейчас была полноводной. Воды было всем достаточно: и людям, и животным.

Абу, тренируя своего коня, охотился на сайгаков, косуль, диких лошадей, волков, корсаков, а осенью и на дроф, когда они сбивались в большие стаи. А сейчас он вместе с другими всадниками находился возле веревки, сделанной из шерсти баранов. Никто не смел вплотную, приближаться к ней. Если лошадь перешагнет через веревку, всадник должен будет отдать своего коня и больше никогда не сможет принять участие в скачках. Лежащая веревка была привязана к седлу всадника, который находился за ближайшим холмом. Как только солнечный диск появится над холмом предков, он поскачет по пути, указанному лучами солнца, а всадники помчатся вокруг холма предков, на котором будут сидеть соплеменники и старейшины, которые определяют победителя скачек. Абу, как и все наездники, сильно волновался. Он знал, что по традиции победитель скачек имеет право выбрать в жены любую девушку, а та не имеет права отказаться стать женой победителя.

Абу еле удерживал своего коня, который перебирал ногами и готов был в любую минуту сорваться с места. И

тут Абу увидел Айже. Она сидела с девушками из других племен у подножия холма и рассматривала всадников. В это время веревка, лежащая на земле, стрелой исчезла за холмом, и всадники устремились вперед. Некоторые вылетели из седел, часть сгрудилась в середине поля, а те, что находились по краям, вырвались вперед. Земля гудела от ударов тысяч копыт, пыль поднималась столбом, заслоняя солнечный свет. Вот уже часть всадников достигла брода через речку Курайлу и, поднимая изумрудные брызги копытами коней, преодолевала водное препятствие. Некоторые всадники, проехав брод, уже скакали по ковыльной степи. Словно черные стрелы, они прорезали ковыльное поле. Семена ковыля, оторванные от цветущих верхушек, потоками воздуха поднимались вверх и, гонимые ветром, переносились на большие расстояния, а некоторые втыкались в гривы и хвосты лошадей. Всадники любым способом хотели победить и для этого использовали всевозможные методы устрашения соперников. Одни бросали скачущим впереди всадникам в спину отравленные дротики, другие - каменные шары, а некоторые ухитрялись специально заточенными стременами, приблизившись вплотную, нанести выступающим острием удар в бок лошади. С холма было видно, как то один, то другой всадник падал со всего маха на землю, а иногда и вместе с лошадью.

Вперед вырвались Аасат и Абу. Их кони скакали, широко раздувая ноздри, почти не касаясь земли, как стрелы, пущенные из лука. Но вот конь Аасата попал копытом в сурчиную нору, и наездник на полном скаку вылетел из седла, ударился головой о землю и затих навсегда. Абу

вырвался вперед и не заметил, как погиб Аасат. Степь наполнилась солнечным светом, и пение жаворонков буквально вырвало его из реального мира. Удар шара в голову вышиб его из седла.

Абу очнулся, когда на небе зажглись первые звезды. Лисий малахай с вшитой пластиной из кости спас ему жизнь. При падении ему повезло - он упал в небольшую канаву, промытую весенним ручьем, а иначе всадники, скакавшие за ним, копытами своих лошадей могли его растоптать. Когда Абу очнулся, в голове его все вращалось, потом наступила полная темнота.

Только утром сознание вернулось, сильно болела голова. Абу попытался подняться, но его сильно замутило, и он затих, думая, как же добраться до своей юрты.

Нургазы всю ночь искал своего сына. Он уже второй раз ехал по следам, оставленным участниками скачек, но все было бесполезно.

Конь Абу, потеряв всадника, проскакал еще какое-то расстояние, остановился и стал пастись. Утром, насытившись, конь начал шумно втягивать воздух, широко раздувая ноздри, поворачивая голову в разные стороны, но знакомого с самого рождения запаха хозяина не учуял. Заржав, он направился к Курайле. Пройдя некоторое расстояние, он вдруг учуял знакомый запах Абу, громко заржал, но знакомого свиста, которым звал его хозяин, он так и не услышал. Подняв голову, он двигался, откуда исходил запах Абу.

Конь нашел своего хозяина в небольшой ложбине, ткнулся губами ему в щеку. Абу застонал и открыл глаза. Он с трудом понял, что это конь нашел его. Уздечка свисала

с лошадиной головы и почти касалась земли возле рук. Абу издал губами свистящий звук и конь, подогнув ноги, опустился на землю. Теперь надо было только взобраться в седло. Перевернувшись на бок, Абу долго лежал, пока головокружение не прекратилось, и он снова стал пробовать поднять ногу и перекинуть ее через седло. Это ему удалось. Ухватившись обеими руками за переднюю часть седла, он сумел поднять свое тело и сесть в седло. Слегка дернув поводья, Абу заставил коня встать на ноги. Вставив ноги в стремяна, Абу с трудом держался в седле. Все плыло перед глазами. Какое-то время Абу стремился прийти в себя, но силы покидали его. Наклонившись вперед, он обхватил руками шею животного и потерял сознание.

Конь нашел юрту Нургазы и остановился у входа. К нему с радостным лаем бросился Ай. В юрте услышали громкий лай собаки. Нургазы поспешил к выходу. Выйдя из юрты, он увидел Абу в седле на его любимом коне. Тело Абу сползло со спины коня прямо в руки Нургазы. Отец занес сына в юрту и уложил на войлок. Емис позвала жрицу, которая всю ночь вместе с духами боролась за жизнь Абу. Утром в изнеможении жрица упала возле тлеющих углей очага.

Прошло несколько дней. Абу выздоровел. Однажды, выйдя вечером из юрты на берег реки, Абу хотел посмотреть на замерзающее русло Курайлы, увидел первые крупные снежинки, падающие с неба, и подставил свои ладони. Вдруг он услышал чьи-то шаги и увидел Айже, идущую за водой. Айже совсем не ожидала увидеть его. Она растерялась, остановилась и не могла решиться: пройти мимо него или вернуться назад, в юрту. Абу подошел к ней.

Он знал, что на днях она покинет стойбище и станет женой победителя скачек Бегали.

Огромная луна медленно поднималась из-за холма и освещала всю местность своим светом. Все вокруг становилось нереальным, призрачным. Абу не смог сдержать чувств и протянул Айже свою руку ладонью вверх. Снежинки стали падать на его ладонь. Абу смотрел на тающие снежинки и понимал, что они уже никогда не смогут стать, какими были – белыми, пушистыми, падающими с бесконечного неба. Так и они с Айже не смогут никогда встретиться на этом берегу во время первого снегопада. Посмотрев Айже в глаза, он произнес: «Айже, у меня нет табунов, лошадей и баранов, я не смог победить на скачках, но я дарю тебе степное богатство – эти снежинки, падающие на землю нашего племени, дающие силы травам, которые питают все живое. Снежинки каждый год будут появляться в твоей жизни, кружиться и падать на черную землю, укрывая ее белым войлоком, кружиться в хороводе от порывов ветра и напоминать тебе обо мне. Они всегда смогут помочь тебе в трудную минуту, надо будет только подставить ладонь». Абу опустил руку, и капельки воды упали на землю, словно слезы о несостоявшейся мечте. Абу пошел к юрте своих родителей, а Айже - к замерзающей реке.

Абу стал смелым воином. В одном из сражений он добыл трофей – бронзовое зеркало с изображением оленя на тыльной стороне. Он решил подарить зеркало Айже, если когда-нибудь встретит ее.

Шли годы. Абу постарел, стал вождем племени. Он жил один. Годы давали о себе знать. Все чаще можно было застать Абу одиноко сидящим на берегу и смотрящим на

водную гладь. Степь с годами становилась дороже и роднее его сердцу. Она стала источником его жизненных сил.

Однажды он решил проехать на своем скакуне вдоль русла реки Курайлы, где прошла его юность, подняться на холм предков. Первый легкий морозец обжигал щеки. Кое-где вдоль берегов были видны скованные тонким ледком заросли камыша. Абу наслаждался морозным воздухом, степным безмолвием, галопом своего скакуна, мысленно возвращаясь в свое прошлое. Солнце опустилось за ближайший холм. На небе появилась луна. Ее огромный багровый диск казался совсем рядом, на нем были видны неясные очертания, напоминающее лицо человека.

Остановившись, он слез на землю, опустился на колени и совершил обряд поклонения великому светилу. Когда он убрал руки от лица, то неожиданно почувствовал тающие снежинки на ладонях. Как будто чьи-то слезы падали с неба. Абу пристально посмотрел в черное небо. Подул северный ветер. Началась степная буря. Все кругом покрылось белой пеленой. Порыв ветра распахнул полы халата. Абу резким движением запахнул халат и задел рукой за перетершийся кожаный ремешок, который удерживал на груди возле сердца бронзовое зеркало с изображением оленя. Ремешок лопнул, зеркало упало на землю. Абу этого не заметил. Повернувшись спиной к ветру, он вскочил на своего скакуна и поскакал в стойбище. Добравшись до юрты, скинув халат, подшитый волчьим мехом, он обнаружил пропажу зеркала. Абу вышел из юрты и увидел белые сугробы, покрывающие все вокруг.

Прошла зима, наступила весна, с холмов побежали ручьи, наполняя степные реки. Начался ледоход. Талые

воды затопили низины. Абу несколько раз выезжал искать зеркало, но так его и не нашел. Прошло лето.

Наступило время зимней охоты на тарпанов, тебеневавших возле холма предков. Разрывая копытами снег, они поедали сухую растительность, передвигаясь в сторону реки Кумак. Абу собрал на стойбище вождей родов, где было принято решение гнать тарпанов к обрыву на берегу реки Кумак. Утром начали преследование. Снег был неглубоким, и огромный косяк тарпанов, поднимая снежное облако, быстро удалялся от преследователей. Серая масса тарпанов виднелась далеко на линии горизонта. Казалось, погоня будет продолжаться бесконечно. Тарпаны то появлялись, то стремительно исчезали за горизонтом, и только следы от тысяч копыт указывали верное направление. Кочевники меняли лошадей и неумолимо приближались к теряющим силы тарпанам. Впереди уже были видны животные, замедлявшие ход, но продолжавшие двигаться к реке. Вечером тарпаны приблизились к обрыву реки. Преследователи достали и зажгли факелы. Напуганные огнем, криками охотников, дикие лошади прыгали с обрыва, разбивались о камни или замерзший лед реки. Вместе с другими тарпанами разбились Рыжий и Белолобый. Только небольшой части тарпанов удалось уйти от погони по краю обрыва через заросли талов. Охотники спустились с обрыва и всю ночь добивали покалеченных животных. Утром мороз усилился. Охотники, отогнав собравшихся на пиршество волков, вместе с прибывшими сородичами занялись разделкой туш диких лошадей. Охота была на редкость удачной. Она привлекла большое количество хищников: в небе парили беркуты, в зарослях

кустарников рыскали стаи голодных волков. Каждый хотел урвать свою часть добычи, чтобы выжить.

Уставший после охоты Абу решил утром совершить обряд поклонения духам предков. Поднявшись на вершину холма, он достал бронзовый нож, опустился на колени и наклонил к земле голову в малахае, обшитом мехом огненной лисицы, как вдруг был сбит ударом когтей беркута, которые перебили сосуды на шее и прекратили его земной путь. Абу лежал, уткнувшись лицом в подножие кургана великого предка. На его окоченевшем, на морозе теле величественно сидел беркут. Звезда Абу погасла. Его нашли соплеменники и похоронили на вершине холма возле реки Курайлы...

Холм силы

Половодье... Ежегодное обновление реки Кумак происходит в апреле. Река выходит из своих берегов и затапливает полностью местность, по которой в течение тысячелетий несет свои воды, меняет свое русло, оставляет после ухода вешних вод старицы: Урлапка, Белый камень, Красный Яр и множество других небольших, но глубоких озер с извилистыми берегами и чистой водой, заросших лилиями, кувшинками, камышом и тростником. В старицах водятся в изобилии лещи, щуки, язи, лини, золотистые караси, полосатые юркие окуни и водоплавающие птицы – кряквы, чирки, лысухи. На мелководье встречаются цапли, чибисы, кулики. В крутых берегах живут стрижи и необыкновенно красивые золотистые щуры. Берега во многих местах заросли красноталом, плакучими ивами, серебристым тополем, осиной. После того как река входит в свои берега, степь выгорает, а заливные луга богатые разнотравьем окутывает аромат цветущих трав и кустарников. Река со своими старицами становится местом, где кипит жизнь – порхают разноцветные бабочки и стрекозы, взлетает с треском саранча с красными и синими крыльями, басовито гудят шмели, нещадно жалят слепни и кусают комары. В земле нарыто множество нор кротами, землеройками, полевками, сусликами. Водятся здесь лисы, зайцы, ласки, барсуки,

хорьки, косули, а осенью можно встретить лосей и кабанов. В наше время остались жалкие остатки бывшего богатства флоры и фауны. Всего несколько тысячелетий тому назад все было по-другому. Река протекала по руслу, где сейчас находится старица Урлапка – небольшое озерцо. А степные просторы были местом обитания племен сарматов, кочевавших возле многочисленных степных рек и разбивавших свои стойбища на заливных лугах.

Жаркое июльское солнце стояло в зените. Высоко в голубом небе, распластав огромные крылья, парил орел, высматривая на земле добычу. Племя сарматов во главе с вождем Ярысом медленно продвигалось к летнему стойбищу на реке Кумак вдоль русла реки Мусогатки. Впереди пастухи гнали лошадей, верблюдов, быков, овец, которые поедали сочные растения, а за ними двигались вооруженные всадники, внимательно осматривая степные просторы. Их главной задачей было защитить деревянные повозки, в которых ехали женщины, дети и старики.

Вождь племени Ярыс, сидя на своем жеребце, дремал. У него в голове появлялись видения прошедшей молодости. Он видел себя коренастым, сильным, ловким и рассудительным, готовым вступить в борьбу за выживание в этом жестоком мире. Жизнь – это постоянное обучение на примере поведения соплеменников, во время кочевок, сражений, проведения ритуалов. Ярыс не только повторял действия соплеменников, перенимая их опыт, но и еще обладал даром, которого не было у других. Пока Ярыс дремал в седле, путь племени преградила полноводная река Кумак. Он окинул взглядом знакомые места – заливные луга с богатым разнотравьем, пологий берег реки удобный

для водопоя, ровную площадку и приказал разбивать здесь стойбище. Тут будет достаточно места для пастьбы животных всех родов племени.

Ярыс соскочил с коня, опустился на приготовленную кошму, выпил теплое кислое молоко, откинулся на спину и, глядя в голубое бездонное небо, предался размышлению о судьбе человека. Судьба есть у каждого, она ведет его по жизни и если человек пытается изменить свою судьбу, духи его наказывают. Ярыс даже не думал о том, что станет вождем племени, но все произошло помимо его воли - он только принимал участие. Будучи молодым Ярыс пас косяк лошадей на противоположном берегу реки Кумак, прислушивался к ночным шорохам, смотрел на звездное небо, оно поражало его своими огоньками, которых было много ночью и совсем не было днем. Близилась полночь. Ярыс обратил внимание на красное круглое светило, которое всегда было белым, а сейчас оно почему-то было красным. Это встревожило его. Но вокруг ничего не изменилось, лошади паслись, комары кусались, слышался лай собак со стороны стойбища. Успокоившись, Ярыс решил немного вздремнуть. Остановил лошадь, слез на землю, нарвал травы, положил под голову седло и лег. Дурманящий запах свежей сорванной травы и ночная прохлада сделали свое дело – он моментально заснул. Тело его стало невесомым, рядом с ним парили умершие предки и духи племени. Он чувствовал себя свободно и легко, его тело перемещалось между блестящими огоньками, которые, то приближались, то удалялись. И вдруг он увидел крупного белого жеребца, несущегося ему навстречу. Казалось еще миг и жеребец своими копытами ударит в грудь. Ярыс резко

повернулся на бок и проснулся. Рядом с ним стоял белый конь, отличающийся от местных приземистых лошадей, которые в основном были коричневой масти иногда черные, а еще реже встречались другой масти. Но сам Ярыс и никто из его соплеменников никогда в своей жизни не видел белых лошадей. Он вскочил, протер глаза, конь подошел и ткнулся мягкими губами ему в ладонь, которой Ярыс пытался отстраниться от увиденного. Обычно полудикие лошади косяка были очень пугливы, агрессивны, их трудно было обучить слушаться наездника. Когда объезжали молодых лошадей, то люди часто получали серьезные травмы. Лошади кусали их за колени, вместе с седоками падали на землю и переворачивались на спину, скидывали с себя всадников, резко останавливались на полном скаку, били копытами, иногда вместе с седоком падали с обрыва в реку. При обучении лошадей многие соплеменники становились калеками или погибали. Особенно были опасны жеребцы, они могли напасть на пастуха, если он близко приближался к кобылам.

Ярыс растерялся и не знал, что делать. Он попробовал вскочить на жеребца, только положил руку на холку, как конь лег на землю. Ярыс сел на спину, конь встал и медленно пошел в сторону пасущихся лошадей. Юноша сидел на широкой спине коня и не знал, что дальше делать. Он всю свою жизнь боролся за свое существование: преодолевал сопротивление раненой дичи, кулаками отстаивал свое право на победу в поединках, объезжал полудиких лошадей, всегда был настороже потому, что не знал, что произойдет в следующее мгновение. Это было естественным состоянием всех кочевников. И то, что

произошло, Ярыс не мог понять. Конь передвигался вслед за косяком, который через брод перешел на другой берег реки. Лошади, выйдя из воды, стали поедать траву, медленно перемещаясь в сторону восхода дневного светила, где возле реки находилось стойбище.

Молодой пастух Юнус подъехал к Ярысу и остановился как вкопанный от увиденного. Навстречу ему двигалось что-то необъяснимое. Белый конь и на его спине сидел Ярыс, а за ним красный шар дневного светила окрашивал своими лучами весь луг и ближайшие холмы. Все это вместе с рассветной тишиной настолько напугало Юнуса, что он сполз со спины коня на землю, упал на колени и закрыл лицо ладонями. Ярыс спрыгнул с коня и подошел к нему. Взял его рукой за плечо и сильно надавил. Юнус резко оторвал руки от лица и стал смотреть на Ярыса, стоящего рядом, медленно приходя в себя, и пытаясь понять увиденное. Ярыс сказал: «Скачи быстрее, косяк уже ушел далеко», повернулся и пошел к стойбищу. Проходя мимо юрт, Ярыс с идущим за ним белым конем, вызывал удивленные взгляды. Войдя в юрту отца, он прилег на кошму и уснул.

А в это время вождь племени Калиш вместе с Ашитом и Нукаем выехали на поиски нового места для стойбища. Солнце стояло в зените, и они, решив укрыться от невыносимой жары, направились к реке отдохнуть в тени деревьев и напоить лошадей. Калиш первым подъехал к осинам и был сражен стрелой в грудь. Остальные даже не успели вынуть луки, как были убиты отравленными стрелами.

Вечером в стойбище соплеменники собирались возле бронзовых котлов, в которых варилось мясо. Ярыс вместе с отцом Амитом, матерью Зайрат расположились возле котла с мясом и стали с наслаждением есть крупные сочные куски. Плотнo поев, все удобно устроились возле костра. Амит спросил у Ярыса, как прошла ночь в поле. Ярыс рассказал о случившемся. Его рассказ произвел впечатление. Отец, повидавший много всего за свою жизнь, пристально посмотрел на белого коня, пасущегося недалеко от юрты, встал, подошел к нему. Стал его внимательно рассматривать. Конь поднял голову и, широко раздувая ноздри, стал обнюхивать подошедшего. Амит постоял, покачал головой и, молча, отошел. Он не мог объяснить появление коня и его странное поведение.

В это время к Амиту подошла Юлдыз и сказала, что Калиш, уехал утром и еще не вернулся. Амит повернулся к Ярысу и сказал: «Беги, собирай всех к белой юрте вождя». Все быстро собрались и расселись полукругом возле юрты: в центре старейшины, в стороне жрица племени Еску, а вокруг расположились все соплеменники. Юлдыз рассказала, что знала о дневной поездке вождя племени Калиша с соплеменниками, но где они сейчас она не знает, это был плохой знак. Старейшины долго обсуждали тревожную новость и решили: отряд всадников направить охранять пасущийся косяк лошадей, остальным надеть полное снаряжение, разобрать все юрты, погрузить на телеги, посадить на них женщин, детей и стариков, телеги поставить кругом, в центре зажечь большой костер, а снаружи по всей окружности разместить всадников, готовых к отражению нападения. В степь направить

лазутчиков. Подготовившись к отражению нападения, старейшины вместе со жрицей и небольшим отрядом переправились через брод на противоположный берег реки Кумак, подъехали к холму – покровителю рода «Холму силы». Это место оказывало сильное влияние на людей, животных, окружающую растительность, на все, что находилось поблизости. В центре холма некоторые из соплеменников видели, как появлялся светлый луч, который устремлялся в небо. «Холм силы» вызывал священный трепет. Все, что окружало его, было необыкновенным. Здесь росли сочные травы, водилось множество диких животных, скот племени, пасущейся на этих лугах, не подвергался болезням, зимой не было падежа. Все ритуалы совершались у подножия «Холма силы».

Старейшины подъехали к «Холму силы», спешили, подползли к подножию и расселись полукругом, в центре которого находилась жрица Еску. Она достала из кожаного мешка небольшой отполированный камень, на его поверхность положила цветные гальки, рядом разожгла костер и стала бросать в него сухие пучки трав. Воздух наполнился запахами тимьяна, полыни, мяты, можжевельника. Жрица плеснула какую-то жидкость в огонь. Легкий белый дымок окутал всех присутствующих. Жрица села возле жертвенника и стала раскачиваться из стороны в сторону. Языки пламени освещали ее меняющееся лицо. У нее закатились глаза, на губах выступила пена, неожиданно она поднялась и стала вращаться, размахивая руками. У всех присутствующих помутилось сознание. Они оцепенели, сознание их отключилось. Жрица упала на землю, старейшины стали

постепенно приходить в себя. Через некоторое время Еску с трудом поднялась с земли, взяла в руку горсть галек, стала из них вынимать правой рукой черные гальки и говорить: «Калиш, Ашит, Нукай погибли». В ее руке осталась одна белая галька, подняв ее вверх, она сказала, что это знак духа «Холма силы» означает, вождем племени будет Ярыс. Старейшинам племени надо донести эту весть до всех вождей родов и жрица упала. Старейшины сели на лошадей и поскакали в стойбище, надо было срочно найти погибшего Калиша с соплеменниками, собрать войско племени и вместе с Ярысом, направить его на поиск врага.

На горизонте вставало солнце. Вооруженные всадники гнали к стойбищу косяк лошадей, ночью на них было совершено нападение, часть воинов погибла, оставшимся в живых, удалось отбить косяк от нападавших. В это время старейшины собрались в белой юрте, пригласили Ярыса и объявили ему волю духа «Холма силы» - стать вождем племени. Ярыс занял почетное место в центре юрты, ему вручили каменное навершие в форме головы верблюда на деревянной ручке, которое было символом власти вождя племени. Ярыс сказал Ажимусу – взять отряд всадников и выехать на поиски погибших соплеменников, Байраму - собрать всех воинов племени на холме за стойбищем, а телеги и скот всех родов разместить возле реки. В обед Ажимус с отрядом привез тела погибших. Жрица и старейшины стали готовить место погребения на высоком холме. Вечером собрались все соплеменники. Вожди родов племени с Ярысом собрались в белой юрте обсудить план действий. Они приняли решение: оставить воинов двух родов для охраны всех соплеменников, расположившихся в

долине реки Кумак. Остальные воины после обряда похорон вождя и погибших соплеменников направятся на поиски врага. В это время жрицы родов со старейшинами подготовили все необходимое, чтобы в полдень следующего дня провести прощание с погибшими.

Утром Ярыс, жрицы, старейшины, часть воинов и женщины отправились на высокий холм, с которого до самого горизонта были видны степные просторы. На вершине холма возвышался деревянный сруб, по краям три ямы, в которые и были похоронены покинувшие этот мир Калиш, Ашит, Нукай. Все участники ритуала вернулись в стойбище, где были приготовлены котлы с вареным мясом и кислое молоко, до самого утра, сидящие у костров, рассказывали о жизни и подвигах погибших.

Наступило утро. Войско племени под руководством Ярыса отправилось на поиски убийц вождя и соплеменников, но найти их так и не удалось. С этого времени началось правление Ярыса. Отбиваясь от одних племен и нападая на другие, кочуя по необъятным степным просторам, везде неотступно с Ярысом был белый конь.

Этим летом в очередной раз сарматы разбили стойбище на реке Кумак. Пастух Аслай перегнал косяк лошадей через знакомый брод. Он отогнал коней на дальний луг, чтобы ни одна из лошадей косяка случайно не забрела на «Холм силы». Он знал, что если, такое произойдет, его ждет смерть.

В стойбище Ярыс готовился взять в жены девушку-подростка, привезенную ему родственниками из соседнего сарматского племени. Их юрты стояли на холме и снизу хорошо были видны суетливые движения людей,

готовящихся к предстоящему торжественному ритуалу, который объединит как молодых людей, так и два племени, насчитывающих тысячи воинов. И тогда они смогут контролировать бескрайние просторы степи. Об этом думали сарматы двух племен, готовясь к важному событию. Но судьба приготовила им совсем другой тернистый путь, ведущий в никуда. Угадать или заметить предпосылки будущих событий никому не удавалось, в них всем отведена роль участников или наблюдателей, но, ни в коем случае, ни прорицателей, за исключением духов племени с которыми могли общаться жрицы. Но и они могли раскрыть только часть плана намеченного судьбой, не изменив его сути и конечного результата.

Так и в этот день Ярыс примерил снаряжение, проверил крепление меча, кожаных ремней костяного панциря и остался доволен. Спокойствие и уверенность в своих действиях отличали его от соплеменников, которые в обычной жизни много суетились, не умели решить простую проблему, им не хватало жизненного опыта, невнимание и рассеянность порождали в них неуверенность, что они смогут сделать то, что задумали. Уверенно они себя чувствовали только когда участвовали в сражениях, где надо было выполнять отработанные команды отдаваемые вождем. Соплеменники были как одно целое, которое было невозможно остановить при выполнении распоряжений старейшин, а также жрицы, в остальном они напоминали больших детей, живущих под опекой старших. Соплеменники не задумывались о том, что произойдет завтра, они жили сегодняшним днем, здесь и сейчас, а будущее было непредсказуемо, непонятно, надо было

просто выжить в суровых условиях: сегодня выполнить приказ, принять участие в ритуале, какой-то работе, сражении или стать добровольной жертвой, принесенной в дар духам.

Нынешний день проходил спокойно, как всегда, как и сотни других. Наступила теплая летняя ночь. Пастух не найдя ничего, что могло предвещать опасность, опустив подбородок на грудь, дремал в седле. Косяк лошадей, медленно поедая траву, постепенно переместился на другой конец луга, где был напуган волком, несущим добычу в свое логово. Лошади понеслись через кусты к «Холму силы». Запыхавшись от быстрого бега, кони, добежав до подножья холма, успокоились и принялись, есть душистое разнотравье, отгоняя хвостом надоедливых комаров, некоторые лошади поднялись на «Холм силы».

А в это время на вершине холма, где расположились родственники невесты, не спали. Они готовили невесту, одевали ее в военные доспехи: на голову надели шлем искусно сделанный из березовой коры, в центре которого было предусмотрено небольшое отверстие, куда с внутренней стороны просовывали волосы, тщательно их, стягивая, с наружной стороны веревочкой сделанной из кожи. Проходя через кору, свернутую в трубку, волосы поднимались над головой и спускались свободно на спину до самого пояса. Украшение вызывало зависть у всех соплеменниц, а сам шлем, кроме того, что украшал голову невесты, еще служил защитой от бронзовых отравленных стрел, которые не могли его пробить. Жена вождя племени сарматов участвовала в сражениях наравне с другими мужчинами и женщинами, и это вполне могло спасти ей

жизнь в одном из сражений. Несмотря на юный возраст, Сурнай в сражениях убила трех воинов, поэтому она была достойной невестой, которую племя Коршуна предложила Ярысу взять в жены. Следующим элементом одежды был косяной панцирь, который не только изящно подчеркивал фигуру, но был и надежной защитой. На невесте были прочные темно-зеленые шаровары, застегнутые ремнем с бляхой изображающей борющихся верблюдов. Ее шею украшала тяжелая золотая пластина, на которой искусно были изображены сцены из жизни сарматов, руки украшали бронзовые браслеты, на бедре в золотых ножнах был закреплен, короткий железный меч, золотые подвески в форме кобр готовящихся к прыжку, были закреплены в ушах. С другой стороны от меча висел лук и колчан со стрелами, мягкая кожаная обувь была красива и удобна. Сурнай с восхищением рассматривала свое отражение в бронзовом зеркале, на обратной стороне которого были изображены два павлина. Свет костра, обложенного белой галькой, был не яркий, языки пламени горели неравномерно, и отражение в зеркале было, как живое, и восхищало своей необычностью. Девушка не могла оторвать глаз от зеркала, она тщательно рассматривала каждый элемент своей одежды. Родственники вносили в юрту: золотые, бронзовые, каменные изделия, глиняные сосуды наполненные жиром. Все это постепенно заполняло пространство юрты. Сурнай, с одной стороны была рада предстоящему событию, с другой – ее пугала новая жизнь с вождем другого племени, где она не знала ни Ярыса, ни кого из его соплеменников. Но такова судьба девушек сарматов. Родственники отдают их замуж мужьям из других

племен, которых они не знают. Уже был приготовлен косяк лошадей, табуны быков и баранов, которые будут подарены Ярысу. Осталось только надеть праздничное снаряжение родственникам и подготовить коней для выезда к месту церемонии.

Аслай, пасший косяк лошадей, был разбужен веткой ивы, больно хлестнувшей по лицу, когда конь резко потянулся к сочному кустику травы. Аслай окинул взглядом поляну и не увидел косяка. Его забила, мелькая дрожь. Он потянул поводья и резко ударил пятками в бока коня. Конь всхрапнул от неожиданности, выгнул шею и рысью поскакал вперед, куда его направил пастух. Через какое-то время пастух увидел косяк, пасущийся на «Холме силы», его охватил ужас, он понесся к лошадям и его конь буквально взлетел на вершину «Холма силы». Аслай резко натянул поводья, конь встал. Поле, потравленное косяком лошадей, и сам «Холм силы» представляли жалкое зрелище. Вместо буйства редчайших трав, что радовали глаз и издавали терпкий аромат, который помнил всю жизнь каждый его соплеменник, в предрассветных сумерках он увидел жалкие кустики объеденной травы над поверхностью земли. Аслай словно окаменел, затем выдернул из ножен короткий железный меч, поднял с ним руку вверх. Всю местность осветила вспышка молнии невероятной силы и яркости, которая поразила насмерть и Аслая, и коня. Перепуганный косяк помчался, не разбирая дороги. Молнии прочерчивали небосвод в разных направлениях, причудливо извиваясь и освещая местность. Вслед за ними раздавались раскаты грома, как бы

раскалывающие землю и ливень обрушивал сплошную стену дождя.

Юрта Ярыса находилась на возвышенности и одна из молний ударила в нее. Удар прошел через Ярыса сверху вниз от головы до пятки. Жгучая боль пронзила грудь, дышать стало нечем, он пытался, открыв рот, вдохнуть воздух, но ничего из этого не получалось. Он выполз на свежий воздух, увидел своего коня, дополз до него. Конь лег на землю. Ярыс взобрался на спину, конь встал и перепуганный очередной вспышкой молнии и ударами грома, понесся в предрассветные сумерки. Обезумевший конь выскочил на крутой берег реки Кумак и тут Ярыса покинули силы, он резко качнулся влево и на полном скаку вылетел из седла, и упал с обрыва. Собрав остатки сил, Ярыс дополз, хватая ртом воздух, до подножия обрыва, вдохнул глоток воздуха и подумал: «Ну, вот и все, жизнь пойдет сначала...», а сердце в этот миг встало. Огромный кусок берега, подмытый дождевыми потоками, рухнул на тело Ярыса.

Обычная теплая ночь ничем не отличающаяся от тысячи других полностью изменила жизнь сарматского стойбища. Осквернен «Холм силы», погибли Аслай и Ярыс, удар был нанесен по устоям племени сарматов, которые в течение тысячелетий были основой для выстраивания отношений между родами и нападавшими противниками, давали силы побеждать в сражениях, осваивать новые пастбища, жить в гармонии с окружающей природой. Теперь все рухнуло.

Наступило утро. Сарматы выходили из своих юрт и первой новостью было: косяк лошадей через брод не

вернулся с того берега. Старейшина Арсени вошел в юрту вождя доложить Ярысу о происшествии. Подойдя к юрте, он не увидел белого коня всегда пасущегося возле юрты. Распахнутый вход в юрту, насторожил Арсени, он остановился и почуял удушливый запах гари, исходивший из юрты, немного постояв и подумав, он шагнул в юрту. Противный запах окутал его со всех сторон, но огня не было, нигде не было и Ярыса, он вышел наружу. Прошедшая ночью страшной силы гроза с проливным дождем не оставила следов на песке. Арсени решил собрать всех сарматов племени для того, чтобы рассказать о том, что он увидел и принять решение. Последствия грозы: огромные лужи, мокрая земля, да клочья рваных облаков, через которые пробивались солнечные лучи – действовали угнетающе на сарматов. Многие ночью не спали, напуганные вспышками молний и раскатами грома. Люди в страхе закрывали лицо руками, пытались успокоить перепуганных детей. Разыгравшаяся ночью гроза стала страшным событием в жизни всех сарматов. Все понимали, что «Холм силы» разгневан и их ждут большие неприятности. Страх охватывал их – детей природы, которые разгневали своего духа. Призыв Арсени собраться возле юрты вождя вывел соплеменников из оцепенения, они выходили из своих юрт и медленно шли к белой юрте вождя, находящейся на возвышенности. В центре полукругом рассаживались старейшины, за ними остальные сарматы и в стороне – жрица. Арсени рассказал о пропаже вождя Ярыса, косяка лошадей, пастуха Аслая. По установленному ритуалу старейшины племени вместе со жрицей Еску поскакали через брод к «Холму силы» для

совершения обряда, который через духа «Холма силы» даст ответ на все вопросы. Переправившись, через брод реки Кумак, они увидели вместо цветущего луга, поле с торчащими из земли обкусанными голыми стебельками травы и истоптанной сотнями копыт земель. В центре «Холма силы» лежал на земле пастух Аслай, с зажатым в руке мечом и его конь. Подъехав ближе, они остановились в замешательстве. Постояв, они стали спрыгивать с коней и пониматься на «Холм силы». С отвращением они сбросили тело пастуха с «Холма силы», привязали за ногу веревкой, конец которой прикрепили к седлу лошади и с силой ударили ее кожаным жгутом. От пронизывающей жгучей боли лошадь встала на дыбы, опустилась на землю и с места галопом понеслась, не разбирая дороги через кусты и овраги, и моментально скрылась из вида. Старейшины расселись полукругом у подножия холма, в центре – жрица и приступили к обряду. Зажечь траву на жертвенном камне удалось с большим трудом. Тонкие струйки дыма повисли в сыром воздухе и медленно растворились. Дух «Холма силы» не пожелал слушать Еску. Жрица собрала свои ритуальные предметы, старейшины вскочили на лошадей и поскакали в стойбище. Такого еще никогда не было, решение надо было принимать самим. Быстро проскакав до юрты вождя, они спешили и вошли внутрь, расселись кругом. Первым стал говорить Арсени. Он сказал: «Нам надо выбрать вождя племени из молодых и смелых воинов уже отличившихся в сражениях» и предложил Казува. Все присутствующие одобрительно отозвались о Казуве, они его знали, вместе участвовали в сражениях, не раз привозили богатую добычу. И избрали вождем Казува. Его

пригласили в юрту и посадили в центре на белый войлок, торжественно передав символ власти – каменное навершие в форме головы верблюда на деревянной ручке. Казува распорядился послать отряд Амита на поиски пропавшего Ярыса, отряд Союна на поиски косяка лошадей, а также приказал подогнать ближе к стойбищу табун скота, отары овец, верблюдов. Сарматы стойбища не знали, что произойдет дальше, как закончится этот день. Все находились возле своих юрт, ремонтировали телеги, упряжь, точили мечи, делали стрелы. Солнце заканчивало свой путь по небосводу и медленно опускалось за горизонт. К юрте вождя на взмыленных лошадях прискакали всадники отряда Амита. Амит откинул полог и вошел к Казуве и рассказал, его воины обследовали всю местность, нашли отпечатки копыт белого коня на глинистом берегу обрыва, часть которого ночью рухнула в реку. Казува внимательно выслушал Амита и сказал: «Завтра утром нужно продолжить поиски». Отряд под руководством Союна вечером не вернулся. Приняв пищу, сарматы разошлись по своим юртам. Казува сидел один в большой юрте и никак не мог принять решение, что он будет делать, когда наступит новый день. Тепло идущее от костра, сморило его, и он уснул.

Краешек красного шара еще только показался из-за холма, а Казува уже вышел из юрты и сразу же увидел белого коня понуро стоявшего у юрты. В это время к нему подъехал Амит со своим отрядом воинов, все они с недоумением смотрели на коня. Казува скомандовал продолжить поиски, и отряд поскакал навстречу красному шару по следам вернувшегося коня. В полдень отряд

вернулся, но Ярыса они таки не нашли. Казува пригласил в юрту жрицу Еску и спросил, что говорят духи предков. Еску сказала, что ночью она обращалась к духам племени: Ярыса нет в живых и его надо захоронить по ритуалу, который совершают по воину, погибшему в бою, когда тело его не находят. Ритуал захоронения провести на «Холме силы», а в жертву принести девушку-подростка, которая предназначалась в жены Ярысу и белого коня. Племени сарматов навсегда покинуть эти места. «Холм силы» не простит сарматам того, что произошло и дух «Холма силы» не будет больше приносить удачу племени сарматов. Казува выслушав жрицу, пригласил в юрту старейшин племени и приказал им под руководством жрицы Еску провести ритуал захоронения так и найденного тела вождя Ярыса, как велят духи предков. Отряд сарматов вместе со старейшинами отправился готовить погребальное сооружение на «Холме силы».

Казува отправил гонца на холм, где находилась девушка-подросток вместе с родственниками и где еще продолжалась подготовка к ритуалу заключения брака. Встревоженные приглашением нового вождя сарматов Казувы, они прибыли в белую юрту. Они были не готовы услышать рассказ Казувы о произошедших событиях. Но по традициям, которых придерживались все сарматские племена, они приняли предложение о принесении в жертву Сурнай. Вернувшись на холм, они сказали Сурнай, что ее принесут в жертву духа «Холма силы» и она встретится со своим мужем в верхнем мире духов. Девушки сарматки готовы были к такому повороту судьбы. Довольно часто вместе с мужьями сарматы хоронили жен с детьми,

пленных, лошадей, а иногда и молодых девушек. Родственники, сообщив Сурнай печальную весть, стали готовить ее к обряду захоронения.

Вечером отряд Амита пригнал остатки косяка лошадей, найденного на берегу реки Орь.

На следующий день был совершен ритуал погребения на «Холме силы». В жертву духа «Холма силы» были принесены Сурнай и огромный белый конь, всю ночь сарматы племени проводили обряд проводов вождя в мир духов. Утром племя переправилось вброд через реку Кумак и исчезло в бескрайних степных просторах навсегда...

Весной был необычайно сильный разлив реки Кумак. Вода смыла следы стойбища племени сарматов, поменяла русло, сместив его на сотни метров влево, оставив на месте бывшего русла старицы. Одну из них, расположенную у подножья «Холма силы», в наше время местные жители называют Урлапка. Это название связано с народным целителем, обладавшим невероятными способностями, хорошо знавшим лечебные травы. Он оставил после себя память и как целитель, и как человек, владеющий неизвестным даром, полученным от духов. Он передал свои знания близким, которые тоже были известны и обладали уникальными способностями целительства. Остались места, где им были посажены целебные травы. Одно из мест - старица реки Белый камень, где на полянке, скрытой от посторонних глаз, растет целебное растение девясил, всю силу которого современная медицина так и не разгадала. А название старицы Урлапка произошло то ли от фамилии, то ли от имени целителя. Его добрые дела помнит не одно поколение местных жителей. Здесь летом весело плещется

детвора, по берегам жители сажают огороды, зимой и летом рыбачат рыбаки. Но никак не успокоиться разгневанный дух «Холма силы». Время от времени забирает очередную жертву в свои объятия старица Урлапка. Словно, напоминая, что «Холм силы» это реальность, существующая тысячелетиями и влияющая на все окружающее: дающая дар целительства людям, лекарственные свойства – растениям...

Бюркют

Подъехав к подножью священного холма предков, Ахсар натянул поводья и остановил коня. Прислушался. Издалека доносилось ржание диких лошадей, но это не привлекло его внимание. Он поднял голову и посмотрел в синеву бездонного неба, где в вышине парил властелин небесного пространства «золотой орел» - бюркют, размах крыльев которого был равен лошади Ахсара от хвоста до ноздрей. Ахсар стал пристально следить за полетом бюркюта, поднимаемого вверх восходящими от земли теплыми потоками воздуха. Заметив на земле добычу, бюркют перешел на быстрый машущий полет и, частично сложив крылья, устремился к добыче. Ахсар отпустил поводья, ударил пятками в бока коня и поскакал к тому месту, где бюркют высмотрел свою жертву. С вершины холма Ахсар успел увидеть, как бюркют схватил одной лапой за голову молодого сайгака, а второй за его спину, сшиб его с ног и гордо восседал на пойманной добыче, вонзив в нее огромные когти. Стадо сайгаков, поднимая облако пыли, понеслось по степной равнине. Бюркют стал острым изогнутым клювом отрывать куски сайгачины и с жадностью проглатывать. Ахсар впервые был свидетелем охоты бюркюта и то, что он увидел, произвело на него неизгладимое впечатление. За свою жизнь он не раз видел сидевших на прибрежных скалах реки Кумак

бюркютов, низко летящих с добычей или высоко парящих в небе, но саму охоту – никогда.

Отвлечшись на охоту бюркюта, Ахсар потерял бдительность. Раздался свист волосяного аркана, вырвавшего его из седла. Очнулся он от острой боли, пронизывающей его тело с головы до ног, и снова потерял сознание. Только на следующий день к нему вернулось сознание, и Ахсар с интересом стал рассматривать внутренность шатра. Солнечный свет пробивался сквозь отверстие в центре шатра, освещая внутреннее пространство. Ахсар был связан волосяной веревкой, тело его затекло, сознание было замутнено. Удар о землю тела Ахсара, вырванного из седла арканом, мог бы лишить его жизни, но тело упало на жесткие колючие кусты чилиги, которые смягчили удар и спасли его.

Полог шатра распахнулся и в проеме появился человек с удлиненным черепом, затем зашли еще двое с такими же удлиненными черепами и стали внимательно его рассматривать. Посовещавшись между собой, один из них вышел из шатра и привел с собой двух воинов. Их вид вызвал интерес у Ахсара. На голове у них была надета защита из коры березы, которая закрывала лоб, виски, шею, а на теле были закреплены кожаными ремнями обработанные куски березовой коры. Это была довольно надежная защита от бронзовых стрел. Воины подошли, подняли Ахсара и вывели его из шатра. Он сразу оказался в центре внимания. Его окружили со всех сторон воины, женщины и дети незнакомого племени. В центре на расстеленном войлоке лежало седло, на котором сидел вождь племени. Его кожаная одежда с нашитыми

пластинками из кости отличалась от одежды всех присутствующих. В руке он держал меч, вид которого представлял реальную угрозу для Ахсара. Воин, находившийся рядом с вождем, стал что-то говорить, жестикулируя руками, Ахсар пытался понять, что от него хотят. Вождь поднял руку с мечом вверх и один воин из окружения подошел к Ахсару и перерезал веревки. Подошел второй воин, и они вдвоем подняли и потащили Ахсара к оседланной лошади и усадили в седло, привязали ноги к стремям, а руки к седлу. Наконец-то Ахсар понял, эти люди хотят, чтобы он привел их к стойбищу рода Золотого орла для того, чтобы внезапно напасть. В это время вождь и огромное количество воинов вскочили на коней, а один из них ударил острием меча Ахсара между лопаток, боль была невыносимой, он дернулся, и лошадь понесла его, не разбирая дороги. Ахсар не мог управлять лошадью с привязанными руками, тогда один из всадников догнал его, остановил лошадь, развязал руки, позволил взять поводья и тут же ударил мечом по правой руке. Рука повисла, и Ахсар мог только в одной руке держать поводья и направлять лошадь в нужном направлении. Ахсар понимал, что жить осталась ему недолго, надо было принять правильное решение, чтобы спасти своих сородичей от неминуемой гибели. Ахсар повернул своего коня к скалистому берегу реки Кумак и все всадники устремились вслед за ним. Облако пыли, поднимаемое сотнями копыт, поднималось высоко вверх, закрывая собой солнце. Ахсар надеялся, что лазутчики постоянно находящиеся на большом расстоянии от стойбища и ведущие наблюдение вовремя заметят это облако и

поднимут тревогу. Ахсар что есть силы, ударил пятками в бока лошади, и та галопом понеслась к видневшемуся вдалеке обрыву. Ахсар лег на шею лошади, отпустил поводья и стал левой рукой развязывать веревку, которой были привязаны ноги к стремянам. Лошадь неслась почти, не касаясь земли вдоль обрыва реки. Впереди была небольшая, но глубокая канава, промытая весенним ручьем. Лошадь прыгнула через нее, подпруга лопнула, и Ахсар вместе с седлом упал с обрыва в густые заросли ивняка и крапивы, переплетенные хмелем. Скакавшие вслед за ним всадники не заметили падение пленника и продолжали преследовать удаляющуюся лошадь без всадника.

А в это время Ахсар, преодолевая боль, развязал веревку и освободил ноги, сорвал с себя плети хмеля, которые спасли ему жизнь, смягчив удар. Ахсар с трудом встал, спрятал седло и стал пробираться сквозь заросли ивы, шиповника и крапивы, переплетенные ежевикой и хмелем к берегу реки Кумак, чтобы выйти к броду, который находился ниже по течению за поворотом. Заросли ивы, принявшие на себя удар тела Ахсара, снова расправили свои ветки и никаких следов о произошедшем здесь падении всадника не осталось. Враги, пленившие Ахсара, обыскивали берег, пытаясь найти место, где исчез пленник. С высокого берега они видели только густо заросшую пойму реки, к которой никак нельзя было спуститься с отвесного берега, да и найти в таких зарослях сбежавшего пленника было невозможно. Поэтому они решили рассредоточиться по всему обрыву и наблюдать за местностью внизу, а также отправить несколько всадников, которые должны были найти место, где заканчивается

обрыв и устроить засаду на тот случай, если пленник остался жив после падения, и поймать его.

Ахсар, преодолевая боль, добрался до переката и стал ждать наступления темноты. Свечерело. Сотни комаров облепили его лицо, руки и шею, перенося сильный зуд, он ждал, когда на небе появятся звезды и станет совсем темно. Он опустился на колени и обратился с просьбой к духам предков помочь перейти брод. В это время лягушки в прибрежных зарослях одновременно заквакали, и Ахсар решил – пора. По шуму воды он определил точное место переката и вошел в воду, чтобы перейти многоводную реку. Один неверный шаг мог привести его к гибели, потому что он, как и все его соплеменники не умел плавать. Сразу за перекатом находился глубокий омут с быстрым течением, из которого он бы не смог выбраться. Ахсар медленно вошел в воду, страх сковал его тело, мышцы окаменели, он не мог сдвинуться с места. Вода переката быстро вымывала песок из-под его ног. Он в любую минуту мог упасть и погибнуть. Преодолевая страх, Ахсар сделал первый, второй, третий шаг и медленно стал двигаться к противоположному берегу. Раздался всплеск воды, и крупная рыба чуть не сбила его с ног. Духи смилостивились над ним, и на воде появилась светлая полоска, которая протянулась до противоположного берега. Обретя поддержку небесного светила Ахсар уверенно зашагал на другой берег, а когда берег был уже совсем рядом неожиданно из кустов, громко ухнув, вылетел филин, изрядно напугав Ахсара, весь дрожа, он выбрался на берег. Трясаясь от нервного напряжения, он сначала, не обратил внимания, что его правая рука свободно движется. Это

придало ему большую уверенность. Он стал пробираться сквозь заросли камыша в сторону стойбища. Надо было успеть добраться до восхода солнца. Выйдя из зарослей, он перед собой увидел косяк пасущихся лошадей. Ахсар лег на траву и стал ждать, когда какая-нибудь лошадь приблизится к нему. Лошади с жадностью поедали траву, размахивали хвостами, отгоняя тучи комаров. И вот одна из них подошла близко к Ахсару. Он молниеносно поднялся, схватил ее за гриву, подтянулся и вскочил на спину, крепко вцепившись в гриву обеими руками. Ахсар ударил пятками лошадь в бока и с места в карьер помчался вдоль русла реки в сторону стойбища. Лошадь была необъезженная и несла его, не разбирая дороги. Ахсар, укротивший не один десяток лошадей, думал только о том, чтобы лошадь в этой ночной скачке, не сломала себе ноги. Вскоре вдали стали видны огни костров стойбища. Огни приближались, увеличивались, и вскоре можно было разглядеть людей ходивших возле шатров. Ахсар на взмыленной лошади буквально влетел, подобно степному ветру, в центр поселения. Собаки со всех сторон бросились на всадника, соскочившего на ходу с лошади, но своих они знали по запаху, поэтому продолжая лаять, собаки его не трогали. Из ближайших шатров выскочили вооруженные мужчины, но узнав в свете ярко горящих костров Ахсара, опускали мечи и подходили к нему.

Ахсар обессиленный от пережитых потрясений дня, опустился на землю. Его била мелкая дрожь, сидя, он показывал рукой на шатер вождя. Его подняли и повели к вождю рода Шахиму. Вход в шатер преграждали два воина. Они вынули из ножен мечи, и блики от костров отразились

на железных лезвиях. Друг Ахсара Озбек объяснил стражникам Шахима, что произошло что-то очень страшное и надо об этом рассказать вождю. Услышав шум, Шахим сам вышел из шатра и увидел мокрого трясущегося Ахсара, которого он хорошо знал и его вид насторожил Шахима. Он приказал пропустить Ахсара в шатер. Ахсар долго приходил в себя, успокоившись, он стал рассказывать Шахиму, что с ним произошло. Шахим послал несколько воинов собрать всех старейшин к себе в шатер. Он сказал старейшинам, что надо подготовить стойбище к обороне. Затем послал гонцов к вождю племени Харуну сообщить о готовящемся нападении. Отпустив старейшин, вождь стал готовиться к бою: надел панцирь, шлем, прикрепил к поясу колчан со стрелами, в ножнах меч, взял лук и направился к выходу. А в это время все стойбище уже было окружено кольцом из телег, покрытых войлоком, шатры были свернуты и только угли от костров красными точками указывали на места, где стояли шатры и где недавно люди готовились устроиться на ночлег.

Шахим во главе войска объехал поселение, ища слабые места с внешней стороны, которыми могли воспользоваться враги при нападении на стойбище. Вождь расставил конные отряды, разместил лучников, которые должны защищать повозки с женщинами, детьми и стариками, послал лазутчиков в сторону возможного появления противника и стал ждать прихода войска, возглавляемого вождем племени непобедимым Харуном. Шахим знал, чтобы собрать воинов всех родов племени кочевавшим по берегам реки Джаик понадобится время. Успеет ли помощь вовремя? Это сейчас беспокоило Шахима.

Наступило утро. Снова на старых кострищах запылали костры, запахло вареным мясом. Дети стали бегать между костров. Все было так же, как и день назад, только чувствовалось приближение неизвестной беды. Лица взрослых были угрюмы, все внимание было сосредоточено на подготовке к возможному отражению нападения неизвестного врага.

Утро было солнечным, теплым, степь наполнялась звуками, криками стрижей, стрекотом кузнечиков, пением жаворонков. Полуденная жара сморила не спавших всю ночь жителей стойбища, многие нашли удобные места для отдыха в тени телег, только дети играли на солнцепеке, бегали друг за другом, бросали кости, гоняли собак, ссорились, мирились, смеялись. Вечером возле каждой телеги разожгли большие костры из заготовленного днем хвороста. Внутри кольца телег было светло как днем.

Наступила летняя ночь, повеяло прохладой с реки, дети и старики стали укладываться спать. Только мужчины и женщины держали наготове оружие и прислушивались к звукам, раздающимся в ночи. Из тьмы на взмыленной лошади прискакал лазутчик и доложил Шахиму, что с севера слышан гул от ударов копыт коней движущегося войска. Шахим объявил тревогу. Ярко запылали костры. Вооруженные женщины тоже сели на коней. Пастухи погнали косяк лошадей через брод на другой берег реки. Всадники разделились на три группы. Две группы укрылись за ближайшими холмами, готовые нанести удар врагу, посягнувшему на землю предков. А все стойбище закрывала группа под командованием вождя Шахима. Через некоторое время стал слышен гул и ржание лошадей, враги

приближались. Каждый был готов к бою, и вот уже при свете луны была видна черная масса, приближающаяся к стойбищу. Шахим понял, что это последний бой, и, издав призывный крик, поскакал навстречу неизвестности, за ним устремилось несколько тысяч всадников, и началась жестокая битва. Воины метали копья, рубились мечами, стреляли из луков. Все смешалось. Было сплошное месиво из людей и лошадей. В темноте трудно было понять, где свои, где чужие. Отряд Шахима был разбит. Враги устремились к стойбищу. Когда они уже достигли телег, из-за холмов с двух сторон на них обрушились всадники двух запасных отрядов. Свет костров тянул завоевателей как ночных бабочек на огонь, и они сотнями гибли от смелых воинов и воительниц сарматского рода Золотого орла. Но силы были не равны, врагов было в разы больше, они разнесли и подожгли телеги, которые служили укрытием для жителей стойбища. Под ногами людей и лошадей была кровь, перемешанная с грязью. Враги все пребывали. Они напоминали саранчу степного кузнечика иногда уничтожавшие всю растительность и тогда от голода гибли люди, дикие и домашние животные. Степь оставалась без единой травинки. Никто не мог остановить нашествие саранчи, несущий гибель всему живому. Так и враги, напавшие на стойбище рода Золотого орла, не оставляли шанса на победу мужественным воинам, защищавшим землю предков и свои семьи.

Наступило пасмурное утро. Войско рода Золотого орла было полностью разбито. Остались несколько всадников, которые потерялись в ночной темноте. Среди них тяжело раненный воин - Ахсар. Стрела пробила ему грудь на вылет.

Он лежал на краю степного обрыва, заросшего чилигой, устремив взгляд в небо. А высоко в небе парили два бюркюта. «Это было их небо и их земля» - подумал Ахсар.

А в это время на вершине холма появился воин, одетый в доспехи, поднял лук и выстрелил в священную птицу. Бюркют, пробитый стрелой, часто замахал крыльями и стал опускаться на землю. Бюркют упал рядом с Ахсаром. Стрела пробила птицу насквозь, и некоторое время он лежал без движения, но вот он с трудом поднялся, откинувшись назад, опираясь на хвост, широко раскинув крылья и приоткрыв клюв, стал смотреть в сторону воина, пронзившего его стрелой. Воин увидел, что орел упал, не торопясь стал спускаться с холма. Когда всадник подъехал совсем близко к птице, орел с трудом, державшийся на лапах, неожиданно поднялся в воздух, и, часто взмахивая крыльями, стал подниматься, набирая высоту. Всадник с недоумением смотрел на поднимающуюся птицу, ведь он видел, что орел пробит насквозь стрелой, и, что минуты его жизни сочтены. Всадник решил, что не стоит тратить стрелу, так как птица все равно упадет. А царь неба поднимался все выше и выше, и скоро он поднялся на такую высоту, что стрелять уже было поздно.

В прозрачном небе парила пара орлов. Всадник поднял вверх голову и стал смотреть на парящих птиц, ожидая, когда же одна из них упадет. После нескольких кругов бюркюты сложили крылья и устремились к земле. Один из них так и не расправил крылья, он погиб в небе.

Пока всадник наблюдал за падающей птицей, он, буквально на минуту отвлекся от второго орла, который нанес смертельный удар ему в шею, перебив острыми

когтями сонную артерию. От сильного удара всадник вылетел из седла и пытался руками задушить птицу, но силы покинули его. Над поверженным врагом, широко раскрыв клюв и расставив крылья, сидел бюркют. Заходящее солнце окрасило его в золотисто-красный цвет. Царь неба подтвердил право на жизнь. Его победный клетот раздался над степью, где он и его предки жили, и будут жить еще тысячи лет. Ахсар вдохнул исходящий аромат от кустиков тимьяна и услышал трели сверчков, живущих в стенах обрыва, на краю которого он лежал. Сознание покинуло тело воина, он выполнил свой долг на земле и уходил к своим предкам, некрополь которых располагался на вершине соседнего холма «Бюркют», названного в честь «золотых орлов» покровителей рода, гнездившихся на его вершине с незапамятных времен.

Солнце садилось за холм «Бюркют», а высоко в небе парили золотые орлы, осматривая степные просторы, как и сотни тысяч лет тому назад...

Книга Вторая

Сокровища Гамерлана

Ванька Рус сидел со своим другом Колькой на окраине станицы. От нечего делать мальчишки бросали засохшие комья грязи в приближающееся стадо свиней.

Из-за угла крайнего дома выехала телега, запряженная старой клячей по кличке Карюха, которая, с трудом переставляя ноги, тащила телегу, где была закреплена бочка с водой. Когда под колеса попадал очередной булыжник, вода выплескивалась наружу. Старый казак Семен-водовоз хлопал вожжами и на чем свет стоял, ругал станичного атамана, который не обращал никакого внимания на его просьбы собрать станичников и привести в порядок дороги. В это время подростки вскочили с корточек и помчались догонять удаляющуюся телегу. Прыткие юнцы быстро настигли ее и на ходу легко взобрались, уцепившись за края бочки. Встав ногами на борта телеги, они стали медленно продвигаться в сторону Семена-водовоза, который так был увлечен критикой атамана, что ничего не слышал за тарахтением телеги. Раздался звон колокола – Семен перекрестился, а в это время два сорванца что есть силы с обеих сторон, крикнули в уши Семена. Очумевший с перепугу Семен резко натянул вожжи, Карюха встала, как вкопанная. Давно перетершийся ремень, удерживавший бочку,

лопнул. Бочка упала с телеги и, набирая скорость, понеслась вниз по улице, окатив грязью и перепугав жену и дочь писаря Матвея. Потом, подпрыгивая и гремя, понеслась по тропинке, ведущей к реке. Друзья тем временем разбежались в разные стороны. Пустая уже бочка пронеслась к деревянному настилу, на котором местные казачки стирали белье. Подпрыгнув на возвышенности, бочка оторвалась от земли и, пролетев десяток метров, шлепнулась в реку, окатив брызгами находившихся на настиле женщин. Казачки, перепугавшись, попадали в реку. Выскочив из воды с криком, они со всех ног бросились бежать по крутому берегу, не разбирая дороги. А так как у страха глаза велики, бежали они, не оглядываясь, крича, что есть силы.

Из домов выбегали и стар, и млад. Женщины тряслись от страха и ничего толком объяснить не могли. Казаки, ничего не добившись, решили разведать обстановку сами и, вскочив на коней, поскакали к берегу.

На обрыве собралась группа всадников, которые с недоумением смотрели на настил, где было разбросано белье, на спокойные воды реки. На белом жеребце подъехал атаман станицы Афанасий Седов. Постукивая нагайкой о сапог, он, молча, посмотрел на реку, на казаков. Хмыкнув, развернул коня и поехал в сторону дома. Казаки, пришпорив коней, поскакали по домам, но невиданное и необъяснимое событие потрясло всю станицу.

Вечером, когда пригнали стадо коров, жители, закончив домашние дела, высыпали на завалинки полузгать семечки и поделиться впечатлениями прошедшего дня. Возле каждого дома бурно обсуждали произошедшее событие. Самая большая группа людей собралась у дома

Семена-водовоза, который был известный балагур в станице. И вот уже в который раз он пересказывал события, произошедшие с ним, каждый раз прибавляя и приукрашивая их забористыми словами.

Атаман Афанасий Седов, повидавший немало на своем веку, решил разобраться, что же произошло на самом деле. В горницу вошла жена Марфа, сказав с упреком: «Пошел бы послушал, что говорят, может быть, чего и понял». Афанасий, молча, встал и вышел на крыльцо. Скрутив сигарку из домашнего самосада и закурив, пошел по улице. Навстречу ему шел Кузьма – его закадычный друг, который сказал, что Семен-водовоз рассказывает небылицы и баламутит народ. Афанасий, нахмутив брови, резко повернул к дому Семена-водовоза. Тот уже вошел в роль и, открыв рот, собирался рассказать новую версию случившегося. Увидев атамана, поперхнулся и, уставившись на него, смотрел вытаращенными, как у рака, глазами. Семен-водовоз не мигая, смотрел на руку атамана с нагайкой, которой тот постукивал по голенищу сапога. Афанасий, наклонившись к Семену, сказал: «Ну, сказывай, что видел».

Семен, побагровев от напряжения и запинаясь, стал по порядку пересказывать события. Утром он как всегда поехал за водой к броду, чтобы потом развести ее по дворам. А на обратном пути, как только он въехал в станицу, черти что есть силы, гаркнули ему в уши, в голове его все померкло, и только благодаря раздавшемуся звону колоколов, сознание его вернулось. Карюха стояла на месте, а бочку черти украли.

История была из ряда вон выходящая. Семен, хотя и слыл чудаковатым, любил также выпить и приукрасить

увиденное, но чтобы придумать такое на трезвую голову днем да еще с исчезновением бочки, было маловероятно.

Поглядев на казаков из-под взлохмаченных бровей, Афанасий сказал: «Что расселись? Пошли по домам, али дел никаких больше нет, как всякие байки слушать». Станичники стали неохотно подниматься с завалинки и расходиться по домам.

А виновники событий весь день были в приподнятом настроении. Напугав Семена, они увидели у кузницы привязанного к коновязи белого в яблоках жеребца. Глаза у них загорелись. Хвост у жеребца был длинный, до земли, и они тут же решили выдернуть у него из хвоста несколько волосков, чтобы смастерить силки для ловли щук. Недолго думая, друзья подкрались к хвосту жеребца, схватили пальцами по несколько волосков и что есть силы, дернули. Жеребец вздрогнул и со всей силой лягнул правой ногой, попав копытом в лицо Кольку, выбив четыре передних зуба и порвав губу. Колек, отлетев к палисаднику, со страха обмочился. Но лицо его, несмотря на страшную боль, выражало восторг. В высоко поднятой руке он держал три длинных белых волоса.

Ваньку повезло меньше. В кулаке у него был зажат обрывок волоска. Вскочив на ноги, Колек, не веря в удачу, рванул вдоль плетня, а за ним помчался Ванька. Лихо, нырнув в заросли лебеды, они упали на землю, чтобы, наконец, по достоинству оценить добытые трофеи. Колек, сплевывая сгустки крови, встал и, не разжимая пальцев, вытянул руку так, чтобы концы волосков не доставали до земли. От этого зрелища Ванек приоткрыл рот: такое счастье бывает только раз в жизни. Успех Кольку на

рыбалке был обеспечен. Ванек с сожалением посмотрел на оборванный волосок у себя в руке. Он решил не терять даром времени и выменять у друга хотя бы один волосок, пока еще тот до конца не осознал, каким богатством завладел. Он с ходу предложил Кольку перочинный нож – главное свое сокровище. Колек, подумав, протянул ему самый короткий из добытых волосков. Но тут боль с новой силой дала о себе знать, и он решил идти домой.

Дома из старших никого не было. Колек лег на лавку в прихожей. В голове шумело и что-то крутилось. В это время пришла мать. Увидев сына, лежащего на лавке с разбитым лицом, в грязной рубахе, она сначала хотела отшлепать его, но, приглядевшись, запричитала, взяла его за руку и повела к фельдшеру. Тот осмотрел пациента, заставил открыть рот и, не досчитавшись четырех передних зубов, удовлетворительно хмыкнул: «Повезло еще мальцу». Челюсть и лицевые кости были целы, а вот губу пришлось зашить. Зареванный Колек был доставлен матерью домой. Фельдшер сказал, что ему надо несколько дней полежать дома, а к голове велел прикладывать мокрое полотенце.

На следующий день вечером к Афанасию пришла старуха Агрипина. Она жила одна: дети и муж погибли в сражении во времена русско-японской войны. Оставшись одна, Агрипина, пока были силы, справлялась с немалым хозяйством. Годы брали свое, ей шел уже восьмой десяток. Семен-водовоз ежедневно привозил ей воду, но почему-то вчера не привез, и она решила пожаловаться на нерадивого Семена атаману. Поздоровавшись с Афанасием, который сидел на завалинке, она присела рядом. Агрипина хорошо помнила его родителей, да и самого Афанасия близко знала. Он дружил с ее старшим сыном Григорием – отчаянным

драчуном, за что они довольно часто были нещадно биты, а Агриппина не один раз лечила их разбитые коленки. Удобно усевшись, она начала вспоминать мужа и погибших сыновей, которые отдали свою жизнь в боях за Родину, и вот теперь она осталась одна, у нее нет даже воды. Афанасий, прислонившись плотнее спиной к стене, начал степенно пересказывать события прошедшего дня. Закончив, он выразительно посмотрел в выцветшие глаза Агриппины. Та некоторое время еще продолжала что-то обдумывать или вспоминать. И вдруг ее лицо озарила улыбка и она рассмеялась. Лицо атамана напротив, побагровело, шея налилась кровью, под скулами заходили желваки. Он давно уже привык к уважительному отношению со стороны станичников. А тут вдруг смеются над ним, он же не Семеноводовоз. Агриппина, поняв недовольство атамана, сказала: «Афоня, ты не думай, не над тобой я смеюсь, а оттого, что не перевести казацкий род, пока есть такие сорванцы, которые всю станицу могут на дыбы поднять».

Глядя себе под ноги, она стала рассказывать, что вчера что-то ей нездоровилось, и она, чтобы приготовить отвар, трав с нетерпением ждала Семена-водовоза, то и дело, выглядывая в окно на дорогу. Когда она в очередной раз подошла к окну, то увидела, как по улице во весь дух неслись два подростка так, что пятки втыкались в одно место. Она сразу заподозрила, что эти два известных на всю станицу озорника совершили очередной «героический поступок» и улепетывали с места событий, пока не получили достойной награды.

Афанасий резко встал, молча, поднялся на крыльцо и что есть силы, хлопнул дверью.

Ванек пришел домой и, наслушавшись рассказов, чувствовал, как по спине пробегали мурашки, а одно место, которое довольно часто использовалось в целях воспитания, даже начало зудеть в предчувствии скорой расправы. К Кольку идти было опасно, но и дома было одному беспокойно. Ванька еще не знал, что когда отец Колька приехал с сенокоса, то устроил сыну допрос с пристрастием и, узнав всю правду, направился к отцу Ванька. По дороге он встретил Афанасия, и они без эмоций обсудили, как наказать сорванцов, чтобы другим неповадно было.

Тем временем Ванек решил навестить друга. Улучив момент, когда в доме никого не было, он перелез через плетень и прокрался в дом. Колек лежал на лавке, губа у него сильно распухла, рот был полуоткрыт. Увидев друга, он заныл, что ему плохо, что он рассказал все отцу и что у него, когда он встает, кружится голова.

Выслушав Колька, Ванек понял: битье неизбежно, надо бежать как можно быстрее к старшему брату в соседнюю станицу. Недолго думая, он выскользнул из дома Колька и опрометью бросился домой. Забежав в дом, он схватил со стола краюху хлеба и через открытое окно выпрыгнул на улицу. Оглянувшись по сторонам, он припустил что есть мочи в сторону пустыря. Сердце выпрыгивало из груди, ноги почти не касались земли, только руки что есть силы, прижимали краюху хлеба к груди. Как ему казалось, он почти мгновенно оказался на пустыре. Тяжело переводя дух, он присел на корточки. В висках стучали молоточки, как в кузнице. На лбу выступили капли пота. Отдышавшись, он отправился к берегу речки. Медленно пробравшись через заросли до каменистого берега и сев на камень, он стал

обдумывать, как ему добраться до конечной цели. Явно выходило так, что до наступления темноты он не успеет выполнить намеченное и надо где-то провести ночь. Ванек вспомнил про пещеры на берегу, куда они ходили ловить летучих мышей, а однажды сильно перепугались, когда им навстречу вылетел огромный филин. Но другого выхода не было, тем более на горизонте были видны черные тучи, предвестники летней грозы.

Ванек поднялся на обрывистый берег и пошел по вершине холма, временами нагибаясь и выдергивая пучки дикого чеснока. Спустившись в низину меж холмов, в зарослях чилиги он наткнулся на целую поляну спелой земляники, которую стал собирать и пригоршнями отправлять в рот. Немного насытившись, он вприскок помчался на вершину ближнего холма. Запнувшись ногой о можжевельник, Ванек почувствовал, что куда-то падает. Очнувшись он на дне глубокой ямы. Перед глазами загорались и гасли яркие точки, голова гудела, кругом было темно и очень страшно. Подняв голову, он увидел вверху отверстие, в которое пробивался свет. Подтянув ноги, согнутые в коленях, к туловищу, он оперся руками в шершавое дно пещеры и с трудом встал. Глаза постепенно привыкли к темноте, и он стал рассматривать яму, в которую случайно попал.

Яма была довольно большой, но толком рассмотреть ничего не удавалось. Слабый свет с поверхности терялся в глубине пещеры. Вокруг стояли огромные сосуды, лежало оружие. Ванек стал ощупывать стену и все, что находилось рядом. Вскоре его руки нащупали какой-то предмет из дерева. Двигая рукой по поверхности, он наткнулся на полоску из металла. Привыкнув к темноте, увидел перед

собой кованый сундук. Когда он с трудом откинул крышку и последний лучик заходящего солнца проник в пещеру, перед его глазами вспыхнула радуга, отраженная драгоценными камнями. Все было покрыто толстым слоем пыли или каким-то порошком. Ванек и представить себе не мог, что он случайно упал в секретное хранилище Тамерлана...

...Более четырехсот лет тому назад огромное войско Тамерлана остановилось на месте, где река Большой Кумак впадает в реку Джайик. Тамерлан остановился не случайно на месте слияния двух рек. Место было приметное. Впереди его ждала битва, исход которой невозможно было предсказать, а сокровища, которые он всегда возил с собой, могли попасть в руки победителя. Вечером, когда на небе зажглись звезды, он пригласил в свою юрту из белого войлока казначея Этальмаса, который вполз на коленях, приложился губами к ногам Тамерлана и застыл, тяжело дыша, еще не зная, какое испытание выпало ему.

Тамерлан, не мигая, уставился на тлеющие угли очага в центре юрты. Его глаза зачарованно смотрели на голубые огоньки, пробегающие между отдельными угольками. Так и в его голове мелькали мысли, которые выстраивались в цепочку определенного плана действий. Он пнул ногой Этальмаса, тот всем телом плотнее прижался к ковру и почти перестал дышать, боясь за свою жизнь, которая всегда висела на волоске, когда его приглашали в юрту Тамерлана.

Тамерлан шумно втянул воздух, ноздри его почувствовали кисловатый запах конского пота, которым насквозь пропахла одежда казначея, и медленно заговорил: «Этальмас, тебе выпала великая честь. Вместе с тремя

десятками воинов ты должен отправиться с сокровищами рода Тамерлана в верховья реки Джайик по левому берегу и добраться до белых пещер, где в одной из них спрятать все, что добыто в битвах. Установишь наверху камень, который возьмешь с собой. После того, как все спуститесь в долину, надо зарезать десять лошадей и сварить мясо. Мясо надо посыпать порошком. Когда воины заснут вечным сном, надо будет оставшихся коней гнать в сторону движения войска. А с наступлением следующей ночи большая луна взойдет на небе, тебе надо будет подняться на вершину холма и открыть вот это (Тамерлан протянул мешочек), чтобы увидеть награду за свои труды. Ты прекрасно понимаешь, что тела умерших воинов растащат степные хищники, а весенние ручьи с холмов смывают в реку все, что останется».

У Этальмаса перехватило дыхание, он с трудом понимал смысл слов. Тамерлан сказал: «Тебя ждут». Этальмас выполз из юрты. Его ждали воины. В центре стояли пять телег, накрытые сверху серой кошмой. Он тяжело взобрался на низкорослого степного жеребца, и отряд бесшумно покинул стоянку. Полудикские кони довольно быстро передвигались в ночи, а Этальмас прекрасно ориентировался по звездам, да и желание увидеть полученную награду заставляло его чаще ударять пятками в бока коня.

Через две луны, на рассвете, они оказались на холме, густо поросшем можжевельником. В светлых обрывистых берегах виднелись пещеры, их было много. Этальмас позвал Аюкана и сказал, чтобы он осмотрел вершину холма. Аюкан ударил пятками коня, рысью направился к вершине и в одно мгновение прямо на глазах у Этальмаса исчез. Этальмас

потер глаза руками, но Аюкана нигде не было. Этальмас направил своего коня по следам Аюкана и сам едва не угодил в глубокую яму, на дне которой оказался Аюкан. Он провалился в погребальную яму, вырытую несколько тысяч лет назад кочевниками, населявшими эти места и хоронившими своих вождей и жриц на вершинах холмов.

Конь сломал ногу и пытался встать, а всадник был невредим, но конь, падая, придавил его своим телом. Этальмас махнул рукой, и весь небольшой отряд подъехал к яме. Один из всадников взял волосяной аркан, один конец привязал к седлу, другой обвязал вокруг пояса. Двое воинов уложили коня на землю, а другие, упершись ногами в лежащего коня, начали постепенно отпускать веревку. Юлбарыс медленно спускался в яму. Достигнув дна, он одним движением ножа перерезал горло лошади, после чего развязал веревку на поясе, просунул ее под мышки Аюкану и крикнул находящимся наверху воинам. Те подняли коня, взяли под уздцы. Животное сделало несколько шагов и выдернуло тело Аюкана из-под лошади, и оно медленно стало подниматься наверх.

Юлбарыс ножом разрезал тушу лошади на куски, которые тоже были подняты наверх. Осмотрев погребальное помещение, он схватил волосяную веревку, которую ему сбросили сверху, и стал медленно подниматься на поверхность. Как только он выбрался, к нему подъехал Этальмас, и они довольно долго вместе стояли на краю погребальной ямы. Юлбарыс подробно рассказал о размерах погребального помещения.

Этальмас принял решение спрятать сокровища здесь. Он дал команду нукерам готовить сокровища для спуска под

землю. В сумерках воины опустили под землю привезенные сокровища. Когда работа была закончена, Этальмас приказал Юлбарысу и еще двум нукерам спуститься в подземное хранилище и разложить там сокровища в определенном порядке, а также приказал опустить к ним четыре глиняных кувшина, наполненных темным порошком. Нукеры под присмотром Юлбарыса насыпали из кувшинов в пригоршни порошок и посыпали толстым ровным слоем все драгоценности и пространства между ними. Когда все было закончено, они поднялись на поверхность.

Этальмас приказал разобрать телеги и заложить небольшое отверстие, через которое можно было проникнуть к сокровищам. Сверху он приказал набросать камней, а наверх установить большой белый камень, привезенный с собой.

Тамерлан сказал, что белый камень поможет найти место, где спрятаны сокровища, потому что днем ничем не отличающийся от других камней, ночью этот камень светится зеленоватым цветом. А на вершине холма он хорошо будет виден издалека.

Все сильно устали, хотели есть. Этальмас приказал всем садиться на коней и следовать за ним. Проскакав небольшое расстояние, они спустились в низину и спешили возле родника. Этальмас приказал зарезать лошадей и сварить их мясо. На земле были установлены большие медные котлы, заготовлен хворост. Нукеры разожгли костры, и яркие языки пламени вспыхнули в ночи. Люди с нетерпением ждали обильной трапезы.

Костры, прогорев, стали медленно затухать. Люди начали вытаскивать большие куски мяса и раскладывать их на

медные блюда. При помощи ножа они стали отрезать небольшие куски и с жадностью, почти не пережевывая, глотать. Никто в темноте и не заметил, что Этальмас, доставая мясо из котлов, посыпал его порошком. Быстро насытившись, нукеры начали устраиваться на ночлег. Расстелив кошму и положив под голову седла, все заснули вечным сном. Остался один Этальмас. Он быстро вскочил на своего коня и погнал небольшое стадо лошадей в обратный путь. Ему не терпелось увидеть обещанную награду Тамерлана.

Впереди виднелся высокий холм. Спрыгнув с коня, Этальмас стал взбираться на вершину. Чем выше он поднимался, тем светлее становилось вокруг. Добравшись до вершины, залитой лунным светом, запыхавшийся, он трясущейся рукой вынул из-за пазухи мешочек. Дух его перехватило. Он упал на колени. Трясущимися руками развязал мешочек, засунул в него руку и нащупал что-то твердое. Он резко одернул руку. Лучики яркого света ослепили его: это было кольцо с огромным брильянтом. Этальмас хватал воздух ртом, как рыба. Его трясла мелкая дрожь, весь он покрылся холодным липким потом. Придя в себя, Этальмас стал надевать на указательный палец левой руки кольцо. Оно свободно наделось, сверкнув разноцветными лучиками, перевернулось в сторону ладони. Этальмас стал поправлять кольцо и надавил на выпуклости по бокам. Он почувствовал легкий укол в палец, дернул правой рукой и кольцо, сверкнув алмазной россыпью, упало на землю. Этальмас с перекошенным лицом рухнул на кольцо.

Все вокруг было залито лунным сиянием. В окружающем мире ничего не произошло – ночь, холм, луна,

только не стало и последнего человека, выполнившего волю великого Тамерлана...

.....

Ванек рукой нащупал какую-то круглую жердь, которая довольно хорошо сохранилась. Мальчик решил по ней выбраться наверх. Чтобы лучше рассмотреть помещение, он стал в темноте ощупывать дно ямы. Руками он наткнулся на острые камни, подобные он подбирал, играя на берегу реки, и приносил домой. Дома, забравшись на кровать под одеяло, он ударял камнем о камень и высекал искры. Дед ему рассказывал, что если искры попадут на сухую паклю, она может загореться. Ванек с силой ударил камень о камень, искра вспыхнула и погасла. Воодушевленный, он начал высекать искры, которые летели в разные стороны. Одна из них попала на вещество, толстым слоем покрывавшее все предметы. И оно загорелось. Огонь довольно быстро стал распространяться вокруг. Перепугавшись, Ванек с необычайным проворством, стал карабкаться вверх по жерди. И когда его голова уже показалась на поверхности, раздался сильный взрыв. Из ямы вырвались языки пламени, вверх полетели комья земли и камни, а вместе с ними и Ванек. Он вылетел на белый свет и упал на склон холма. Скотившись вниз к роднику и с трудом открыв глаза, Ванек увидел перед самым носом зеленую лягушку. Но сознание его покинуло.

Ванек представлял собой жалкое зрелище. Одежда на нем местами сгорела, оставшиеся лохмотья были совершенно черные, а голова полностью седая. Ванька случайно обнаружил пастух, который искал корову, отбившуюся от стада. Спустившись вниз с холма, пастух

хотел набрать у родника холодной воды и увидел лежащего мальчика. Соскочив с лошади, он перевернул подростка, обрызгав его холодной водой. Ванек не двигался, не открывал глаза и не шевелился. Перепуганный пастух взял его на руки и понес в сторону дороги, ведущей в станицу. Дойдя до обочины дороги, он присел. Вдалеке была видна черная точка, которая медленно приближалась. Вскоре явственно обозначились очертания телеги. Подросток стал стонать, его лоб покрылся крупными каплями пота. Подъехавший казак Иосиф соскочил на землю и помог пастуху Ермолаю уложить мальчика на телегу. Ермолай дрожащим голосом рассказал, как нашел мальчика. Иосиф, присмотревшись внимательно, вскрикнул. Что же это такое творится, это же Ванек! Попрощавшись с Ермолаем, Иосиф хлопнул вожжами, и лошадь медленно потащила телегу по степной дороге.

До станицы добрались поздно вечером. Иосиф решил сразу ехать к фельдшеру. Подъехав к дому, он бережно на руки взял Ванька и занес его в прихожую. Старый фельдшер Кузьмич только что поужинал и собирался выйти во двор покурить. Двери прихожей распахнулись, и на пороге появилась фигура Иосифа с Ваньком на руках.

За свою долгую жизнь Кузьмич видел всякое, но такое, даже его, участвовавшего в сражениях, потрясло до глубины души. Иосиф держал на руках подростка, волосы которого были совершенно седые. Приглядевшись, он узнал Ванька, который жил на соседней улице и слыл отчаянным озорником. Фельдшер, молча, подошел к Иосифу, дотронулся до седой головы мальчика. На какой-то миг его сознание отключилось: перед ним, словно наяву, проплывали картины,

связанные с этим подростком и его другом Кольком. Они были всеми узнаваемыми мальчишками, здоровыми, озорными, полными энергии и сил, и не знали, куда их приложить. Судьба сыграла с ними злую шутку, изуродовав лицо одного и обесцветив волосы и помутив разум другого. Что это - предостережение для других?

В этот момент сознание Кузьмича вернулось в реальный мир. Он сказал Иосифу: «Мальца положи на пол». И начал ощупывать худенькое тельце. Закончив обследование, он произнес: «Жить будет». Послал Иосифа за родителями Ванька. А сам сел на лавку, опустив голову.

Время тянулось медленно. Мерно тикали ходики, шуршали мыши в подполе. За печкой выводил свои трели сверчок. Но вот дверь отворилась, и толпа родственников Ванька вошла в комнату. Люди, затаив дыхание, пораженные увиденным, застыли. Раздались рыдания матери, причитания бабки Ефросиньи. Когда все понемногу успокоились, устремив свои взоры на Кузьмича, тот встал и посмотрел на отца Ванька, с нескрываемым сожалением сказал: «Плохи дела, но надо надеяться. На все воля Божья». Ванька забрали домой.

Шли дни, недели, постепенно молодой организм набирался сил. Ванек стал выходить вечером посидеть на завалинке вместе со стариками, которые с удовольствием слушали его рассказ об увиденном, о каких-то предметах, посыпанных сверху порошком. Когда он рассказывал, то приходил в сильное возбуждение. Глаза его становились мутными, в уголках рта появлялась пена, и все это заканчивалось приступом, во время которого его могли с трудом удержать несколько здоровых мужиков. Но время шло, и к этому все уже привыкли. И никто уже всерьез не воспринимал бредовые речи больного юноши.

Но однажды поздней осенью произошел странный случай. Пропал молодой казак Василий. Все жители станицы три дня искали пропавшего в степи. И совершенно случайно обнаружили его на вершине холма. Осмотрев его окоченевшее тело, они не обнаружили никаких следов, кроме запекшейся капли крови на среднем пальце правой руки, да застывшее на лице выражение удивления от чего-то увиденного. Осмотрев промерзшую землю и ничего не найдя, станичники поймали коня и направились обратно в станицу. Темными зимними вечерами об этом событии долго судачили местные казачки.

Незаметно прошла суровая зима. Все были заняты подготовкой к севу. Дел было много. Надо было и упряжь в порядок привести, и зерно проверить, вовремя землю вспахать, да и в сжатые сроки успеть зерно в землю бросить. Ведь не зря говорят: «Весенний день год кормит». В заботах будничных дней промелькнула лучшая часть года – весна красна, а тут и лето на пороге с душистым запахом сена, теплыми вечерами, ночной пастьбой скота на сочных заливных лугах.

К этому времени Колек вырос, стал крепким юношей, получившим прозвище «губатый» из-за своей вывороченной верхней губы, которая навсегда испортила его лицо. Местные молодые казачки сочинили частушку и распевали ее, гуляя вечером по улицам станицы: «Ходит парень по станице, всем он улыбается. Оказалось у него рот не закрывается». Для Николая, уже взрослого парня, это было очень обидно, тем более что вся станица знала, по какой глупости он получил травму лица. Щуки, которых он собирался ловить, сильно не пострадали. А вот он получил

украшение на всю оставшуюся жизнь. Довольно часто он встречался со своим бывшим другом Ваньком. Но отношения как-то не складывались. Из-за своего заболевания Ванек воспринимал происходившее не так, как все, и жил в каком-то своем мире, где ему было комфортно, а для других туда доступ был закрыт.

Ванек пристрастился ездить в ночное с пастухами. Костер, запах печеной картошки, звездное ночное небо завораживали его. Еще он любил ночью ездить на лошади, вдыхая ароматы степных трав. Однажды в полнолуние, когда он довольно далеко отъехал от косяка лошадей, на вершине холма он увидел зеленоватый светящийся предмет. Ванек долго смотрел, как зачарованный, на это чудо, пока не занялся рассвет и видение исчезло. Юноша с трудом нашел пасущихся лошадей и дремлющих возле костра пастухов. Растволкав их, начал рассказывать им о том, что видел. Дед Егор махнул на него рукой, перевернулся на правый бок и засопел. Его примеру последовали Василий и Степан. Когда вернулись в станицу, Ванек вечером, нарядившись, направился на посиделки. Но молодым совершенно не интересно было слушать небылицы Ванька, которого они всерьез не воспринимали.

Прошли годы. По-разному сложились судьбы жителей станицы. Не осталось в живых ни Ивана, ни Николая, ни наследников сокровищ Тамерлана, только старая бабка Матрена, ровесница этих парней, рассказывала своим внукам то ли правду, то ли небыль о сокровищах и двух озорных сорванцах, чья жизнь, возможно, кого-то заставит задуматься над своими поступками, а кого-то толкнет на поиски сокровищ Тамерлана.

Сон-трава

Вабка Матрена, громко охая, согнулась в три погибели над куртиной сон-травы. Шевеля губами, она стала произносить заговор прежде, чем срезать яркие голубые цветы. Весенние первоцветы адонис, сон-трава, степные ирисы обладали чудодейственной силой, при помощи которой можно было поставить любого хворого на ноги. Матрене шел уже восьмой десяток лет, но она еще была крепкой старухой, которую уважали и боялись станичники. Да если бы не судьба, пригнувшая ее тяжким грузом к земле, она многим молодым могла бы показать, как на земле работать надо. А теперь вот хоть и силы есть да горюшко горькое надломило ее словно камышинку ветром. Не может она распрямиться.

Наконец, ее скрюченные тяжким трудом руки нащупали опушенный стебель цветка, и она невольно залюбовалась его красотой. Куртина сон-травы была единым букетом, составленным самой природой, здесь все было к месту. Срежь один цветок – нарушится гармония не станет единства между красотой цветка и окружающими растениями. На следующий год вырастут новые цветы, новые травы, степь останется той же, только это уже будет все другое.

Матрена, глубоко вздохнув, срезала несколько цветков. Налетевший ветер качнул стебельки цветов, словно

они прощались навсегда с оставшимися и приветствовали ее. Пристально глядя на куртину, она поклонилась в пояс. Перевязав цветы льняной ниткой, Матрена положила их в небольшой мешочек, который был почти полностью заполнен целебными травами. «Пора домой» решила она и, шаркая ногами, пошла по знакомой ей тропинке к станице.

Весеннее солнце молодое, яркое, жгучее своим светом и теплом делиться с каждым, кто попадает к нему на пути, придавая ему силу и уверенность. На пригорке желтым цветом зацвела чилига – любимое место обитания мышей да ящериц, а иногда и гадюк. Вроде бы растеньице невзрачное, а чилиговые веники были в каждом доме и двор подмести, и зимой снег с валенок смахнуть. Как без них, польза и человеку и степным обитателям. Все в этом мире и к месту, и ко времени. Наблюдай, запоминай, все впрок пойдет. Так рассуждая, Матрена добрела до своей избенке стоящей на краю станицы. Время и избу не пожалело. С годами крыша просела, стены потрескались, бревна почернели, на северной стороне кое-где появился мох. Только вот забор да ворота, сделанные из лиственницы, никакие невзгоды не брали – словно только вчера были поставлены.

Матрена подошла к дому и присела на крыльцо, которое во всех казачьих домах выходило не во двор, а прямо на улицу. Станичники ходили через крыльцо, а ворота были нужны для сельскохозяйственных нужд. Солнце нагрело своими лучами не струганные доски. Сидеть было одно удовольствие после долгой ходьбы, да и боль в сердце понемногу отпускала.

Вся жизнь у Матрены прошла в станице Озерной. Помнит, как приехали они в крепость на новой пограничной

линии. Степь кругом, ни кустика, жара как в бане, на песке босыми ногами стоять нельзя. Ребятня вприпрыжку, в полуденный зной устремлялась к единственному спасительному месту реке Кумак. Здесь по берегам открывался совсем другой мир: кое-где росли плакучие ивы, серебристый тополь, в тени которых можно было укрыться от палящих лучей. Скинув с себя одежду, можно было окунуться в прохладные воды реки. Вот где была истинная радость жизни. Подростки и ребятня прыгали с берега в воду, плавали, кто, как мог, кто по-собачьи, а некоторые в размаху или на спине. Стоял визг, смех, а иногда и рев малолетних, которых ради забавы бросали в воду, чтобы они учились плавать. Радужные брызги разлетались во все стороны. Прямо земной рай: ни забот, ни присутствия взрослых, заставляющих выполнять работу по дому и нянчить младших братьев и сестер. Это была пора золотого беспечного детства, от которого остались радостные воспоминания, как о беззаботном счастливом времени. А впереди юность самая тревожная пора, когда формируются взгляды, строятся отношения между молодыми людьми, которые в дальнейшем повлияют на судьбу человека.

Матрена в этом возрасте была редкой красоты казачка. Высокая, крепкая, с белым лицом, темными блестящими глазами, черная тугая коса до пояса, вздернутый носик, алые сочные губы, ямочки на щеках, придававшие задорный вид, который бывает, свойственен только детям. На ее губах всегда блуждала улыбка. Девушка производила неизгладимое впечатление на окружающих. Когда Матрена шла летящей походкой по улице, многие невольно оборачивались ей вслед – кто с любовью, а кто и с

завистью. Не каждая девушка расцветает таким ярким цветом в свои восемнадцать лет. Но каждому свое. Её вот природа одарила и умом, и красотой, и здоровьем. Первая красавица станицы нравилась многим лихим молодым казакам, и они старались оказать ей свои знаки внимания. Кто как мог. Некоторые шутками, другие на вечерних гуляньях сочиняли частушки, а иные пытались руки распускать. Но не тут-то было.

Известный в станице любитель молодых девок Петр попробовал на одной из вечеринок прижать Матрену к себе и получил такого «леща», что отлетел на край завалинки. А на следующий день об этом узнала вся станица. Рука у Матрены была тяжелая. У Петра от пощечины щека опухла так, что стыдно было показаться на улице. Несмотря на конфуз, который с ним произошел, Петр решил покорить сердце красавицы. Нигде он ей проходу не давал. Родители купили ему новую форменную одежду, которая ему была очень к лицу, в ней он щеголял по улицам станицы. Многие молодые девицы тяжело вздыхали, когда он проходил мимо. Петр и его дружки были отчаянные драчуны. Заводилой был Петр. Надо сказать, дрался он мастерски. Силой бог его не обидел. Одержав победу в очередной потасовке, он хвастался, создавая о себе славу храбреца, что ему все нипочем и если придется воевать, то уж он точно заслужит георгиевский крест за совершенный подвиг.

Рядом с домом Матрены стоял дом зажиточных казаков Кожаных. У них был всего один сын Николай, тогда как в других семьях было по десять-двенадцать детей. Кожаны имели небольшой участок земли под посев зерновых и участок сенокосных угодий. Землю в станице

давали только на родившихся мальчиков, так как казаки получали основной доход от земли. В сравнении с другими казаками семья Кожаных жила скромно. Николай был старше Матрены на три года. Николай стал заглядываться на соседку. Девушка вызывала в нем бурление чувств. Если ее случайно увидит, так долго успокоиться не может. Однажды, после встречи с Матреной Николай зашел в свой двор, а там отец Кондратий только что привез телегу сухих дров. Кровь у Николая бурлила и прилиwała к щекам, сердце бешено колотилось, в висках как будто молоточки стучали. Возбужденный, он взял в руки топор и за несколько часов переколол все дрова, сложив их у стенки сарая. Кондратий, прилегший отдохнуть после обеда, вышел во двор и глазам своим не поверил: телега была пуста, дрова лежали на отведенном для них месте. Кондратий почесал затылок и задумался, что это за чудеса. Обычно они вдвоем с сыном за день управлялись, а тут раз и все готово. Кондратий был казак умный, имел большой жизненный опыт, он решил: «Сына надо женить, что ему в перестарках ходить. Вон его одногодки уже все семьями и детьми обзавелись». Довольный своим решением, он позвал Николая в избу чай пить. «Умаялся, небось, на солнцепеке дрова колоть, успели бы и завтра вдвоем» обратился к сыну Кондратий. Но ответа на свое обращение не получил. Николай, молча, поднялся на веранду, и они пошли пить чай. Жена Кондратия Степанида пекла пироги. Аромат свежей выпечки разносился по всей избе, приятно щекотал ноздри. Румяные пироги лежали на столе, не хватало только чая. Кондратий сказал Степаниде: «Ты мать нам самовар приготовь, а то от твоих пирогов такой дух идет, что

отведать бы самый раз, а то слюной изойдешь». Степанида вышла во двор, поставила самовар. А Николай снял с себя мокрую от пота рубаху, помылся у ручейника, переоделся в чистую одежду и сел рядом с отцом. Но вот незадача, не знал Кондратий с чего начать разговор о главном. И он решил схитрить.

Когда Степанида принесла самовар, и все собрались за столом Кондратий разломил пирог. Янтарная начинка из яблочного повидла и неповторимый аромат сдобы приготовленной с любовью Степанидой, вызвал желание насладиться изысканным вкусом. Все молча стали, есть пироги, которые таяли во рту, запивали ароматным чаем с запахом мяты и чабреца. Кондратий сделал вид, что поперхнулся, прокашлявшись, сказал: «Мать, тут я вот с дровами и совсем забыл, что когда ехал домой, бабка Лукерья попросила тебя срочно зайти, дело у ней к тебе какое-то имеется. Может срочное». Степанида встала, накинула на голову платок и вышла из избы. С чего начать разговор – только одна мысль и крутилась в его голове. Наконец, он решился: «Николай, а не присмотрел ли ты какую девицу замуж позвать. Год в этом году будет урожайный, колос крупный, влаги много, зерно соком наливаются, да на заливных лугах на нашем участке сена достаточно накопим, чтобы корову, да и лошадь приобрести. Вот урожай уберем, да и свадьбу сыграем. Как думаешь?» Знал Кондратий, что не просто будет дать ответ Николаю. Хоть и молодой он был, но с изъяном. Случилось ему с отцом два года тому назад в стычке на границе участвовать. Шальная пуля повредила ему жилу на ноге. С того времени так он полностью и не оправился. Рана

затянулась, ходить стал, припадая на правую ногу. Пробовал по вечерам с молодежью гулять, но время было мирное парней красивых было много, кто за хроменького пойдет, когда от кавалеров отбоя нет. Походил, походил, да и бросил. Сам Николай парень видный, обладал недюжинной силой, но вот хромота, да скромность, не позволяли ему познакомиться с бойкими на язык казачками. Время шло. Казачки его возраста замуж повыскакивали. А он вот теперь еще и на соседку красавицу глаз положил. Люба она ему, но как к ней подойти, он и сам не знает. Огонь девка обожгла его сердце. Покоя он лишился, а отцу что сказать не знал. Сжал пальцами край стола, они аж побелели. Сказал тихо: «Время надо подумать» - и вышел из-за стола. Зашел в горницу, смахнул с глаз набежавшую слезинку. Помолился на образа: «На все воля божья. Отец этот вопрос не решит надо самому пробовать. В сражении смерти не испугался, а здесь вот растерялся». Решил, будь, что будет. Вот пойду сегодня вечером гулять вместе с молодежью, а потом провожу Матрену до дома, по пути же. Надев новую рубаху поверх брюк, расстегнув верхнюю пуговицу, перекрестившись, вышел из дома и направился к Никольской церкви, расположенной на самом высоком месте в центре станицы.

Церковь была стержнем всей жизни каждого с рождения. Когда крестили младенца, на него сходила божья благодать. Многие младенцы, когда их окунали в купель, улыбались, получив защиту от Господа. Вера каждого, соблюдение заповедей Божьих позволяли сохранить нравственную чистоту, победить недуги, найти утешение в старости. Никольская церковь славилась огромным

колоколом. Он весил двести пятьдесят пудов и был отлит на заводе Демидова. Уникальный звон колокола волнами окутывал станицу, отгоняя всю нечисть. Взрослые казаки, услышав звон колокола, если шли, невольно останавливались, поворачивались лицом к церкви и крестились. В душе наступало истинное умиротворение, и отступали тревожные мысли. Взгляд на события менялся, в душе зарождалась надежда на благополучный исход. Заканчивался жизненный путь отпеванием усопшего, прошедшего все испытания, выпавшие на его долю. Кто выстоял, благодаря вере, а кто поддался искушению, но выбор был у каждого, по какой дороге пойти – или нести смиренно крест судьбы, или, ища обходные пути жить, нарушая заповеди Божьи. Каждому воздастся по делам его и каждый в конце обратиться к Богу, если будет воля Божья, возможно сможет и покаяться в вольных и невольных прегрешениях.

Николай бодро шагал в сторону церкви, где обычно на площадке собиралась молодежь: парни и девки прежде чем разбрестись по своим улицам, устроиться на завалинках, походить с гармонью по улицам, а то и подраться. Драка была одной из распространенных забав молодежи, которая всячески поддерживалась старшими. Дрались улица на улицу, иногда один на один, но довольно часто на праздниках и на свадьбах. В драках иногда принимали участие вместе с молодежью и женатые казаки. Правил особых не было, вход шли и кулаки, и колья, а иногда здоровые мужики и оглобли пускали в ход. Была поговорка: «Какая же это свадьба, если драки не было». Так, что выходя вечером из дома, любой парень мог вернуться с

синяком под глазом. Такие вот были традиции в казачьих станицах.

Николай на всякий случай посматривал по сторонам, чтобы сориентироваться, откуда можно было ожидать неприятностей. Но все было спокойно. Он шел мимо прямоугольных рубленых из лиственницы изб, накрытых тесовыми досками или железными крышами с большими верандами во всю длину дома, множеством окон и резными ставнями. Дома стояли друг от друга на расстоянии. Казаки жили зажиточно, имели полуподвальные помещения, где хранили муку, крупы, соленья, припасы на зиму.

Николай здоровался с сидящими на ступеньках веранд и завалинках станичниками. В центре станицы он увидел группу парней и направился к ним. Подошел, поздоровался. В центре стоял Петр, откинув чуб, и скривив губы, он сказал: «А ты что это с печи слез, молодость, что ли вспомнил». Сверстники Петра громко захохотали. Николай ответил: «Тебя молокососа забыл спросить, что мне делать». Повод был - можно было и подражаться. Петр подошел вплотную к Николаю, толкнув ладонью в грудь, сказал: «Проваливай с нашей улицы, иди на свою, там и сиди со стариками, а тут тебе делать нечего, прошло твое время, девки наши. Своих прозевал, чужих не тронь» - и наотмашь ударил Николая в челюсть. Николай даже не шелохнулся, только опустил ниже голову и, что есть силы, ударил обидчика в лоб кулаком. Петр оторвался от земли и плюхнулся на спину в грязную вонючую лужу, а перед глазами у него стали вспыхивать яркие молнии, как будто попал в сильную грозу, потом поплыли радужные круги и наступила полная темнота. Одногодки Петра смотрели на

своего предводителя, совершившего полет в лужу, где поднимались со дна и лопались пузыри. Петр дернул ногами и затих. Минуту спустя друзья поспешили на выручку Петру. Когда его бледного и облепленного грязью подняли из лужи, неожиданно появились молодые девки. Одна из них сказала: «Свинья грязь найдет» - и все громко рассмеялись, рассматривая оглушенного ничего не соображающего Петра. «Вы его ребятки в баньку отнесите, а то, как бы, не пропал, лето же» - и опять раздался звонкий смех. Петр не соображал, его сильно мутило. Лучший друг Петра Федор сказал Николаю: «Ну, ты нам еще попадешься, мы это так не оставим» - и потащили обмякшее тело Петра домой. На крыльце дома сидел дед Ефим, куря глиняную трубку. Видя процессию несшую тело внука, сказал: «Вроде бы и войны нет, а уже раненных несут». На крыльцо вышла мать Петра – Фросья и запричитала как над покойником. Дед Ефим вынул трубку изо рта и, прищипнув на глупую бабу, сказал: «Не та пошла молодежь, гляди ветром, что ли с ног сбивает. А у нас ветра сильные, если молодых начнут таким почетным эскортом домой доставлять, что же нам старикам тогда делать». И, обращаясь к Фросье, добавил: «Ты чем выть, лучше бы фельдшера позвала, пусть посмотрит на этого Анику-воина» - и раскурил потухшую трубку.

Николай пришел домой, сел под образа и призадумался, а тут еще отец зашел в горницу и сказал: «Что-то ты сын рано с гулянья пришел». Николай ничего, не ответив отцу, вышел на улицу. Свет полной луны заливал двор бледным светом, раздавался лай собак. Николай спустился с веранды, подошел к цветущему кусту

черемухи в палисаднике. Горьковатый приятный запах отвлек его от тяжелых мыслей. Постояв и успокоившись, он решил пройтись до конца улицы. Вдалеке он увидел девичий силуэт, подумал, что это Матрена идет домой. Перешел улицу и пошел ей навстречу. Встретились на перекрестке. Матрена вначале испугалась, так как сразу соседа и не признала. Но разглядев, что это Николай, ее сосед, с которым она, когда еще была ребенком бегала на речку, играла в лапту, в выбивалы, успокоилась. Когда Матрена выросла, она только здоровалась с ним при встрече. Не ровня он ей был. Да и как-то привыкла - сосед. Это как что-то обыденное и интереса у тебя не вызывает. Это как в жизни: растет сирень в палисаднике, проходишь, каждый день и не замечаешь. Наступит месяц май, и крупные сиреневые гроздья покроются мелкими цветами. Невольно остановишься и залюбуешься – красота та, какая, а воздух – не надышишься. И пока сирень цветет, она привлекает внимание взрослых и девок, которые ломают веточки сирени и ходят с ними вечером по улицам, а иногда и ставят букеты дома. Пройдет май, отцветет сирень, и люди начнут любоваться белым кипеньем яблонь, которые словно невесты окутаны цветами. В свое время и на Николая многие молодые казачки обращали внимание высокий, работающий, широкоплечий, с приятными чертами лица. Да вот уж очень был стеснительным и не разговорчивым. Пока он собрался с понравившейся ему Нюркой познакомиться, ее уже сосед уговорил под венец идти.

Очередь его пришла, в наряд на редут ехать, границу охранять, а там стычка произошла казачьего разъезда с

нарушителями границы, его в ногу и ранило. Привезли его на рудут, ногу перевязали, да на телеге с сопровождением отправили в станицу. Ранение было тяжелое, полгода лечила его бабка Лукерья разными травами. Жизнь то спасла, но нога не стала сгибаться, и ходил Николай, прихрамывая по деревне как старый дед, только без батожка. На всю жизнь запомнился ему настой сон-травы, которым Лукерья его поила. Боли были такие, что криком кричал, спать по ночам не мог. Приходила бабка Лукерья приговаривала: «Вот выпей касатик настой сон-травы так тебе и полегчает». Выпьет чашку отвара, боль постепенно покидает измученное тело, сознание обволакивает какое-то чувство полета, все кружится и сверкает как в новогоднюю ночь и наступает внезапный провал в сознании, будто в яму упал, открываешь глаза – на дворе утро. В открытое окно слышно чириканье воробьев, воркование голубей. Встает Николай голова ясная, жить хочется. Что уж за состав лекарственного зелья делала Лукерья Николай и не знал. Однажды, он спросил Лукерью: «Чем это ты меня поишь?», а она и говорит: «Сон-травой, милок сон-травой».

Со строевой службы Николая списали подчистую, как инвалида. Пока он лечился да восстанавливался девки-яблоньки, погодки его все замуж и повыходили. Краснобаев то среди казачков много было, да и девок цвет короток, не успеешь вовремя замуж выйти, облетит цвет, все мимо проходить будут, не обращая внимания. Так уж выходит, что некоторые по большой любви выходят, некоторые за богатство, другие по глупости, а иногда, чтобы в девках не остаться. Вот и Николай жениться вовремя не успел, возможно, родители и подыскали ему бы в жены казачку

его возраста. Но на грех влюбился он в неровню соседку Матрену, с которой вот теперь встретился на перекрестке и не знал, что сказать.

Матрена завела разговор первая: «Что это ты Николай не спишь?». Николай ответил: «Да вот полнолуние, луна в окно светит, разве уснешь». «А ты бы занавеску задернул, она бы тебе и не мешала. Или ты куда-то собрался?» - спросила она. «Может, какую молодуху завел?» Николай замялся и невнятно промолвил: «Дык понимаешь, раз не спиться, решил вот по улице пройтись свежим воздухом подышать. Вижу, ты идешь». Да не подумавши, сказал: «Увидел тебя, обрадовался и подошел». Матрена со смешком спросила: «Чему это ты сильно обрадовался? Ведь днем сегодня здоровались иль, поди не помнишь, как мой дед, который тем и занят, что свою трубку ищет». От этих слов Николая бросило в жар. Язык онемел, а ноги приросли к земле. А Матрена продолжила: «Но раз уж так обрадовался, то проводи меня до дому». И гордо подняв голову, направилась к дому. Николай шел рядом, сердце учащенно билось в груди, ладони были мокрые, будто только в рукомойнике помыл, а вытереть позабыл. Не разговаривая, дошли до дома. Матрена остановилась у палисадника с цветущей сиренью. Николай встал рядом и не отрывал глаз от девичьей фигуры. Он был счастлив, как никогда. Наконец, он сказал: «Сирень то в этом году цветет как никогда буйно» - и замолк. Матрена, еще немного постояв, сказала: «Николай пошли по домам, а то нас комары живьем съедят». Она буквально взлетела на крыльцо, хлопнула дверью и скрылась из глаз. Николай стоял словно истукан. Полез в карман, достал трубку,

раскурил. Облачка дыма отогнали надоедливых комаров, не заметил, как стало светать. Пора домой. Перешел через дорогу, постоял на крыльце, посмотрел с тоской на дом Матрены и пошел спать.

Утром его разбудил кот, который где-то ночью блудил и теперь устраивался на ночлег, издавая громкое мурлыканье, удобно устраиваясь под рукой у Николая. Только кот затих, вошел отец и сказал: «Вставай Николай. Поедем в луга, посмотрим место для стана. А то в жару в степи весь потом изойдешь». Перекусив на скорую руку, собранную Степанидой на столе еду, запив чаем, перекрестившись на образа, запрягли в телегу Буланого и выехали со двора. Николай, сидя в телеге, думал о предстоящем сенокосе. Работа тяжелая. Вымотаешься на ней пока всю делянку выкосишь, а тут еще комарье. Луга заливные, после разлива по берегам остается множество луж, в которых выводятся тьма комаров. За день умаешься, придешь на стан, а там ложку до рта донести комары не дадут, норовят в рот попасть. Спать ляжешь, так они, где открытый участок тела найдут, сразу кусают. Тело все чешется. Немного от них спасает дым, если бросить в костер сухой навоз да сухую траву. Комаров меньше стает, за то дым глаза ест. Хорошо еще если стан разбит на возвышенности, тогда если есть ветерок, то их в сторону сгоняет. Получается вместо сна сплошная пытка. Всю ночь промучаешься, а чуть свет на делянку пора. По первой росе уже косить начинать, а их проклятущих в траве не намного меньше. Сенокос дело ответственное. Здесь и сила нужна и смекалка. Не только косой махать приходится, но и траву сгрести надо вовремя, чтобы не пересохла, да скирды

правильно поставить, а главное завершить каждую так, чтобы летний дождь не промочил, сено вмиг сопреет. Потому как Илья-пророк любит похулиганить – в яркий солнечный день, откуда невозмись набежит тучка, сверкнет молния, гроыхнет гром и с неба, как из ведра прольет дождь. Неправильно завершённые скирды и промокнут, а солнышко жаркое выглянет, и сено почернеть успеет, пока его с делянки привезут. А прелое сено никому не нужно. Вот поэтому и поехали отец с сыном выбрать место для стана и к воде поближе и на возвышенности, чтоб ветерком обдувало, да определиться, где скирды ставить, чтобы удобнее было вывозить.

Николай повернул голову и увидел на холме куртинки синих цветов очень ярких по краям они синие, а внутри ярко-желтые. Телега, ехавшая по степной дороге, сильно тарахтела. Николай толкнул отца ладонью в плечо. И когда тот повернул к нему голову, спросил: «А что это за цветы?». Отец ответил: «Сон-трава это сынок. Сколько себя помню, всегда глаз весной радует. Только вот скоро отцветет». На обратном пути Николай попросил отца остановить телегу и нарвал букет красивых цветов с опущенными стеблями. Понюхал, но они ничем не пахли. Отец неодобрительно хмыкнул: никогда казаки цветы не рвали, правда, слышал от одного солдата, что в городе девушкам цветы будто бы дарят. Как-то он их называл. Вспомнил, кажется, название у них странное – розы. Да ну их эти цветы. Вот только зачем Николай сорвал. Кроме бабки Лукерьи, которую за глаза называли ведьмой, никто в станице цветы не рвал и домой не носил. Странно, подумал он, что же Николай с ними делать будет.

Приехали к ужину, распрягли коня, телегу откатали на место. Отец пошел к рукомойнику, а сын пошел в дом взять белье, чтобы до ужина попариться в баньке. Весь день мужики были в поле, умаялись на жаре, да проголодались. Степанида выставила на стол наваристый мясной борщ с красной свеклой, изрядно приправленный жирной сметаной, да пироги с начинкой из перьев молодого лука с яйцами, винегрет, да свиное сало с прослойками мяса. Нарезала свежий испеченный хлеб и позвала к столу. Николай вышел из бани весь красный, как вареный рак, выпил холодного квасу и подсел к столу. Первую ложку зачерпнул отец, а за ним мать и сын. Ели молча. Во время еды разговаривать было не принято. Наевшись досыта, каждый занялся своим делом. Мать стала мыть посуду, Кондратий чинить сбрую, а Николай собираться на улицу.

На улице стемнело, и Николай незаметно вышел из избы, боясь пропустить момент, когда Матрена выйдет из дома. Подойдя к ее палисаднику, он одну руку держал за спиной, чтобы никто из глазастых прохожих не увидел букетик цветов, который крепко сжимал Николай в правой руке. Скрипнула дверь, Матрена спустилась по ступенькам с веранды и очутилась рядом с Николаем. От неожиданности она вскрикнула: «Ты кто?!». Но увидев, что это Николай усмехнулась и спросила: «Что тебе надо?». Николай, молча, протянул трясущуюся руку с букетиком. Матрена посмотрела, понюхала и сказала: «Эка невидаль, на холмах их полно растет» и бросила их на землю. «Еще казак лихой, нашел, что девушке подарить. Лучше бы красные бусы, а то траву. Я тебе, что корова какая-то» - и фыркнув, прошла мимо Николая. Уши Николая горели,

будто к ним сковородку приложили. Опустив плечи, смачно плюнув, он пошел домой. Сел на веранде, остыл и пошел спать.

Николай за делами по хозяйству забыл о драке с Петром, а зря. Петр оклемавшись, решил, если один на один он с Николаем не справится, так его надо проучить вместе с дружками Матвеем, Ильей и Семеном. Вчетвером они Николая проучат, будет ему неповадно за Матреной бегать, да и за свое унижение отомстит. Довольный задуманным планом, он решил подкараулить Николая у дома. Только свечерело, Петр с дружками спрятались за палисадником избы Николая и стали ждать. Раздались шаги, из-за палисадника вышел Николай. Первым на него бросился с колом, заранее выдернутым из плетня соседней избы, Матвей. Николай, услышав шаги за палисадником, перед ударом успел повернуть голову. Удар пришелся по носу, кровь ручьем хлынула на рубаху. Николай не успел, и подумать, как Петр нанес ему кулаком, с зажатой в нем фунтовой гирькой, удар в челюсть. Не смотря на то, что в быту Николай был смирным, драться не любил и никого не обижал, но как говорят и мышь бросается на кошку, когда бежать некуда. Правда это или нет, но Николай пришел в ярость. Коротким и точным ударом кулака в приоткрытый рот Петра он нанес удар и выбил ему все передние зубы. С размаху ударом левой руки он ударил в грудь Илью, а Семен бросился бежать так, что только пятки сверкали в темноте, сапоги же остались валяться на месте драки. Прикрыв ладонью нос, Николай побрел домой. Зайдя в избу, подошел к рукомойнику и стал смывать кровь из носа. Услышав шум, из спальни вышла Степанида, зажгла лампу

и запричитала: «Убили, убили!». Вслед за ней вышел отец, сказал: «Не ори! Неси из колодца холодной воды, да пару полотенец» и добавил: «Со мной еще и не такое бывало». Николай, вымыв лицо, лег на лавку. Под голову ему положили высокую подушку, на лоб холодное полотенце. Через некоторое время кровь остановилась, а вот нос распух, и дышать было трудновато. Наутро картина была совсем неприглядная: опухший нос, синяки под глазами, теперь на улицу недели две показываться не стоило.

Дел по хозяйству было много. Время пролетело незаметно. О ночном приключении напоминал только искривленный нос. У других участников драки тоже особых проблем не было, за исключением зачинщика драки Петра, который лишился передних зубов. И весь его щегольской вид сразу поблек. Казачки сразу потеряли к нему интерес, ведь своим красноречием Петр очаровывал молодых девок, а тут рот не откроешь как восьмидесятилетний старик. Да и красивое лицо изменилось. Верхняя губа запала. Петр стал стесняться своего вида. Вскоре он женился на соседке Насте и переехал в другую станицу.

Николай съездил в город и купил крупные ярко красные коралловые бусы и ждал момента, чтобы подарить их Матрене. Но наступила сенокосная пора. Они всей семьей выехали в поле на стан, в избе осталась лишь одна бабка Пелагея смотреть за хозяйством. Месяц на сенокосе пролетел незаметно. Свою делянку скосили и соседям помогли. Вывезли сено вовремя, до начала июльских гроз. Закончив заготовку кормов, можно было двором и избой заняться. Пристроить сарайчик для свиней, крышу поправить, забор из плитняка местами пришел в негодность,

так что времени свободного не было. Работы всегда невпроворот, только успевай, поворачивайся. Летом день год кормит. Не успеешь оглянуться, как уже и хлеб убирать надо.

Николай, приехав с сенокоса, решил, пора Матрене сделать подарок. Да вот никак не удавалось встретиться с ней. У них семья была большая, одиннадцать детей, мать с отцом, да дед с бабкой. Матрена была старшей из детей, на ней лежала вся работа по дому. Да и в поле приходилось работать наравне с мужчинами. На заготовку сена и то целых полтора месяца ушло. Николай решил съездить на своем коне Буланом, посмотреть, как зерно наливается. Выехал затемно, проскакал вдоль заливных лугов и увидел, как косяк станичных лошадей какие-то всадники гонят в сторону границы. Николай сорвал со спины карабин и помчался в погоню. Но косяк уже было не догнать, а выстрелы могли только испугнуть конокрадов. Тогда он решил скакать напрямую через холм в станицу поднять станичников, чтобы перехватить нарушителей границы угнавших косяк. Только выехал он на вершину холма как раздался выстрел, карабин выпал из рук и из разбитого пулей нагрудного кармана посыпались крупные красные бусины, а пробитое сердце остановилось. Перепуганный конь понес седока, упавшего на гриву и мертвой хваткой схватившего поводья, к родному дому. Конь буквально подлетел к воротам. Матрена увидела, как соседский конь подскакал к воротам и на землю с его спины упал всадник. В ее груди что-то екнуло и она со всех ног бросилась к упавшему. Ужас охватил ее. На земле лежал Николай в рубахе залитой кровью. Из разорванного пулей кармана

выкатилась красная бусина и лежала на зеленой траве. Все поняла Матрена и диким голосом запричитала. Упала перед телом Николая, слезы ручьем потекли из ее глаз. Из дома выбежали Кондратий и Степанида. Внесли в дом тело Николая. Услышав крик Матрены, прибежали соседи. Станичники организовали погоню и сумели отбить косяк. Николая хоронили всей станицей с воинскими почестями.

Только потеряв Николая, Матрена поняла, как сильно любила она соседского парня. В ее сердце, как у яблони, только зрели бутоны любви, которые вот-вот должны были раскрыться. Нелепый случай оборвал жизнь полюбившегося ей Николая. Матрена тяжело заболела. Целую неделю она лежала, не вставая с кровати, не принимала еды. Родные думали, что не жилец видно Матрена. В субботу вечером зашла к ним бабка Лукерья, осмотрела Матрену: глаза ввалились и потухли, волосы поседели, лицо ее подернулось морщинами. Перед ней лежала не цветущая красавица, а старуха, прожившая долгую тяжелую жизнь. Посмотрев на убитых горем родителей Матрены, она сказала: «Возьму я ее к себе, попробую выходить». На что они сразу согласились, у них появилась хоть какая-то надежда. Лукерья взялась за лечение Матрены с сознанием дела, используя знания и накопленный опыт. За год Лукерья сумела поставить Матрену на ноги. Молодость взяла свое, силы вернулись, только вот былой красоты не осталось, да сердце часто стало болеть, нет, нет, да и прихватит.

Однажды вечером, когда сидели за чаем, Лукерья сказала: «Одна я осталась, кто погиб, а кто и своей смертью умер, хвораю. Родителям своим ты не подмога, а только обуза. Оставайся, живи у меня. Дом большой, места хватит.

Научу я тебя премудростям людей лечить, хотя дело это не благодарное. В глаза говорят одно, а за глаза другое, но видно каждому свое. Редко когда за хорошие дела спасибо скажут. Главное, людям, которые обращаются, помогать будешь, а там Бог рассудит, кто прав, кто виноват. Каждому воздастся по вере и делам его» - на том и порешили. Заметила Лукерья, что Матрена часами сидит, уставившись на красную бусину, и слезы непроизвольно текут из ее глаз. Обняла ее за плечи и сказала: «Забыть ты его не сможешь, да видно не судьба вам быть вместе была. Тут слезами не поможешь, не вернуть его, а вот бусину пришей с обратной стороны кофты, поближе к сердцу. Она душу твою согреет, да и сердце так беспокоить не будет. Тепло его души навсегда с тобой останется. Искренне любил он тебя, да вот подступиться к тебе не знал как. Слишком гордая ты была. Пока мы здоровы, молоды, красивы, больше о себе думаем, чем об окружающих. Гордыня – главный грех, многих она и погубила. Надеемся сильней, красивей, здоровей, богаче всех остальных быть, ан нет, Господь каждому испытание посылает, чтобы гордынюшку то усмирить, да не каждый его вынести сможет. Что на твою долю выпало, то и с достоинством неси до конца своих дней. Когда кому и у кого, где родиться, где и как кому умереть, не мы выбираем. Потому не надо чужую судьбу на себя примерять, все равно не налезет. Смирение, вот, что главное в этой жизни. Поверь мне, вот уже девятый десяток доживаю, всякого насмотрелась. Не завидуй другим. Жизнь их может не слаще твоей будет. За все платить приходится, если не самим, так их близким». «Возможно, она права» - подумала

Матрена. Лукерья продолжала: «Весной давай на Николину гору сходим, где он смертушку принял, да полюбуемся на куртинки сон-травы, которыми весь холм будет усыпан. Он каждый год будет дарить тебе свою любовь, которую высказать при жизни не смог. Посидишь, поплачешь, порадуешься, что он тебя помнит, и каждый год такую красоту тебе посылает и на сердце легче станет, что ты не одна, а где-то есть тот, кто тебя любит».

Так и повелось с тех пор. Как только появятся первые куртинки сон-травы, идет на Николину гору Матрена, посидит, поплачет, полюбуется голубыми цветами, словно глазами, смотрящими в самую душу, вспомнит светлый образ Николая, сорвет несколько цветков, принесет в избу, высушит их и положит за икону. И каждый день молиться за упокой души невинно убиенного Николая. На душе легче становится, будто рядом он с ней, и ничто и никогда разлучить их не сможет, когда они снова встретятся. А это обязательно произойдет. В это она твердо верит, поэтому и живет пока на этой земле, принося пользу людям, смилив гордыню и выполняя божьи заповеди, не надеясь на похвалу и ни обращая внимание на упреки. Каждый сам судья своим поступкам и строже этого судьи, чем совесть человека нет, не было и не будет в этом мире.

Свистунка

Хорошо весной и летом в степи после грозы. Воздух свеж и чист. Дуновения ветерка доносят пряные запахи цветущих растений: чабреца, полыни, дикой мяты, растущих вдоль берега степной речушки. На небе из-за туч выглянуло солнце. Капли дождя на листьях травы вспыхнули, словно россыпи драгоценных камней, разбросанных щедрой рукой по изумрудному покрывалу. Завораживающее великолепие весны, умытой дождем, придало яркость степному пейзажу. Божья благодать спустилась на землю, которой, куда ни кинь взгляд, нет конца и края. Сколько ни смотри, не насмотришься на этот рай земной. Не зря в сказках весну называют девицей-красавицей, от которой взгляд оторвать нельзя. Так и манит она к себе своей свежестью и чистотой, очаровывая тех, кто ее увидел. Подобно очарованным сказочным героям, живут на степных просторах казаки по станицам, разбросанным возле больших и малых рек. Приросшие своими корнями к этому суровому краю с резко меняющимся климатом, суровой и снежной зимой, когда снег засыпает казачьи избы по самые окна. Порой бывает, входную дверь снегом завалит, что самим на улицу не выбраться, если соседи на помощь не придут. Теплой весной с резкими похолоданиями, летом с жарой, когда босыми ногами на земле не устоять. Приходиться ребятне

спасаться от зноя в реке, а взрослым в тени деревьев, растущих во дворе, или в деревянных избах, в которых зимой тепло, а летом прохладно.

В году большую радость для станичников приносят две поры - одна весной, когда вся степь окрашивается в зеленый цвет, и начинаются посевные работы. Все в поле и стар, и млад. Живут на полевом стане, вдыхают дурманящий запах свежевспаханной земли, цветущего разнотравья, слушают пение птиц и наглядеться не могут на степные просторы, которым конца и края нет. Каждый чувствует себя свободным и счастливым. Работает на себя, хоть тяжел труд пахаря, но с какой любовью смотрит казак на каждый пласт земли, перевернутый плугом, в надежде, что на этой земле, политой потом, вырастет осенью богатый урожай. С каждым новым пластом земли душа казака становится чище. Все проблемы забываются. Одна мысль только в голове – успеть во время вспахать и посеять до весенних дождей, чтобы тяжелый труд не пропал даром, а окупился сторицей. Закончиться посевная, а на смену уже сенокос наступает. Запах скошенной травы нельзя ни с чем сравнить, дышишь, не насытишься. Коса, как нож по маслу скользит по траве, смоченной росой. Есть где силу молодецкую показать. Трава подсохла, копны надо ставить, опять же и труд тяжелый и радость большая, коль успеешь до дождей копны вдоль своей делянки выставить, а если еще и свезти в станицу успеть, так и лучше придумать ничего нельзя.

Вот тут-то и вторая пора наступает, которая венчает труд земледельца, все ее ждут с нетерпением. Все лето молились, чтобы дождь вовремя всходы промочил, да когда

зерно наливаются, прошел, и чтобы никакие вредители не повредили посевы. А уж как нальется спелый колос и к земле клониться начнет, вся душа изболится, как бы град посевы не побил. И вот наступает пора уборки урожая. Опять все в поле, золотой колос срезают серпами, вяжут снопы, грузят на телеги, которые волы везут на гумно, где цепями молотят, веют, подбрасывая вверх, деревянными лопатами. Работа идет споро и весело. Молодые девки, работающие на гумне, подшучивают друг над другом и над молодыми казачками, которые привозят снопы на гумно и развозят зерно по амбарам. Ради этой мирной тяжелой работы на земле стоило жить. Земля кормилица не только одаривала щедро, но и сплачивала станичников. Урожай снимали и со своего участка, и всем миром помогали тем, кто сам не мог справиться.

Окончив летнюю страду, наступал период, когда можно было немного раздышаться. Дел-то было невпроворот, и дров на зиму заготовить, и кой-какой ремонт во дворе провести. Но это уже было не так срочно. Дела домашние можно было на день-другой и отложить. Все бы хорошо, но каждый взрослый казак нес еще службу по охране границы. Вот и получалось, что в самую жаркую пору – посевную, сенокосную, уборочную, часть казаков уезжали на охрану границы, а женщинам и подросткам приходилось работать наравне с мужчинами. Погода ждать не будет.

Служба государева по охране границы хоть и оплачивалась, но чисто символически, около двух рублей в год. А расход служивого казака был большой: это строевой конь, амуниция, оружие и провиант. Одно радовало, что на

каждого родившегося в семье мальчика давали надел земли. Вот с этих наделов и жили. Семьи были большие. В одной избе проживали по восемнадцать – двадцать душ. Всего хватало и радости, и горя. Все хлебали полной ложкой. Только благодаря беспрекословному авторитету старшего казака, в семье царил мир и порядок. Каждый знал свои обязанности и их выполнял, будь то подросток или уже взрослый казак, который имел свою семью, а жил в родительском доме.

Осенью, как правило, в станице после уборки урожая молодежь устраивала гулянья, водила хороводы, ходили по улицам с песнями. В это же время играли свадьбы. Казаки народ смелый, с характером. На каждой улице был свой предводитель, которому все молодые казаки подчинялись. А молодежь, как известно, без баловства не может. Вот на прошлой неделе Иван Свистунов что устроил - поспорил он с другом, что днем на всем скаку проскачет по главной улице станицы и саблей срубит огромный подсолнух, выросший в палисаднике у бабки Анны. На этот подсолнух уже положили глаз подростки и только ждали, когда он поспеет, чтобы ночью свернуть ему голову. Да и казачки, проходившие по улице, не оставляли без внимания огромную шляпку подсолнуха, поворачивающего вслед за солнцем. Бабка Анна, как только начали поспевать семечки подсолнуха, была всегда начеку, то сидела под кустом сирени на завалинке и вязала пуховый платок, то рвала гусиную травку рядом с домом, а вечером со своей подругой сидели на крыльце и перемывали косточки станичникам. Занятие было увлекательным, время летело незаметно – бабки заканчивали свой нелегкий труд, а

станичные подростки уже спокойно спали. А взрослых парней бабка Анна не опасалась, у них другое на уме, чтобы такого сделать, чтоб казачкам понравиться. А вот ребятня это другое дело. Им нашкодить составляет большое удовольствие. Хотя, если дома узнавали, то секли нещадно, но они к этому с детства уже привыкли, немного поревут и опять за старое берутся, как только возможность подвернется. Соберутся большой компанией и придумают себе занятие.

Однажды дед Федот решил зерно на мельницу отвезти, сорванцы заранее про это узнали и что удумали. Взяли вечером телегу, приподняли, колеса с одной стороны сняли, а потом для виду к самому краешку передней и задней оси их приставили. Утром пораньше встали и за плетнем спрятались. Ждать долго не пришлось. Федот ключом открыл амбар, взял мешок с зерном, закинул его на плечо и пошел к телеге. За плетнем, едва сдерживая смех, ждали, что же произойдет, но эффект превзошел все ожидания. Федот подошел к телеге и с размаху бросил мешок, телега качнулась, колеса слетели с осей, телега опрокинулась, и борт телеги ударил по голове Федота. Он не успел даже крикнуть, как потерял сознание. Восторгу не было предела. Подростки умирали со смеху, катались по траве, держались руками за животы. Но, как говорится, на ту беду станичный атаман вместе с писарем совершал утренний обход станицы, чтобы отдать приказы, выслушать жалобы, посмотреть все ли в порядке возле изб и увидел эту картину. Он моментально понял, что произошло, вынул нагайку из-за голенища сапога и пустил в дело. Первая часть комедия резко перешла во вторую часть трагедию.

Писарь, не удержавшись от душившего его смеха, прыснул в кулак. Сорванцы, с воплями придерживая штаны, понеслись к своим избам, не думая, что дома будет третья часть этого происшествия – возмездие, которое неотвратимо наступит. Казаки встают рано, а народ они бдительный ничего не упустят. Многие станичники были удивлены, когда в утренний час мимо их изб проносились с ревом местные сорванцы.

Раздалось щелканье кнута пастуха собирающего стадо. Казачки выгоняли своих буренок и молодняк, широко распахнув ворота. Казаки запрягали быков в телеги, чтобы ехать заготовливать плитняк для заборов. Не успела опуститься пыль от стада, как по дороге затарахтели телеги, поднимая осевшую пыль. Казачки вышедшие проводить казаков, ворчали: «Наступит лето, устанешь окна мыть». За угол завернула последняя телега. Пыль села на пожухлые кустики сирени и черемухи, прихваченные летней жарой. В это время заскрипела дверь и на пороге показалась бабка Анна, держа в руках мотыгу. Она спустилась с крыльца и направилась в палисадник. Открыла калитку и залюбовалась огромным подсолнухом, который вымахал в этом году до невиданных размеров. Шляпка его была огромной, посередине немного вдавленной вглубь. Края были слегка завернуты с крупными желтыми лепестками и напоминали шляпу казака Михея, разводившего пчел, ходившего все лето в таком головном уборе, чтобы солнце не напекло голову. Казачки часто подсмеивались над дедом Михеем: «Что это ты подсолнух вместо папахи на голове носишь. В этой шляпе ты больно уж на чучело похож. Ни одна ворона к твоим пчелам не подлетает, от страха

замертво падают». На что Михей отвечал: «Не вашего бабьего ума дело, что на голову казаку одевать. Вот на вашу голову, что не надень все равно ума не прибавиться».

Посмотрев по сторонам, бабка Анна положила мотыгу на землю, а сама низко наклонившись под огромным подсолнухом, стала рвать пучки пожелтевшей травы. В это время Иван Свистунов, оседлав своего коня, лихо вскочил в седло, и пока мать не успела закрыть ворота, выехал на улицу. Осмотревшись по сторонам, Иван ни одной живой души на улице не заметил. Пришпорив коня, поскакал к дому бабки Анны. Вот уже виден дом и палисадник с подсолнухом. Выдернув саблю из ножен, Иван пронесся мимо палисадника, и одним взмахом снес шляпку подсолнуха. Не оборачиваясь, Иван, что есть силы, ударил шпорами в бока коня и исчез в пыльном облаке. Бабка Анна неожиданно почувствовала, как что-то ударило ее по голове. От испуга она резко поднялась, да так и застыла со шляпкой подсолнуха на голове. В это время из дома напротив, вышли молодые казачки Нюрка и Верка и увидели, как Иван лихо срубил подсолнух и скрылся. Но, когда из-за куста сирени стала подниматься подсолнечная шляпка с человеческими руками, они в голос заорали и сели на землю, где стояли. Их вопли слышали соседки, еще не успевшие зайти в избы, и сразу поспешили узнать, что же произошло. Выглянув на улицу, они увидели, что в палисаднике бабки Анны, стоит чучело, на макушке подсолнух, «лицо» подсолнечный лист, а тело человека. От удивления, открыв рты, они так и остолбенели возле своих дворов. Тут бабка Анна пришла в себя, сняла с головы шляпку подсолнуха, осмотрела ее и, увидев, что семена еще

не спелые, бросила на землю, и громко крикнула: «Озорник, ты только мне в руки попадись, я сама из тебя чучело сделаю, да такое, что мать родная не узнает». Соседки попадали со смеху. Целый день вся станица обсуждала выходку Ивана Свистунова. Верка с Нюркой обежали все дворы и со всеми подробностями рассказали, что произошло. К вечеру у них мозоли на языках были.

Атаман, узнав о хулиганском поступке Ивана Свистунова, послал за ним писаря Поликарпа. Поликарп «ноги в руки» побежал исполнять поручение атамана. Ивана он застал сидящим на крыльце, который как ни в чем не бывало, сидел и пускал кольца дыма из глиняной трубки, подаренной дедом, любясь как маленькое кольцо проходило через большое. Этому занятию его научил старый казак Осип, который через два кольца мог одно кольцо пропустить. Иван настолько увлекся курением и совершенствованием навыка пусканием колец, что обо всем забыл. Он вздрогнул от окрика писаря: «Ты что расселся казачий потрох, натворил дел, а теперь паинькой прикинулся. Ну-ка дуй к атаману, одна нога здесь, другая там. Атаман тебя охальника, быстро в чувство приведет. Покажет тебе кузькину мать. Навек охоту к глупостям отобьет». Иван нехотя встал и поплелся к дому атамана, предчувствуя, что шутка кончиться плохо. Дойдя до крыльца, он медленно поднялся по широким ступеням, открыл тяжелые двери веранды и вошел в длинный коридор. В конце коридора поднялся по ступенькам и зашел в сенцы, немного постояв, резким рывком распахнул дверь в избу. Бабка Меланья сказала: «Здравствуй, Иван. Ты проходи в горницу». Атаман сидел под образами. Вид этого

коренастого казака полного георгиевского кавалера вызывал истинное уважение у всех станичников, поэтому они и выбрали его на казачьем круге, доверив ему всю власть в станице, зная, что он ни в бою, ни в хозяйственных делах не подведет. Ивану стало как-то зябко от взгляда коричневых глаз из-под нахмуренных бровей атамана. Он сам понимал, что ему есаулу, подобно подростку скакать по селу и срубать саблей подсолнухи совсем не к лицу. Атаман крикнул и сказал: «Ну что сынок в детство впал. Рано, наверное, тебе еще есаулом быть. Детство у тебя еще в одном месте играет. Поэтому я так решил. Сейчас казаки, выезжающие на охрану новой пограничной линии, уже собираются на околице, иди домой, собирайся и отправляйся на охрану границы, а то на редуте ждут, не дождутся смены. А как приедешь с границы, соберем казачий круг, там и решим». Иван повернулся и вышел из избы. Быстро дошел до своей избы, ворота были открыты, младший брат седлал коня. Иван прошел в избу, надел форму, взял карабин, патроны, саблю, припасы еды в мешке. Мать перекрестила его, он помолился на образа в углу и вышел во двор, вскочил в седло, брат Василий подал мешок с провиантом. Иван прочно привязал его сыромятным ремнем к седлу, лихо, откинувшись назад, дернул поводья коня и, слегка ударив его шпорами, выехал из ворот. Конь, почуяв свободу, перешел на рысь. Из-под копыт взлетали фонтанчики пыли, будто кто-то подбрасывал вверх темную муку.

На околице уже собрались все казаки и ждали только есаула Ивана. Он, поравнявшись с казаками, крикнул: «За мной» и всадники галопом поскакали по ковыльной степи.

Каждый, подпрыгивая в седле, думал о своем. Ивана тревожила дума – это вопрос женитьбы. Ему приглянулась темноокая казачка Анфиса - красивая, стройная, с черной косой до пояса, огромными, напоминающими сливу, глазами, изогнутыми дугой бровями, яркими сочными губами, высоким лбом, ямочками на щеках, заводила всех игр, проводимых молодежью. Да и Иван вроде ей был люб. Молодые исподволь присматривались друг к дружке. И родители те и другие уж и породниться не против были. Иван два раза провожал Анфису домой до самого крыльца, но разговора как-то не получалось. Веселая на людях Анфиса, наедине молчала, а он боялся что-либо ей сказать. Так, постояв, и расходились. Нужно было время. Но, как говориться, в станице не без уroda. Был такой поганец Василий – красавец писанный, но негодяй еще тот. Любил разные подлости людям исподтишка делать. Его за разные пакости дед Егор нещадно порол, но толку от этого никакого не было. Однажды, решил Василий Анфису охмурить, да ничего у него не получилось. Дала ему девка от ворот поворот. Обозлившись, он ничего лучше придумать не смог, взял, да и ворота ее избы дегтем облил. Пришел Василий домой, а дед Егор на крыльце трубку курит. Дед был знаменитый казак, истинный герой, из всех подростков его возраста он один в живых остался. Четыре георгиевских креста сверкали на его широкой груди, он каждый вечер, как стемнеет, садился на крыльцо и подолгу курил, думая о чем-то, о своем. Его бабка Дуня, как только не ругала: «Когда же ты, ирод проклятый свою трубку бросишь, уже весь прокоптился, как в избу войдешь, дышать нечем. Одежду ничем не отстираешь и щелоком

пробовала, все одно, пахнет. Лучше бы делом занялся, вон сосед трубки делает и всем продает. За год, чай, сто рублей зарабатывает. Польза хоть какая-то есть, а ты только свой дым пускаешь, черта радуешь. Да еще деньги на табак изводишь». «Ты, что так раскудахталась, посмотри на мою форму, десять лет уже висит, а моль ее и не ест, а вот твои валенки за одно лето все источила, одни дырья, даже чуни нельзя было сделать, пришлось выбросить. Табак сила великая всю нечисть из дома гонит. Да и от хвори помогает, ведь не зря все казаки курят». Дед Егор сделал очередную затяжку и пустил кольца дыма, распугивая комаров, они поднимались вверх и медленно таяли в воздухе. К крыльцу подошел Василий. Дед повернул голову и пристально посмотрел на внука, от которого сильно пахло дегтем. «Странно» - подумал Егор, «Вроде на гулянье ходил, а пришел, от него как из бочки дегтем несет». Дед сразу заподозрил неладное, он хорошо знал проказника внука и поэтому спросил: «Ты, что внучек колеса на телегах смазывать подрядился что ли?». Тот молчал, дед смекнул, что дело, тут нечистое. «Иди ко ты внучек во двор, а я сейчас выйду». Дед зашел в дом, взял саблю и вышел во двор. Егор сказал: «Ну, рассказывай, что нового, голубь ты наш сизокрылый, в очередной раз натворил? Да всю правду говори. А видишь, сабля-то у меня давно лежит. Я тебе-то за твои пакости враз башку твою поганую снесу». Перепуганный Василий начал рассказывать про Анфису, как она ему от ворот поворот показала, а теперь парни над ним подшучивают. Вот и решил он отомстить. Взял ведро дегтя, да и вымазал ворота, за одно, и сам перепачкался. Егор встал и сказал: «Хотел я тебя внучек саблей просто

попугать, чтоб неповадно другой раз было всякие пакости делать. Да видно немножко ошибся. Стар я уже. Только ты поганец невинной девчонке всю жизнь испортил, кто же ее после этого замуж возьмет, а за свои поступки отвечать надо, как казаку подобает. Она-то свою честь сберегла, а ты поганец грязью всю оставшуюся жизнь ее изгадил» и сделал вид, что на саблю посмотреть хочет, легонько ее из ножен вынул, слегка развернулся, откинувшись назад. Блеснула сталь сабли в слабом свете луны и голова Василия отлетела в кусты, как капустный кочан. Плюнул дед с досады и горя, что вся его честная трудовая и боевая жизнь была в один миг его же внуком порушена, да и не только его, а всей большой семьи, о которой долго еще будут говорить, как о людях, на которых положиться нельзя. И от этого никогда не отмыться. Дед Егор пошел в дом взял карабин, бабка Дуня, почуяв неладное, спросила: «Ты что Егор, на ночь глядя, с карабином делать хочешь?». Егор ответил: «Да вот на луну попробую прицелиться, нашли на ней черные пятна, может посшибаю, а то вид портят» и вышел из избы. В углу двора стоял чурбак, на котором кололи дрова. Дед снял сапог, размотал портянку, снял предохранитель, передернул затвор. Приставил карабин к голове, перекрестился и сказал: «Прими Господи раба своего. Не смогу я после случившегося честным людям в глаза смотреть» и нажал большим пальцем ноги на спусковой крючок. В тишине раздался выстрел, расставив по местам и хорошее, и плохое. Завыла соседская собака. Услышав выстрел, бабка Дуня выбежала во двор, но толком ничего нельзя было рассмотреть, луна спряталась за тучи. Испугавшись, вся бледная она побежала в избу. Громко

тарахтя, подъехала телега отца Василия, Евгения. Мать ему рассказала про выстрел. Евгений взял керосиновую лампу и пошел во двор. То, что он увидел, поразило его в самое сердце, он с трудом присел. Схватившись за сердце, он хватал воздух открытым ртом, лицо его стало белым. Евгений выронил лампу из рук и опрокинулся навзничь. Что есть силы, закричала бабка Дуня, когда увидела в свете валяющейся на земле лампы ужасную картину. Ноги подкосились, и она с причитанием опустилась на землю: «На кого же вы мои касатики меня старую покинули. Не смогу же я без вас жить». Собрались соседи. Внесли всех троих в дом. Такого еще никогда не было. Всякое бывало, но такого, чтоб в одной семье, впервые. До утра просидели, выдвигая различные версии, одну страшнее другой, а понять, не могли. Наутро приехал следователь, составил протокол, сказал, что это бытовое преступление и дело закрыл. Егора, Евгения и Василия похоронили. Только отца с сыном за кладбищенской оградой, а Егора как убийцу, отдельно.

Вот теперь Иван мучился и не знал, что делать: и Анфису любил безумно, жить без нее не мог, и подступиться не знал как к ней, и понимал, что родители его ни в какую не согласятся после этого случая на его женитьбу на Анфисе. Возможно, и этот случай с подсолнухом совершил Иван, чтобы снять тот гнет, который давил на него непосильной тяжестью.

Засветло доехали до редута. Там уже земляки были готовы отправиться в станицу. Постояли, покурили, обсудили обстановку на границе, рассказали о делах в станице. Одни поскакали в станицу, другие стали разбирать

вещи, размещаться в казарме. Иван Свистунов, расставив посты, выехал с отрядом в десять человек осмотреть пикеты, переправившись через безыменную степную речушку. Они быстро удалялись вглубь степи. Ночь была лунная, видно было все хорошо. Проехав верст тридцать, они заметили черное пятно, которое по эту сторону границы двигалось им навстречу. Иван приказал всем остановиться, а троих молодых разведчиков: Бориса Владкова, Семена Безбородова, Юрия Белоконова послал разобратся, что там впереди. Часа через полтора прискакали разведчики. Они рассказали, что большая группа вооруженных всадников движется прямо на них. Через час они будут здесь. Иван решил подождать до тех пор, пока не станет хорошо видно, а потом повернуть резко в сторону станицы, чтобы превосходившего их по силе противника увлечь за собой к станице. Там в станице было более пятисот хорошо обученных казаков готовых в любую минуту вступить в бой. Когда противник увидел их и устремился к ним, то они, развернув лошадей, галопом поскакали к броду на безыменной степной речушке, чтобы отвлечь неизвестного врага от редута. Силами редута от такого количества противника было не отбиться. Ночные скачки требуют особой сноровки, когда лошади скачут на большой скорости, а в поле много ям, промоин от весенних ручьев, сурчинных нор, оврагов, заросших чилигой.

Светало. Вдалеке уже угадывались знакомые места, где должен был находиться брод. Иван подал сигнал, и все остановились, собравшись возле него. Лошади заметно устали. Иван понимал, что до станицы такой скачки лошади не выдержат. Мог доскакать до станицы только его конь -

высокий со звездой на лбу, отменный скакун. Иван приказал всем скакать к броду безымянной речки, перебраться на другой берег, где невдалеке с правой стороны был большой холм, вот за ним и укрыться. А он подождет преследователей и попробует доскакать до станицы. Всадники вскочили на коней и растворились в предрассветных лучах. Иван терпеливо ждал, когда же появятся преследователи, и вот вдалеке стал слышен нарастающий гул от ударов сотен лошадиных копыт. Гул быстро приближался. Иван был не робкого десятка. Он не раз участвовал в схватках с нарушителями границы. Когда он увидел первых всадников, не один мускул не дрогнул на его лице. Он спокойно пришпорил лошадь и стал медленно удаляться от приближающихся всадников. Одного он не рассчитал, что по нему будут стрелять. Раздались выстрелы, засвистели пули. Иван понимал, если его убьют, то все пропало. Он лег на гриву коня и сильно ударил шпорами в бока скакуна и стал уходить от преследователей, чтобы в него не смогли на скаку хорошо прицелиться. Но одна из шальных пуль ударила Ивана в лопатку. Пуля вошла и застряла в груди. Резкая боль пронзила тело. Губы Ивана побелели, он понял, что дальше, чем до брода на неизвестной речке ему в седле не продержаться. Он решил оторваться от погони, из последних сил пришпорил коня и птицей помчался к броду. Конь под ним был действительно чудо, он буквально летел над землей, едва касаясь ее копытами. В считанные минуты он оторвался от преследователей, и они его потеряли из вида. Вот впереди и брод, заросший по бокам вдоль берега густыми зарослями камыша. Иван из последних сил держался в седле. Он

слишком много потерял крови, и каждая минута в седле для него была тяжелейшей мукой. Вот и брод. Он остановил коня, сполз с седла на землю, подвел коня к броду, вынул из-за голенища нагайку и, что есть силы, ударил коня. Конь взвился на дыбы и, опустившись на передние ноги, галопом помчался через брод, поднимая тучи брызг, на другой берег. В мгновение ока он оказался на другом берегу и стал удаляться в сторону станицы. Иван, с трудом переставляя ноги, направился к камышу. Он медленно вошел в воду и стал пробираться сквозь камыш. Когда он почти добрался до открытой воды, чтобы срезать полый тростник, взять его в рот и опустится под воду, ноги перестали его слушаться. Тело его обмякло и погрузилось в воду. На поверхности осталась только папаха да всплывающие и лопающиеся красные пузыри. Так геройски закончил свой жизненный путь есаул Иван Свистунов до конца выполнив воинский долг. Трава, росшая на берегу скрыла следы и капли крови. Когда преследователи выехали к броду, они увидели множество следов и вдалеке удаляющуюся точку, хорошо видимую в солнечном свете. Они устремились в погоню, не жалея лошадей, стремились догнать, во чтобы то ни стало удаляющуюся добычу. Им надо было догнать всадников и уничтожить их, чтобы потом угнать косяк станичных лошадей в степь, где их уже никто не смог бы отыскать. Погоня продолжалась, кони мчались во весь опор, расстояние, хотя и медленно сокращалось, точка увеличивалась и скоро должна была превратиться в скачущего всадника.

Часовые станицы заметили приближающуюся лошадь и черное пятно, несущееся к станице. На горе зазвонил

колокол, сотни казаков вылетали из распахивающихся ворот и строились на околице станицы. Более пятисот всадников выстроились в боевой порядок. В лучах солнца сверкали сабли, словно молнии, носившиеся поверх конной лавы, казаков устремившихся навстречу врагу. Вскоре казаки увидели скачущего коня есаула Ивана Свистунова и преследующих врагов. Враги совершенно не ожидали, когда из низины, буквально, из-под земли, появилась казачья лава, сметающая все на своем пути. Не было такой силы, чтобы остановить ее. Завязалась жестокая битва. В течение часа все было кончено. Сотни поверженных людей лежали на земле. В небе светило солнце. Пели жаворонки. Поле битвы с погибшими на нем людьми и лошадьми было неестественно чуждым природе.

Атаман раздавал приказы: собрать погибших и развести по избам, направить отряд во главе с сотником Федоткиным и, во что бы то ни стало, живого или мертвого найти есаула Ивана Свистунова. Федоткин быстро собрал десять всадников и выехал на поиски. Отряд поехал к редуту, чтобы подробнее узнать, как происходили события на границе. Подъехав к броду через неизвестную речку, они увидели плавающую папаху. Спешились, разделись и стали нырять в воду. Вскоре им удалось найти утонувшего Ивана Свистунова. Привезли его в станицу, похоронили вместе с другими станичниками на кладбище за церковью. Избранные судьбой остались живы, убитые приняли геройскую смерть. Были и раненные, но их было мало, некоторых просто спасло чудо, а может быть и что-то другое. Возможно, остались в живых те, у кого вера была крепче и оружием они владели лучше, а возможно и другое,

никто точно сказать не может. Жаль было смотреть на женщин и девушек, потерявших своих мужей и любимых, но слезами горю не поможешь. Много слез пролила Анфиса по своему любимому Ивану, но вернуть его с того света не могла, как и другие потерявшие вместе со своими половинками лучшее, что было и которое уже никогда не вернуть.

По-прежнему светит солнце. Высоко в небе парят коршуны, высматривая своими зоркими глазами, зазевавшуюся добычу, будь-то мышь или суслик, или ящерица. По заилившему, заросшему тростником и камышом изрядно обмелевшему руслу, протекает речушка больше напоминающая ручей. Здесь водятся щуки, караси, налимы, усачи, вьюны. Плавают в редких блюдцах озер огари, чирки и кряквы. По берегам вышагивают на длинных ногах кулики. О событиях, происходивших на новой пограничной линии много лет назад, напоминают только развалины бывшего редута. Ушли в мир иной поколения людей живших в станице Озерная. Обмелела и заросла водной растительностью, когда-то глубокая степная речушка Свистунка, названная так в честь есаула Ивана Свистунова.

Тайна Банного озера

Жаркий летний полдень. Солнце в зените. Высоко в небе, распластав могучие крылья, парит степной орел, высматривая снующую между бревенчатыми домами и заборами из гранитного плитняка, живность. В каждом подворье бегают вездесущие поросята, сующие свои пяточки в деревянные колоды с кормом для птицы и собачьи миски. Маленькие разноцветные щенки пугливо прячутся за спины сторожевых собак от нахальных, повизгивающих поросят. Собакам жарко, они лежат в тени своих конур, высунув огромные языки, закрыв глаза, не обращая никакого внимания на все, что происходит вокруг. Пестрая клушка с выводком желтых пушистых цыплят занята поиском корма. Найдя в пыли зернышки, она призывно квохчет, и желтые пушистые птенчики моментально оказываются возле корма. Центр подворья заняла утка с утятами, которые плавают в луже, опустив носы в воду, и только издаваемое иногда тревожное кряканье матери отвлекает их от этого увлекательного занятия. Гусыня с гусятами клюют траву возле плетня, а около амбара ходят огромный индюк с индюшкой и выводком индюшат. Десятки воробьев и голубей подбирают просыпанные зерна. В открытые двери амбара то и дело влетают ласточки, там у них гнезда из речной глины, прилепленные к матке-бревну, которое находится в центре

перекрытия амбара. Хозяева в доме, дети на речке. Все идет по заведенному порядку, передаваемому от старшего поколения младшему, что позволяет выжить в сложных климатических условиях степи...

Сам уклад жизни станицы - военного поселения на новой пограничной линии - напоминает воинскую часть, только отличается тем, что воинская часть содержится за счет государства, а станица наряду с несением службы сама себя обеспечивает всем необходимым. Станичники сеют зерновые культуры: пшеницу, ячмень, просо. Выращивают крупный рогатый скот, лошадей, овец, свиней. На берегу озера разводят огороды, в поле выращивают бахчи, покупают амуницию и оружие. Несут службу по охране границы, участвуют в военных походах.

Революция, произошедшая в Санкт-Петербурге, затронула и станицу. Начавшаяся гражданская война разорвала десятилетиями сложившиеся отношения между станичниками. Произошел раскол: одни встали на защиту царя, другие - на сторону рабочих, свершивших государственный переворот. С этого времени сторонники свергнутого режима назывались белыми и стали вести активные боевые действия против своих врагов – красных. Гражданская война – это беда, которая коснулась всех. Произошло разделение станичников не только на зажиточных и голытьбу, но и по идейным соображениям. Семьи были большие, по десять - двенадцать душ, а разделившись на сторонников красных и белых, они оказались по разные стороны окопов.

Умудренный жизненным, боевым опытом, станичный атаман Евлампий сидел на парадном крыльце и смолил

одну самокрутку за другой. Возле правого сапога валялась целая гора окурков, но окончательное решение никак не приходило в голову. Собрал бороду в кулак, он, задумавшись, дернул что есть силы рукой. В кулаке остался клочок волос. Плюнув себе под ноги, он встал, спустился с крыльца и направился к своему лучшему другу Григорию. Навстречу ему шла с полными ведрами дочь Григория Анна. «Хороший знак», - подумал он. Перейдя на другую сторону улицы, он окинул взглядом молодых казачков, стоявших возле плетня и бурно обсуждавших какие-то новости. Среди них выделялся русоволосый казачок по кличке Балбес, прославившийся уже в таком юном возрасте несуразными выходками, над которыми потешались все жители станицы. Казачок размахивал руками и выкрикивал какие-то слова. Евлампий услышал фразу «красные рядом» и, поравнявшись с Балбесом, спросил: «Где это?». Балбес прикусил язык, а остальных как ветром сдуло. Евлампий схватил Балбеса за ворот рубахи, но тот ужом вывернулся, и только кусок ткани остался в руках атамана. Евлампий опустил голову, ускорил шаг и чуть не столкнулся с идущим навстречу Григорием, который спешил к нему. Громко хмыкнув, Григорий спросил: «Куда тебя нелегкая несет?». И рассказал о дурных вестях. «Да, а хорошего я давненько не слыхивал. Одна весть краше другой, - вторил ему Евлампий. – Пойдем на заливные луга, посмотрим, скоро ли приступать к сенокосу, заодно и поговорим без посторонних ушей. А то и не знаешь, на кого положиться можно». И они направились к пойме реки Кумак.

Жара становилась невыносимой. Рубахи на казаках были мокрые от едкого пота. Было только одно желание:

укрыться от солнцепека. Подойдя к редким кустам тальника, они присели на корточки, отдышавшись, посмотрели по сторонам. Все как всегда. Травы в самом соку. Цветет мышиный горошек, кашка, клевер, таволга. Пряный запах трав дурманит голову, навевает воспоминания далекой молодости: сенокосная пора - тяжелый физический труд до изнеможения, обожженные красные спины и аромат свежего сена. Легко дышится в тени, вблизи от реки. В головах наступило прояснение. Григорий увидел в нескольких шагах плакучую иву, а под ней ствол дерева, принесенный весенним паводком, и предложил Евлампию перейти на новое место. Поднявшись, они окинули взглядом заливные луга, тянувшиеся вдоль русла реки. Евлампий не смог удержаться от возгласа: «Травы-то в этом году удались на славу. Кабы не эта, как их, революция, так все бы уже разом в поле и вышли. А тут еще и другими делами голова забита».

Евлампий решил перейти к главному. Казаки станицы часто участвовали в военных походах, привозили с собой различные дорогие трофеи, которые хранились в семьях. Истинной цены их толком никто и не знал, а казачки трофейные украшения не носили, посудой и разными чудными предметами в быту не пользовались, хранили их долго за иконой, а иногда и просто отдавали детворе. Евлампий был атаман смекалистый и однажды на казачьем круге он предложил: раз трофеи особой ценности для казаков не представляют, то сдать их по описи атаману и хранить в одном месте, а там видно будет, может быть, на что и вправду сгодятся. А за трофеи, по слухам, можно получить и оружие, и зерно, и лошадей, и много чего

нужного в хозяйстве. Станичники охотно согласились и сказали «любо». На том и порешили.

На следующий день к дому атамана выстроилась целая очередь, каждый нес свои трофеи. Казаки курили, рассказывали, как они заполучили данную вещицу, а писарь, прежде чем сделать запись в книгу, ломал голову, как назвать данный трофей. К вечеру набралась приличная груда всякой всячины. Евлампий стоял и рассматривал предметы, назначение которых он и сам не знал и никогда до этого нигде не видел. Кто-то тронул его за плечо, он обернулся и увидел своего боевого друга Григория, тот хмыкнул и сказал: «И что ты теперь с этим барахлом делать будешь?» Недолго думая, Евлампий выдал: «Сложу в старый котел, закрою крышкой да в амбар под ключ - пусть там пока лежит. И то дело. Может и пригодится. Пойдем после трудов праведных покурим да погутарим, а то ведь и на меня нахлынули воспоминания. Вроде бы и безделушки, а память растревожили».

Присев на завалинку, пуская кольца дыма, казаки вернулись в дни своей юности, когда каждый жаждал славы, был полон сил и готов совершить подвиги, как особо почитаемые в станице георгиевские кавалеры. Лихо сдвинув набекрень папахи, в праздники, выставив грудь в Георгиевских крестах, они скакали на лошадях по улицам станицы, участвовали в конкурсах: рубили лозу, метали копьа, показывали виртуозное владение саблей, которая, словно молния, сверкала в руках наездника и поражала чучела врагов.

Станичники восхищались мастерством всадников, подсмеивались над неудачниками, лузгали семечки

подсолнуха. Старики вспоминали, какими они были в молодости лихими рубаками, приговаривая: «Не та пошла молодежь, вот мы бывалыча...». И разговор переходил на конкретную тему: удачно совершенный поход или боевую вылазку.

Дед Ефим не отличался разговорчивостью, но четыре Георгиевских креста, позванивающих на его могучей груди, говорили сами за себя: в бою с ним лучше не встречаться. Один из крестов он получил в первую мировую войну, когда с сотней казаков совершил рейд в тыл противника с целью угона обозных лошадей, пасшихся на поляне за линией окопов врага. Получив задание от командира, он набрал сотню самых лихих станичников и за полночь, когда установилось затишье на передовой, казачки нашли пересеченную местность, где можно было перебраться в тыл. Это было высохшее русло реки, по которому можно незаметно перейти линию фронта. Но сама ложбина со стороны противника прикрывалась пулеметными гнездами и часовыми, которые бдительно наблюдали за сопредельной стороной. Пока Ефим продумывал план действий, в кустарнике запел соловей. Такие трели стал выводить, что, невольно заслушавшись, Ефим полностью отключился от всего и только слушал птичье пение. Через несколько минут тряхнул головой, снова вернулся к обдумыванию плана предстоящей операции.

По жизни Ефим был необычайно смекалистым и наблюдательным: ничто не могло проскочить мимо него, не оставив своего следа в памяти. По приметам и личным наблюдениям он точно определял сроки сева, сенокосения, уборки урожая, наступления осени, зимы и весны, потому

что вся его жизнь была тесно связана с природой, и незнание ее законов грозило гибелью. Посеял не вовремя – остался без урожая, не успел до дождей собрать – сгниет зерно. Сама жизнь заставляла ухо держать остро, а нос по ветру.

Вот и сейчас. Как могла маленькая серенькая птичка, поющая в кустах, повлиять на исход будущей операции? Ан нет, все в этой жизни имеет свой смысл, свое предзнаменование. Недолго думая, он подозвал к себе двадцать казачков, которые были обученными разведчиками (пластунами). Они могли бесшумно снять часовых и вырезать пулеметчиков, прикрывавших долину. Тихим голосом он объяснил им задачу: пятеро из них будут изображать пение соловьев, отвлекая внимание противника, который вольно или невольно, борясь со сном, будет прислушиваться к пению птиц. А в это время другие пятнадцать человек, разделившись на две группы, по краю русла высохшей реки доберутся до пулеметных гнезд, уничтожат их, снимут часовых, патрулирующих высохшее русло.

Соловьиный концерт удался на славу. Сначала справа, а потом слева от пулеметных гнезд слышались первые трели, которые привлекли внимание солдат противника. А в это время лихие казаки из разведки просочились в тыл и освободили без единого выстрела ложбину высохшей реки.

Казачья сотня по руслу реки пересекла линию фронта. Высокие обрывистые берега делали передвижения практически бесшумными. Перебравшись за линию фронта, они сели на коней и шагом направились к ближайшему

лугу, где, фыркая, паслись лошади обоза. Это были довольно крупные лошади – тяжеловозы, которые могли неспешно перевозить большое количество груза, орудия. Но сейчас они паслись, кусая мягкими губами сочную траву, размахивая хвостами, отгоняя тучи прожорливых комаров и мошек. Сбив в табун лошадей, казаки медленно погнали их к руслу высохшей реки. Спустившись на дно русла, табун уже был близок к пересечению линии фронта. В это время происходила смена караула. Заступающий караул обнаружил убитых часовых. Раздались выстрелы. Ефим скомандовал: «Егор, Кузьма, Андрей, гоните лошадей через линию фронта, а мы тут повеселимся».

Развернув сотню в сторону беспорядочно раздающихся выстрелов, казачья сотня, сверкая клинками, понеслась вдоль ближайших укреплений противника. Перепуганные, полуодетые люди метались между скачущими всадниками. Белое исподнее белье выскочивших из укрытия солдат было хорошо видно в ночи. Свист сабель и вопли обезумевшего противника оглашали ночь. По всей линии началась беспорядочная стрельба из орудий. Надо было возвращаться, пока неприятель не пришел в себя и не перекрыл путь к отходу. Ефим резко остановился, поднял коня на дыбы и резко повернул назад. Это же сделали и остальные всадники. Стрельба хотя и велась беспорядочно, но все же одна пуля отстрелила мочку уха Ефима. Кровь залила ворот рубахи, но в азарте боя было не до этих мелочей.

Наступающее утро принесло прохладу, а туман в низине надежно скрыл всадников от прицельного огня противника. Неожиданно из тумана появились три фигуры,

очертания которых были не совсем ясны. Ефим одной из них успел снести голову, вторую, словно лозу, рассек надвое, а третью ударил обратной стороной сабли по шее, и, чуть сам не вылетев из седла, остановил коня, схватил двумя руками грузное тело и рывком поднял на спину животного. Он что есть силы, ударил коня в бока стремями и, отпустив поводья, придерживая одной рукой пленного, поскакал вслед за скрывшимися в тумане всадниками. Усилившаяся стрельба не могла повлиять на исход операции. Берег надежно закрывал от летящих пуль и осколков снарядов. На рассвете все уже были на своей стороне.

С лошадей хлопьями падала пена. Казаки были возбуждены и наперебой рассказывали о проведенной боевой операции. Кого ранило, кто особенно отличился, пятеро погибли: трое – от шальных пуль, двое – от ударов штыком. В плен Ефим, как потом оказалось, взял генерала, у которого были очень важные документы. Да и пятьсот коней, угнанных у противника, оставили его на время начавшегося наступления без подвоза снарядов, что сыграло решающую роль в сражении на этом участке фронта. Ефим за проведенную боевую операцию и захват вражеского генерала получил Георгиевский крест. Ухо заросло.

Казаки испокон веков любили давать прозвища своим землякам. Так вот после этой удачно проведенной операции Ефим получил прозвище Соловей, которое передавалось из поколения в поколение. Сначала говорили дед Соловей, потом - внуки Соловья. Как ни странно, внуки, в отличие от деда,

хорошо пели, а особенно любили поговорить, так что другому человеку и свое слово вставить в разговор было нельзя.

В том рейде в тыл врага принимали участие и Григорий, и Евлампий. Григорий вместе с Федором должен был уничтожить пулеметное гнездо, расположенное на правой стороне высохшего русла реки. Подобрались они к укреплению, видят спины солдат, достали штык-ножи и махнули в окопчик. Федор слету успел закрыть рукавом рот пулеметчику и воткнуть в него штык, тот обмяк, не издав ни звука. Григорий убрал штык-ножом одного присевшего с папиросой. А третий успел штыком винтовки ударить в спину Федора. Удар пришелся вскользь, по лопатке, порвал мышцы спины и проткнул руку. Григорий мгновенно бросился на врага, рукой ударил в челюсть, штыком в грудь - и все было кончено. Федор от потери крови обмяк, рука болталась, как плеть. Григорий, прихватив французский карабин, австрийский штык-нож, взвалил на спину Федора и, согнувшись, направился к руслу реки. Из темноты показались первые всадники сотни Ефима. Григорий поднял Федора, чтобы усадить в седло, но тут шальная пуля попала товарищу в висок, тело его налилось свинцовой тяжестью, последний раз дернулось, и душа его отлетела в мир иной. Григорий перекрестился и сказал: «Царство Божье убиенному рабу Божьему Федору, пусть земля ему будет пухом». Перекинул тело Федора через седло и крепко стянул под брюхом лошади ноги и руки сыромятным ремешком. Григорий в этом бою впервые встретился со смертью. Погиб станичник, которого он знал с детства, с которым вместе росли, играли в «бабки», «клек», лапту, ходили купаться на Кумачку, нещадно дрались из-за

соседской девчонки Катьки. И вдруг его не стало, а заодно и того прошлого, которого вроде бы и не было. Но только для них двоих оно было реальностью, у других оно было свое. Григорий задумался: а если бы погиб он? Значит, через какое-то время этого уже ни для кого просто и не было. И через несколько лет, когда умрут родные и знакомые, то никто не вспомнит ни о Гришке, ни о Федьке.

От таких мыслей сильно разболелась голова, он пошел к землякам, которые, сидя у костра, хлебали густой суп с обжаренными кусками свиного сала, пшеном и картошкой. Тлеющие угли костра, пробегающие по ним синенькие огоньки, треск цикад и сытная еда сморили Григория. Положив голову на седло, он уснул. Ночью ему приснился странный сон, будто, вернувшись с войны, он женился на соседке Катьке, которая была первой красавицей и сплетницей в станице. Девка она справная, работающая, знала все новости на селе. У нее было много подруг, которые делились с ней всем услышанным, а она все это разносила дальше. Не зря говорят: что у бабы на уме, то и на языке. От неловкого положения головы или из-за гибели друга сон превратился в кошмар. Катька превратилась в огромную казачку с ухватом и стала гоняться за Григорием, стараясь придавить его этим приспособлением для доставания горшков из печи, как черт рогами. Григорий, который был не робкого десятка, любил подраться, его обидчикам, а иногда и просто казачкам с соседней улицы изрядно доставалось. Когда он вырос и возмужал, то редко кто с ним пытался помериться силой. А тут Катька с ухватом гоняет его, словно кота Ваську, который в кринке сливки слизнул. Еле увернувшись от удара ухватом, Григорий проснулся.

Небо было черное, воздух свеж, яркие звезды светили на небе. Приближался рассвет, а там и следующие бои. Для кого-то они станут последними. Тряхнув головой, Григорий отогнал нахлынувшие воспоминания, посмотрел на жену Евлампия Екатерину, которая сыпала в колоды корм птицам и подумал: «Да, если бы я женился на ней, то, наверное, сон бы сбылся, и не раз бы Катька погоняла меня ухватом за различные проделки. И как тут не поверишь, что сны бывают вещи». Ведь после войны Григорий решил жениться на Катьке, долго за ней ухаживал, бил соседских парней, не давал ей проходу, не обращая внимания на различные сплетни. Уже вся станица ему все косточки перемила, а он все стоял на своем. Но, видно, не судьба.

Не одному ему нравилась Катька. Приглянулась она и угрюмому, неразговорчивому Евлампью. Он был работяга, каких надо еще поискать, а вот слово бывало из него и клещами не вытащишь, если не было веской на то причины. Он говорил, что лясы точить - это бабское дело, мужику надо работать. Вот как-то возле Катькиного дома и встретились два станичника. Стали они выяснять отношения. Хоть и крепок был Григорий, но сила оказалась на стороне Евлампия. У него аргументы оказались более веские. С одного удара сломал он в трех местах челюсть Григорию и выбил два передних зуба. После этого «разговора» к Катьке парни за версту боялись подойти. И челюсти, по-видимому, не чесались, и зубов передних лишних ни у кого не было. Время шло – девке замуж пора, а женихов нет. Вот она и вышла замуж за Евлампия. Говорить стала меньше, а работать больше, подружки стали ходить реже, ну а хозяйство у молодых стало крепче. Стали

они жить зажиточно. Все дела в хозяйстве спорились, только хорошее о них в станице и говорили.

Пришло время - и Григорий женился на работающей казачке Матрене, помирился с Евлампием. Стали они друзьями. Один больше говорит, другой больше слушает, а решения принимают верные, на пользу всей станице.

Евлампий прихлопнул своей огромной ладонью присосавшегося комара, сказав: «Дармоед ты этакий, приспособился чужую кровь пить. Так получи по заслугам». Григорий посмотрел на красное пятно, оставшееся от комара на руке Евлампия, и перешел к делу, ради которого и пришел. «Слушай, Евлампий, времена наступили смутные, положиться ни на кого нельзя. А у тебя и казна станицы, и трофеи. Надо бы их спрятать где-то до лучших времен. Слухи ходят, что красные на днях станицу захватят». Евлампий крикнул и сказал: «Спрятать-то надо, да как: везде глаза да уши торчат, то старики со старухами на завалинках до самого поздна сидят, то ребятня пронырливая везде шастает, а ночью молодые гуляют». Григорий, подумав, сказал: «А давай казну к трофеям в котел сложим, а утром, когда народа на улицах немного, возьмем да отвезем на Банное озеро котел, как будто для того, чтобы отмыть, а там и утопим. Вряд ли это у кого вызовет подозрение». Котлы и другую утварь часто мыли на Банном озере. Евлампий возражать не стал. Договорились встретиться утром пораньше.

Никаких подозрений ранний визит Григория к Евлампиию ни у кого не вызвал. Они дружили давно: вместе косили сено, убирали урожай, ездили на охоту. Григорий вместе с Евлампием открыли амбар, достали огромный

котел, добавили казну к трофеям, закрыли крышкой, надежно закрепили ее и поставили котел на телегу, запряженную волами. Открыли ворота и не спеша поехали к Банному озеру. Григорий неожиданно сказал: «Катьку надо было бы взять, а то как-то подозрительно – два мужика поехали мыть котел, не мужское это дело». В ответ Евлампий произнес: «Если Катьку брать, то ей сначала надо язык удалить или рот зашить. А так как это невозможно, то придется делать все самим».

На их счастье, на озере не было ни одного станичника. Заехав на телеге в воду, они осмотрелись, выбрали подходящее место и столкнули огромный котел в воду. Проехав еще некоторое расстояние по воде, они свернули к берегу и выехали на дорогу. От волнения обоих слегка трясло, ведь казенное имущество. А вдруг кто видел да утащит? Как тогда объяснять станищикам, что это решение они приняли сами, не вынося его на обсуждение казачьего круга? По пустынной улице волы медленно дотащили телегу до ворот. Евлампий крикнул сыну Ивану, чтобы тот распряг волов, а они с Григорием зашли в дом. Катька с порога начала: «Где вас черти ни свет, ни заря носят? Уж не на рыбалку ли ездили? Все мокрые, в грязи, за вами не на убираешься, целый день не приседая». Евлампий грозно глянул на жену и сказал: «Не твоего бабьего ума это дело мужику указывать, что делать, или забыла, где нагайка висит. Иди, огурцов соленых достань да сальца с хлебом нарежь, самогон на стол поставь». Катерина, не отличавшаяся большой сообразительностью, вместо того, чтобы не перечить супругу, попыталась продолжить, что с утра спиртное не пьют. Взбешенный Евлампий сказал:

«Сгинь, нечистая сила». Жену как ветром сдуло. А на столе появились разносолы и самогон. Разговор между Евлампием и Григорием затянулся до обеда. Говорил один Григорий, а Евлампий слушал и кивал головой.

Многое в жизни было непонятно им обоим, да и другим казакам станицы тоже. Их мир был понятен, объясним, предсказуем. Это станица с ее проблемами, семья, окружающая природа. Остальное лежало за рамками их восприятия. Революция, красные, белые были чем-то непонятным, ненужным, мешающим жить, меняющим весь устоявшийся уклад жизни, ведущим в никуда.

Неожиданно во дворе разорвался снаряд, раздались крики. В станицу ворвались красные. Григорий схватил винтовку, Евлампий - саблю и выскочили во двор. Григорий был убит выстрелом из нагана, а Евлампия – атамана станицы расстреляли.

Прошло много лет. Никто толком и не знает, как все было на самом деле. Остались только обрывки слухов, передававшихся из поколения в поколение, что в Банном озере был затоплен котел с казачьим добром. Правда это или нет, судить сложно. Даже мнения о том, какие размеры имело озеро, никто не знает. Но Банное озеро помнят многие старожилы станицы. А был ли котел или нет - это, возможно, предание. Возможно, и правда. Есть поговорка: дыма без огня не бывает. Может, кто-то и знает, что же было на самом деле в те далекие лихие годы, хранит тайну до сегодняшних дней, передавая легенду Банного озера своим потомкам.

Содержание

Книга первая

1. Золотая колесница	6
2. Тайна усатого кургана	46
3. Звезда Тарпана	61
4. Красный тюльпан.....	74
5. Стелы Ариев.....	96
6. След бронзового зеркала.....	102
7. Холм силы	118
8. Бюркют	138

Книга вторая

1. Сокровища Тамерлана.....	150
2. Сон-трава.....	168
3. Свистунка	190
4. Тайна Банного озера	208

Литературно-художественное издание

12+

Александр Григорьевич РУСОВ

На острие

(Избранное)

Редактор - М. Русова

Подписано в печать 22.01.2019 г. Формат 60x84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
14 усл. печ. л. Тираж 50 экз. Заказ № РФ 032

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.
E-mail: kartushizdat@yandex.ru www.издатькнигу.рф

ЭФИДИОНЪ

Александр РУСОВ

Александр

ISBN 978-5-9708-0718-7

9 785970 807187